

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ
РОССИЙСКИЙ ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЦДУМ РОССИИ

Д.Г. МИХАЙЛИЧЕНКО, А.И. МИХАЙЛИЧЕНКО

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ МАССОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЖИЗНЬ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Монография

Уфа 2012

УДК 316.334.2
ББК 60.524.224.67
М69

Михайличенко Д.Г.

Влияние технологий массовой манипуляции на религиозную жизнь эпохи глобализации: монография.— Уфа: Изд-во БГПУ, 2012. — 136 с.

ISBN 978-5-90287-023-4

В монографии Д.Г. Михайличенко и А.И. Михайличенко исследуется значение технологий массовой манипуляции в системе конфессиональных и межконфессиональных отношений эпохи глобализации. Используя масс-медиа технологии манипуляции активно провоцируют религиозные конфликты, имеющие значительные, цивилизационные последствия. Книга рассчитана на бакалавров, магистрантов и аспирантов гуманитарного профиля, а также всех интересующихся проблемами трансформации значения религий в условиях глобализации.

Рецензенты:

д-р соц. н., проф. Е.Ю. Бикметов;
канд. полит. н., М.Ю. Лукиянов.

Руководитель проекта:

д.ф.н., профессор В.С. Хазиев

*Работа выполнена в рамках проекта Комплексной программы
«Содействие развитию мусульманского образования»,
утвержденной Правительством РФ от 14.06.2007 № 775-р*

© На обложке использован кадр из фильма «Апокалипсис» (режиссер М. Гибсон, 2006).

ISBN 978-5-87978-705-4

©Михайличенко Д.Г., 2012
© Издательство БГПУ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ.....	8
1.1. Основные тенденции глобализирующегося мира	8
1.2. Религиозная жизнь в эпоху глобализации.....	18
1.3. Значение средств массовой информации в условиях глобализации	28
1.4. Национальная безопасность в эпоху глобализации	36
1.5. Проблемы конфессиональной безопасности в эпоху глобализации.....	43
ГЛАВА ВТОРАЯ. ТЕХНОЛОГИИ МАССОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА.....	54
2.1. Проблема технологий массовой манипуляции в научной литературе.....	54
2.2. Сущность и причины распространения технологий массовой манипуляции	77
2.3. Технологии массовой манипуляции как угроза глобальной и национальной безопасности	88
2.4. Технологии массовой манипуляции как фактор формирования конфессиональных и межконфессиональных конфликтов в эпоху глобализации	107
2.5. Противодействие технологиям массовой манипуляции в контексте гармонизации конфессиональных и межконфессиональных отношений.....	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
ГЛОССАРИЙ	132
ЛИТЕРАТУРА	133

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении тысячелетий религия оказывала огромное влияние на жизнь людей. В той или иной форме религия обнаруживается во всех человеческих обществах. В контексте социального развития значение религий всегда определяется их способностью вмешиваться, и определять ее течение в повседневной жизни общества.

Религия – это специфическая форма освоения мира посредством веры в сверхъестественное, Абсолют, которая включает в себя общие воззрения на мир, способы его постижения, моральные нормы поведения, обряды, культовые действия в рамках организационного объединения верующих.

По мере развития, модернизации современного общества рационалистический взгляд захватил многие стороны нашего существования, и, по-видимому, его влияние в предсказуемом будущем вряд ли ослабеет¹. И, тем не менее, всегда будут выступления против науки и рационалистического мышления, потому что они не дают ответа на такие фундаментальные вопросы, как смысл и цель нашей жизни. Именно эти вопросы всегда были в центре религии, и именно они поддерживали веру.

Такие авторитетные исследователи феномена религий, как Л. Фейербах (1804—1872 гг.), К. Маркс (1818 – 1883 гг.), М. Вебер (1865-1920 гг.), Э. Дюркгейм (1858-1917 гг.) и другие были уверены, что традиционная религия в современном мире будет становиться все более и более маргинальным явлением. По мере того, как общество будет модернизироваться и больше полагаться на науку и технологии, чтобы контролировать и объяснять социальный мир, неизбежно произойдет процесс секуляризации.

Рациональное опровержение религии, если вдруг такая задача и появится в повестке дня, потребует формирования такой системы ценностей, которая отвечала бы объективным психологическим и нравственным запросам человека. Тысячелетняя история цивилизации не дает оснований для уверенности в том, что такая попытка будет успешной. На протяжении сего этого периода религия удерживает центральное место в структуре общественного сознания и, несмотря на все успехи науки и техники, а порой и вопреки им, продолжает многими восприниматься как единственная сила, способная сплотить общество и дать покой человеческой душе².

В современную эпоху религия как система верований, вызывающих чувство благоговения или страха, связанная с ритуалами или церемониями в которых принимает участие община верующих, также имеет значение для общественного развития. В эпоху глобализации («globalization» – англ.; «globalisierung» – нем.; «mondialisation» – франц.) магистральной тенденцией является признание многообразия конфессий и форм

¹ Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. - М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 461.

² Авдеева И.А. Религия и традиционные ценности в эпоху глобализации / И.А. Авдеева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 11. – С. 230-234. – С. 233.

религиозного опыта. Исходя из этого формируется проблема гармонизации конфессиональных и межконфессиональных отношений.

Конфессиональные и межконфессиональные отношения – это особый вид культовой и внекультовой коммуникации в духовной сфере, выступающей вокруг таких параметров социальной жизни, как вера в сверхъестественное, сакральное, культ, религиозные организации, государство, политика. Совокупность конфессиональных и межконфессиональных отношений образуют религиозную жизнь эпохи глобализации. Конфессиональные отношения охватывают различные формы коммуникаций и взаимоотношений в рамках одной конфессии, а межконфессиональные аналогичные параметры в рамках двух и более конфессий.

Конфессиональные и межконфессиональные отношения имеют различный характер солидарности, терпимости нейтралитета, а также конфликта и борьбы. Однако, обычно, даже при мирном сосуществовании имеется представление о превосходстве одной религии над всеми остальными, что создает поле для конфликтов.

Конфессиональные и межконфессиональные отношения представляют собой традиционный и неотъемлемый атрибут общества, меняющийся вместе с трансформацией социальности. Религия может рассматриваться как один из видов политической системы, что с неизменностью означает политичность всего спектра религиозных отношений. Помимо этого, ради высокой цели обосновывается необходимость учета духовно-нравственных норм. Именно таким образом, клерикальные круги иницируют свое присутствие в политической жизни. Неудивительно, что корыстные намерения политиков использовать в своих интересах религию – явление довольно частое. И, наконец, использование религии в политических целях, сакрализация (освящение) власти и клерикализация государства формируют некое поле единомыслия, на котором основана неограниченная власть, которая и провоцирует на себя реакцию, в том числе в такой крайней форме, как терроризм¹.

Политика может воздействовать на религию разнообразными видами государственного поощрения, командования (распоряжениями, декретами и т.п.) и принуждения (включая применение насилия). В арсенале религии есть также различные средства воздействия на политику и политиков – преимущественно это увещания, моральная оценка политики, проводимой властью и оппозицией, но могут быть и призывы к непосредственному участию в политических событиях².

Опыт истории свидетельствует о том, что любая религиозная (конфессиональная) общность, пока пребывает в меньшинстве или подавляется государством, выступает за равенство религий, сотрудничество их последователей в самых различных областях и на самых различных уровнях. Однако,

¹ Бурьянов С.А. Свобода совести как глобальная ценность, на пути к политическому единству и решению глобальных проблем / С.А. Бурьянов // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 136-151. – С. 141.

² Семенов В.В. Этноконфессиональная специфика проявления национального и религиозного в политике / В. Семенов // Этнос и конфессии. – 2010. – № 2. – С. 110-113. – С. 112.

освободившись от засилия власти, а тем более превратившись в большинство, да еще такое, в котором власть нуждается, она отказывается от былых призывов к обеспечению равенства конфессий, не желает сотрудничать с другими религиозными общностями на паритетных началах, что вызывает негативные настроения в среде конфессиональных меньшинств.

Доминирующая религиозная общность этим не ограничивается. Ее лидеры стремятся использовать возможности политической власти для укрепления своих позиций в ущерб правам других конфессиональных общностей. Параллельно увеличивается соблазн усиления религиозного влияния на различные стороны общественной жизни, не исключая и политику. В таких случаях нередко и политика идет навстречу религии, стремясь использовать ее мощный мобилизационный потенциал в своих интересах. В результате появляется угроза политизации религии и клерикализации политики, что чревато резким обострением социально-политических и межнациональных противоречий.

Таким образом, конфессиональные и межконфессиональные отношения традиционно являются объектом политических интересов и «специального» контроля со стороны власти как в России, так и во многих государствах мира. Неудивительно, что в современной духовной жизни используются различные политические технологии.

Нетрудно заметить, что для характеристики духовной сферы эпохи глобализации широко используются категории, базирующиеся на понятиях, ранее применявшихся в основном в инженерных дисциплинах. Такие понятия, как «технологии», «механизмы», «технологии реализации власти», «современные политические технологии», «механизмы управления», «информационные технологии», «технологии лоббистской деятельности», «технологии парламентаризма», «технологии формирования имиджа лидеров», «избирательные технологии», «грязные» технологии, «технологии паблик рилейшнз» стали практически общеупотребительным в современном политическом дискурсе и активно проникают в духовную среду.

В самом общем виде под технологией понимается последовательная осуществляемая совокупность способов и методов для достижения конкретного результата. Другими словами, технология – это:

1). система жестко скоординированных элементов: цели – процедуры (правила) – средства – операции (действия) – мотивы (стимулы); любое преобразование исходных материалов, будь то люди, информация или физические материалы, для получения желаемых результатов в виде продукции или услуг;

2). система знаний о способах, средствах, методах, формах деятельности человека и механизме их практического использования в быту, производстве, медицине, управлении и т.д.

Применение политических технологий в условиях глобализации трансформируют конфессиональные и межконфессиональные отношения, делает их более зависимыми от современных средств массовой информации и коммуникации. В эпоху глобализации циркулирующие потоки, призванные объективно транслировать информацию о религиозной сфере далеко не всегда выполняют такую роль. Подчас они транслируют информацию, соответствующую интересам узкого круга лиц; нередко происходит фальсификация

и манипуляции. Ущерб от такой деятельности огромен. Участники духовной жизни получают вместо достоверной искаженную информацию о конфессиональных и межконфессиональных отношениях, теряя, тем самым, гносеологические основы деятельности, они не знают в состоянии опасности или безопасности они находятся. Это, в свою очередь, чревато религиозными конфликтами глобального значения. Исходя из этого, проблема нейтрализации воздействия технологий массовой манипуляции на религиозную сферу является крайне актуальной и выступает неотъемлемым компонентом обеспечения глобальной и национальной безопасности в современную эпоху.

Изучение проблемы влияния технологий массовой манипуляции на конфессиональные и межконфессиональные отношения упирается в сложность изучения феномена религии.

Возможно, самый известный исследователь религии в XX в. Мирча Элиаде писал (1907 – 1986 гг.) «...религиозное явление может быть воспринято в своем подлинном существе, только если подход исследователя адекватен исследуемому явлению, если, иными словами, к нему подходят с религиозным же мерилем. Попытка познать существо таких явления средствами физиологии, психологии, социологии, экономики, лингвистики, искусствоведения или какой-либо другой дисциплины обречена на неудачу; при этом ускользает именно то, что составляет их уникальное и ни к чему не сводимое свойство – их священный характер»¹.

Признавая всю сложность и уникальность феномена религий и сопряженных с ним конфессиональных и межконфессиональных отношений, трудно полностью согласиться с данным подходом. Безусловно, при изучении духовной сферы, от исследователя требуется прочувствовать идеалы, которые внушают глубокую убежденность верующим, и одновременно необходимо относиться к ним беспристрастно. Следует оценивать идеи, обращенные к вечности, и в то же время помнить, что религиозные группы преследуют также вполне мирские цели – такие, как сбор финансовых средств или привлечение последователей. Необходимо признать многообразие религиозных верований и способов поведения, а также исследовать сущность религии как общего феномена².

Монография состоит из двух глав по пять параграфов в каждом. В первой главе рассматривается сущность глобализации, особенности конфессиональных и межконфессиональных отношений в эпоху глобализацию, система национальной безопасности государства и конфессиональной безопасности как ее части. Во второй главе исследуется сущность и причины распространения технологий массовой манипуляции, их влияние на систему национальной безопасности и формирование конфессиональных и межконфессиональных конфликтов в эпоху глобализации, а также анализируются основные принципы нейтрализации репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции, предполагающие гармонизацию конфессиональных и межконфессиональных отношений.

¹ Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / М.: Ладомир. 1999. – С. 11.

² Гидденс Э. Социология. – С. 462.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

1.1. Основные тенденции глобализирующегося мира

Начиная со второй половины XX столетия, происходит глобальный процесс трансформации мирового сообщества от индустриальной к информационной организации всей системы общественных отношений. Трансформированное под воздействием новых или высоких технологий общество нередко называют «постиндустриальным», «информационным», «глобализирующимся».

Современное, постоянно глобализирующееся общество – это чрезвычайно сложное явление, характеризующееся увеличением ритма социального времени, индивидуализацией, господством материальных ценностей и другими тенденциями. В отличие от традиционного, современное общество характеризуется быстротой изменений. Современность функционирует в режиме непрерывного изменения, а действия людей заключаются в ежедневном изменении и пересмотре сложной сети взаимосвязей.

Глобализирующееся общество в значительной степени отличается от античности и средневековья, прежде всего тем, что во главу угла ставит материальный фактор. В традиционной цивилизации почти невозможна ситуация, а которых человек приписывал бы ту или иную идею исключительно себе. Даже если бы кому-нибудь пришло в голову совершить нечто подобное, его авторитет тут же упал бы, и доверие к нему было бы полностью подорвано. Более того, сама подобная идея расценивалась бы как бессмысленная фантазия. Считалось, что если идея истинна, она принадлежит всем, кто способен ее постичь. Если же она ложна, то ее изобретение не может представлять ценности, и вера в нее не будет иметь смысла. Напротив, в современном обществе материальное производство со всеми его компонентами: техническим, производственно-административным, товарным обменом является одним из аспектов создания гедонистических благ, столь желанных для современных людей. Характеризуя данную ситуацию, можно вслед за Э. Фроммом утверждать, что категория «иметь» оттесняет категорию «быть» в системе социокультурных ценностей современного общества¹.

Хотя глобализацию часто ассоциируют с переменами в «больших» системах, таких как мировые финансовые рынки, производство и торговля, телекоммуникации, не менее остро ее воздействие ощущается и в повседневной жизни. Главным образом, в развитых странах Запада после Второй мировой войны произошел общественный сдвиг доселе невиданного размаха и динамизма в сторону индивидуализации. На фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий, в хо-

¹ См. подробнее: *Фромм Э. «Иметь» или «быть»*. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 314 с.

де исторического разрыва с устоявшимися формами жизни, люди освобождаются от классово окрашенных отношений, форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями¹.

Глобализация послужила причиной значительных преобразований в области профессиональной деятельности. Новые тенденции в международной торговле и переход к информационной экономике оказали серьезное воздействие на устоявшиеся формы занятости. Многие традиционные отрасли занятости становятся устаревшими в результате появления новых технологий, или же теряют свою долю рынка в конкурентной борьбе с зарубежными производителями, чьи затраты оказываются значительно ниже, чем у индустриальных держав².

«Главная фигура современности – если додумать до конца – это *одинокий* мужчина или одинокая женщина. Потребности рынка труда абстрагируются от потребностей семьи, брака, материнства, отцовства, партнерства и т.д.³ Разъединяя общество, подчеркивая различия, а не сходство, современный человек все более индивидуализируется. Создается возможность реализации своего потенциала, однако тем самым также затрудняются человеческие контакты. Чем больше мы индивидуализируемся, тем труднее становится выбрать себе спутника жизни с близкими интересами, ценностями, привычками или вкусами»⁴.

Индивидуализм заключается в чувстве четкого различия между моим и чужим бытием. Это чувство значительно возрастает благодаря вере в *ценность* человеческих существ как таковых. Как только печать особой, даже наивысшей ценности была наложена на вполне обыденный опыт совершения собственных поступков и мыслей, возникло «обостренное самосознание», импульс на «собственное я» как на предмет нежной заботы и культивации.

Торговля, развитие информационных технологий, международные средства массовой информации и миграция в глобальных масштабах – все это способствует свободному перемещению культуры через границы национальных государств. Многие считают, что мы сейчас живем в условиях доминирования единой информационной системы – огромной мировой сети, в которой большие объемы информации могут быть использованы всеми практически одновременно. Можно утверждать, что сформировалась глобальная массовая культура⁵.

И, наконец, современное общество чрезвычайно зависимо от научного знания. Как показал в свое время Д. Белл, структурные изменения, ха-

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну/ У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 106.

² Гидденс Э. Социология. – С. 66.

³ Бек У. Общество риска. – С. 182.

⁴ Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер – М.: ООО «Издательство АСТ», – 2004. – С. 583.

⁵ Гидденс Э. Социология. – С. 66.

рактизирующие современное общество лежат в беспрецедентном влиянии науки на производство, которое возникло в основном в ходе преобразования электроэнергической и химической отраслей промышленности в начале XX века. Интенсивный рост и разветвление наук, появление новой интеллектуальной технологии, начало систематических исследований, финансируемых из бюджетов научно-исследовательских и конструкторских разработок, как вершина всего этого, кодификация теоретического знания¹. Таким образом, потенциал развития современного общества во все возрастающей степени определяется масштабами информации и знаний, которыми оно располагает. Сегодня смело можно утверждать, что в основе общества XXI века лежит информационная инфраструктура.

Глобализирующееся общество базируется на создании комплексной индустрии производства, обработки, хранения и использования информации при помощи прогрессивной электронной техники. Перед всеми странами стоит задача определения эффективных путей необходимых для перехода в состояние информационного общества.

Эти и другие сущностные черты составляют основу глобализации. Большинство исследователей признают, что сегодня, в XXI в., понятия «глобальность», «глобализация», «глобалистика» являются некой основой для понимания современного состояния и перспектив человеческой цивилизации. Глобализация – это закономерный этап развития общества. В научной литературе существует два основных подхода к феномену глобализации:

1. *Глобализация в духе роста взаимозависимостей (Д. Хелд и др.)*. Согласно этому подходу, глобализация представляет собой рост взаимозависимостей между различными регионами земного шара и «смешением» процессов политического, экономического и культурного содержания. Это приводит к тому, что, например, культурные явления оборачиваются политическими конфликтами, а экономические интересы преломляются в виде политических «идеологем», таких как стремление США установить во всем мире демократию, особенно в тех странах, где много нефти.

2. *«Сжатие» социального пространства социальным временем (Д. Харви, Э. Гидденс и др.)*. С развитием техники, транспорта и средств связи все в мире становится «гораздо ближе», а, следовательно, глобализация неизбежна. Поэтому глобализация – это, прежде всего, интенсификация социальных контактов.

Если обобщить концептуальные основы многочисленных исследований глобализации, то можно утверждать, что результатом глобализации является становление единого экономического, политического, культурного, в том числе и информационного пространства. Процесс глобализации обусловлен объективными факторами мирового развития, углублением

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 58.

разделения общественного труда, высокими темпами научно-технического прогресса, развитием международных коммуникативных систем, модернизацией и, в вследствие этого, сближением политических взаимоотношений между странами. Глобализация сопровождается процессом усиления и обогащения информационных, идеологических, политических, экономических, формационных, цивилизационных связей между странами.

Глобализация относится к числу основных тенденций современного общества. Различные общества становятся взаимозависимыми во всех аспектах — политическом, экономическом, культурном, и масштаб этих взаимозависимостей становится действительно глобальным. Человечество превращается в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на Земле. Сегодня можно говорить о глобальной структуре социальных отношений, связывающих отдельные общества в единую систему.

В политической сфере эта тенденция выражается в появлении наднациональных (надгосударственных) единиц различного масштаба: политические и военные блоки, коалиции правящих групп, континентальные или региональные объединения, всемирные международные организации, террористические организации с разветвленной международной сетью. Можно заметить также контуры мирового правительства, когда ряд важных функций выполняется наднациональными организациями (например, Европейский парламент, Интерпол). В экономическом плане это выражается в постоянно увеличивающемся значении транснациональные корпорации, выступающих проводниками глобализации. В культурном отношении глобализация несет с собой становление, прежде всего, идеалов западного общества потребления.

По мере развития глобализации существующие политически структуры и модели управления перестают отвечать требованиям нового мира — мира, полного риска, неравенства и проблем, которые не признают границ и угрожают уже всему человечеству в целом. Сегодня очевидно, что правительства отдельных наций не в состоянии остановить распространение СПИДа, справиться с последствиями глобального потепления или регулировать нестабильные международные финансовые рынки. Многие из процессов, воздействующих на общества по всему миру, не поддаются контролю при помощи существующих механизмов управления. Оказавшись перед лицом образовавшегося управленческого «дефицита», многие призывают к созданию новых форм глобального управления, которое могло бы справиться с глобальными задачами¹.

Считается, что глобализация заключается в обеспечении как можно более полномасштабной экономической, а вслед за ней политической и культурной экспансии Запада в массовой форме. Рынки работают и процветают в том случае, если существуют и соблюдаются права собственно-

¹ Гидденс Э. Социология. — С. 74.

сти, что, в свою очередь, требует политической основы, защищенной и поддерживаемой военной силой. Война сегодня (перефразируя знаменитую формулировку К. фон Клаузевица) все более и более похожа на «продвижение глобальной свободной торговли другими средствами»¹. Как выражается А. Каллиникос, Макдональдс не может процветать без Макдонелла Дугласа, создателя истребителя «F-15»².

Действительно, значение Западной цивилизации в этом процессе трудно переоценить, однако необходимо понимать, что сейчас – это реальность, основные тренды которой выступают важнейшим условием развития всей планеты, а в ближайшей перспективе, возможно, и других планет. При этом глобализация уже давно не является сугубо западным явлением. В глобализацию вовлечены страны второго и третьего мира, специфическим образом пытающиеся отстаивать свои интересы и стремящиеся использовать свои конкурентные преимущества, такие, например, как низкая стоимость рабочей силы.

Глобализирующийся мир крайне неустойчив, существуют множество угроз и опасностей, препятствующих ему. Процесс глобализации способствовал возникновению принципиально новых угроз безопасности, которые требуют соответствующих принципов и механизмов защиты от них³. Опасности и угрозы в XXI в. приобретают все более комплексный и взаимоуязвимый характер, поэтому единственно верным подходом к решению проблем безопасности является системный подход⁴.

Основными факторами, препятствующими достижению безопасности той, или иной социальной системы, являются опасности и угрозы. Понятие «опасность» шире, чем «угроза». «Угрозы», в отличие от «опасности», всегда субъектны, имеют конкретного носителя. Важнейший вопрос, который следует задать при анализе проблем безопасности, связан с тем, следует ли начинать дискуссию с самих угроз, или факторов, делающих систему уязвимой по отношению к ним. Часто этот вопрос вообще не ставится, а слабости отождествляются с угрозами. Каждая слабость системы потенциально представляет собой угрозу, но не каждая угроза обязательно сопряжена со слабостью системы, несмотря на то, что целенаправленное разрушение системы осуществляется посредством поиска ее слабых мест⁵.

Источником опасности могут быть как явления, процессы, так и действия субъектов, однако действия субъектов, как правило, не направлены

¹ Бауман З. *Текущая современность* / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – С. 19.

² Каллиникос А. *Антикапиталистический манифест*. – М.: Праксис, 2005. – С. 59.

³ См. подробнее: Хелд Д. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура* / Д. Хелд и др. – М.: Праксис, 2004 – XXIV, 576 с.

⁴ Тигин С.Г. *Политический риск в обеспечении национальной безопасности* / С.Г. Тигин // Дисс. канд. полит. наук. – М. 2006. – С. 101.

⁵ Ишмаев А.Р. *Энергетическая безопасность в системе национальной безопасности России в XXI в.: политологический анализ* / А.Р. Ишмаев // Дисс. канд. полит. н. – Уфа, 2011. – С. 19.

на конкретного адресата, т.е. не персонифицированы. Угроза же всегда исходит от субъекта и направлена на персонифицированный объект¹. Социальные факторы имеют решающее значение в возникновении опасностей. Исходя из этого, угрозы безопасности представляют собой совокупность намерений и возможностей социального субъекта, способных представлять ущерб жизненно важным интересам личности, общества и государства².

Основными опасностями и угрозами глобальной безопасности выступают следующие:

1. Неблагоприятная экологическая ситуация и угроза техногенных рисков. Научно-технический прогресс, безграничное увеличение производства, рост технического (техносфера) имеют обратным следствием ухудшение экологической ситуации (глобальное потепление, загрязнение окружающей среды, выброс отходов, истощение ресурсов, потребление генетически модифицированных продуктов). Если раньше человек был объектом природных рисков, то в эпоху глобализации он становится их субъектом, а природа – объектом риска.

Ухудшение экологической ситуации может привести к катастрофическим последствиям. Вряд ли будет возможным удивить наших потомков текущими технологическими достижениями, а также их побочными следами, зафиксированными на ландшафте в виде фабрик, заводов, ГЭС. Скорее ценность для них будут представлять уменьшающиеся, как шагреневая кожа, оазисы первозданной природы, многообразие видов флоры и фауны.

Человек своим вмешательством в мир органической жизни воздействует на общепланетарные, жизненно важные физические, химические, геологические, климатические и биологические связи. В качестве примера можно привести т.н. «парниковый эффект», который может вызывать таяние полярных льдов, катастрофическое повышение уровня вод океана, затопление значительной части суши.

2. Воздействие физического насилия в современном обществе, включая угрозу мировой ядерной войны. Угроза эскалации военных конфликтов до уровня мировой войны по-прежнему реальна, что являет собой важнейшую угрозу существования планеты. Сюда же следует отнести деятельность террористических организаций. Террористические организации, имеющие, как правило, децентрализованную, сетевую структуру, несмотря на свою антигуманность, постоянно демонстрируют свою действенность.

3. Угроза пандемий, эпидемий. Смертельные болезни, эпидемии и пандемии сопутствовали человеку в его социальной жизни всегда (чума, туберкулез, СПИД и др.). Репрессивный страх от распространения эпидемий и пандемий сохраняет свои позиции и в современном обществе (СПИД, «птичий грипп», «свиной грипп» и др.).

¹ Буркин А.И., Возженников А.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / А.И. Буркин, А.В. Возженков. - М. РАГС, 2008. –С. 52.

² Ишмаев А.Р. Указ. соч. – С. 19.

4. *Увеличение различных проявлений символического насилия.* Репрессивность общества модерн, концептуализированная «паноптиконом» М. Фуко¹, аннигилировавшая принцип прав человека (Беломорканал, Освенцим, фордизм, Холокост), дополняется иной информационно-психологической репрессивностью, использующей в большей степени не физическое, а символическое насилие.

Если в эпоху развитого модерна (первая половина XX в.) репрессивность политических технологий, блестящий анализ которых дали Х. Арендт, К. Манхейм, К. Ясперс и др., направлялась на разрушение приватной жизни человека и вовлечение его в тотально публичное существование, то репрессивность современного общества в том, что человек, поглощенный непрекращающимися потоками технологий массовой манипуляции, незначительное время уделяет своему внутреннему миру.

5. *Симулякративные манипуляции с идеей человека как личности.* Человек как носитель моральной автономии, свойств личности являются глубоко укорененными в современных социальных институтах и практиках. Правовая система считает человека субъектом прав и ответственности. Однако современные политические отношения, социальные отношения в цикле «производство-потребление» нередко алгоритмом своего действия предполагают не *ин-дивида*, как не-делимого и автономного, а *дивида* (Ж. Лакан), то есть «желеобразного» человека, психику которого можно посредством различных технологий манипуляции вскрыть и запрограммировать по собственному усмотрению.

Рассуждения мыслителей эпохи модерна, за редкими исключениями (Ф. Ницше, З. Фрейд), не предполагали *не-рационального человека*, лишенного возможности совершать свободный выбор, заботясь о собственной идентичности, благосостоянии и удовлетворении. Однако такой парадигмальный подход, основанный на принципах антропоцентризма и гуманизма, выявил свою ограниченность и должен быть пересмотрен. В «модернистских» подходах социального анализа была пробита брешь. Трудность, на которую хотел указать А. Рено в «Эре индивида», заключается в том, что «... в нашем духовном мире осуждается основополагающая субъективность как определенная причина тоталитарного или технократического порабощения, и вместе с тем, чтобы описать это порабощение, используется некая идея человеческого существа, которому в полностью управляемом мире отказано в возможности (а значит и во всяком праве) быть основанием своих собственных мыслей и действий, быть *субъектом*, а не *объектом*, овеществленной опорой бесконечного манипулирования»².

¹Подробнее об этом см.: Михайличенко Д.Г. Противостоять и самостоять: индивидуальность современного человека в контексте репрессивности общества неомодерн / Д.Г. Михайличенко. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С. 135-168.

²Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. – С. 21-22.

Существующие в культуре принципы постулируют современному человеку рассматривать себя в качестве автономного субъекта, и в то же время каждый из нас участвует в манипулятивных отношениях с другими людьми. Как отмечает А. Макинтайр, в поисках автономии мы стремимся, чтобы нами *не* манипулировали другие; в поисках воплощения наших собственных принципов и нашей точки зрения в мире практик мы обнаруживаем, что у нас нет другого пути, за исключением того, чтобы вступить в манипулятивные отношения с другими людьми, отношения, которым каждый из нас сопротивляется в своем собственном случае¹. Именно технологии массовой манипуляции оказываются маркирующим элементом, который высвечивает разрыв между существующими, а priori принимаемыми в качестве верных принципами культуры и их реальной ролью в современном социальном процессе. А priori считается, что современный человек автономен в социальном бытии и самостоятельно принимает решения, однако существующие социальные практики и институты доказывают, что это далеко не всегда соответствует действительности. Все эти примеры демонстрируют усугубляющийся разрыв между словами и вещами в современном обществе.

6. Социальное неравенство. Притягательность экстремистских идеологий возросла на фоне осознания большинством человечества глобального неравенства современного мира. Актуально эта проблема и для России, что находит признание на государственном уровне².

7. Значительный технический прогресс и достижения в медицине и науке не снизили актуальность проблемы бедности в современном обществе. Бедные испытывают значительные депривации и лишения. Главным образом эта проблема касается африканских, азиатских и латиноамериканских стран, находящихся на до-индустриальной, или индустриальной стадиях развития, но не ограничивается ими: в западных постиндустриальных странах также значительна доля людей, живущих за чертой бедности³. В современной России проблема бедности стоит чрезвычайно остро: значительная часть населения находится за чертой бедности или близка к границе «социального дна».

Фактор массовой бедности в таких странах, как Афганистан, Колумбия, Камбоджа, Таджикистан и др., заставляет современного человека заниматься выращиванием наркосодержащих растений. Неслучайно почти все плантации распространенных в современном обществе наркосодержащих растений типа коки и опиумного мака находятся в странах третьего мира. Жажда наживы подталкивает к изготовлению и распространению

¹ Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / А. Макинтайр. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. - С. 98.

² Патрушев Н.П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России / Н.П. Патрушев // Журнал Российского права. - 2007. - № 7. - С. 3-12. - С. 10.

³ См. подробнее: Иноземцев В.Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах / В.Л. Иноземцев // Социологические исследования. - 2000. - № 8. - С. 18-27.

наркотиков, а торговцы наркотиками в современном обществе используют новейшие коммуникативные технологии для ухода от карательных мер, отмывания денег и распространения своего бизнеса. Открытие границ между многими, например, европейскими государствами также создает дополнительные возможности для наркодилеров¹.

8. Опасность распространения наркотиков. Репрессивность наркотических веществ заключается в том, что они вызывают у человека зависимость, разрушая тем самым его психику, индивидуальность², субъектность, сужая его внутренний мир до неистового, безудержного стремления к еще одной дозе наркотика. Говорить о внутренней или внешней свободе современного человека, испытывающего наркозависимость, проблематично³. В последнее время Россия подвергается интенсивной наркоагрессии, которая продолжает наносить непоправимый ущерб здоровью граждан. Проявляется также тенденция к использованию территории Российской Федерации в качестве транзитного государства для поставок наркотиков в Западную и Восточную Европу⁴.

10. Преступность и коррупция. Сюда относятся торговля людьми, незаконный ввоз мигрантов, преступления, связанные с культурным наследием, незаконный оборот химических и ядерных материалов, взяточничество, легализация денежных средств. Экспертами ООН еще в 1990-е гг. было отмечено, что власти стран, вышедших из тоталитарного прошлого, не устанавливают эффективного социально-правового контроля над преступностью, опасаясь обвинений в возвращении к тоталитаризму⁵. Данное обстоятельство составляет одну из специфических черт репрессивного воздействия коррупции и преступности в современной России.

10. Демографическая ситуация. Если население планеты будет увеличиваться в нынешних темпах, то можно ждать демографической перегрузки, что станет причиной глобальных конфликтов.

11. Тоталитарные режимы. Несмотря на их малочисленность, тоталитарные режимы современности (Северная Корея, Куба) оказывают репрессивное воздействие на человека, не оставляя ему альтернатив в выборе политических взглядов и выражении своих мыслей.

12. Репродуктивно-генетическая репрессивность. Последствия техногенности современного общества приводят к сокращению рождаемости,

¹ См. подробнее: Гидденс Э. Социология. – С. 207.

² Типологически схожим с наркозависимостью можно считать феномены алкоголизма, лудомании, табакокурения.

³ Проблема наркозависимости граждан, к сожалению, чрезвычайно актуальна и для России (Патрушев Н. П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России. – С. 8).

⁴ Там же. – С. 8.

⁵ Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 623.

росту числа новорожденных – уродов, инвалидов с физическими и психическими недостатками. Генетически модифицированные продукты быстро стали поводом для мирового общественного беспокойства¹.

Таким образом, глобализация не решает, а, возможно, даже и усугубляет социетальные конфликты современности. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ), 30 крупных вооруженных конфликтов в 25 странах мира, в 1999 г. – 27, и то же в 25 точках земного шара, в то время как в 1989 г. их было 36 – в 32 зонах.

Безусловно, данные о конфликтах могут различаться в зависимости от источника, поскольку нет четкого критерия того, каким должен быть «уровень насилия» (число убитых и пострадавших в конфликте, его продолжительность, характер отношений между конфликтующими сторонами и т.п.), чтобы прошедшие события рассматривались как конфликт, а не как инцидент, криминальные разборки или террористические действия.

В целом же, большинство исследователей соглашались с тем, что после некоего всплеска количества конфликтов в конце 1980-х – начала 1990-х годов их число пошло на убыль в середине 1990-х и продолжает держаться примерно на одном уровне. Современные конфликты создают весьма серьезную угрозу человечеству вследствие возможного их расширения в условиях глобализации, развития экологических катастроф, серьезных гуманитарных последствий, связанных с большим количеством беженцев и т.п.

Развитию современных конфликтов способствуют различные факторы. Например, дали о себе знать проблемы, связанные с распространением оружия, его бесконтрольным использованием, непростые отношения между индустриальными и сырьевыми странами при одновременном усилении их взаимосвязи.

Существенным оказалось и то, что в период холодной войны имевшее глобальный характер противостояние Востока и Запада до некоторой степени «сняло» конфликты более низкого уровня. Эти конфликты нередко использовались сверхдержавами в их военно-политическом противостоянии, хотя они старались держать их под контролем, понимая, что в противном случае региональные конфликты могут перерасти в глобальную войну.

Среди всех факторов, влияющих на развитие конфликтов, в последнее время особо следует выделить перестройку мировой политической системы, ее «отход» от Вестфальской модели, господствовавшей в течение длительного времени, распад социалистического лагеря. На смену межгосударственным пришли внутренние и надгосударственные конфликты. Среди них можно выделить три основных типа:

1. Конфликты между центральными властями и этнической/религиозной группой/группами.

¹ См. подробнее: Кляйн Н. Заборы и окна: Хроника антиглобализационного движения / Н. Клейн. – М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2005. – С. 121-130.

2. Между различными этническими и религиозными группами.

3. Между государством/государствами и неправительственными организациями.

Все указанные группы конфликтов являются так называемыми конфликтами идентичности, так как связаны с проблемой самоидентификации. Внутригосударственный характер современных конфликтов часто сопровождается процессом, связанным с тем, что в них вовлекается сразу несколько участников (различные движения, формирования и т.п.) со своими лидерами, структурной организацией. Причем каждый из участников нередко выступает с собственными требованиями. Это крайне затрудняет регулирование конфликта, поскольку предполагает достижение согласия сразу целого ряда лиц и движений.

Таким образом, глобализация – это сложнейшее явление современности, оказывающее глубокое преобразующее влияние. Безусловно, глобализация оказывает существенное влияние на религиозную жизнь, конфессиональные и межконфессиональные отношения. Влияние сил модернизации, характерное для общества в целом, ощущается и внутри многих традиционных религиозных организаций.

В определенный момент все мировые религии как системы верований и ритуалов смогли в критические исторические моменты вырваться из места своего происхождения и сумели обратить, или завоевать представителей других культур или религий. И сегодня мировые религии остаются одной из важнейших культурных инноваций человечества. Эпоха глобализации, как и начало новой эры, дают религиозным и политическим элитам огромную власть и возможности мобилизовать армию и народ, позволяют развивать у людей чувство принадлежности и преданности независимо от той культуры, в которой они воспитывались. Религии по-прежнему формируют инфраструктуру общества. В этом отношении религии, бесспорно, составляют одну из наиболее мощных и значительных форм глобализации.

1.2. Религиозная жизнь в эпоху глобализации

Как уже было отмечено выше, глобализация характеризуется ростом взаимозависимостей, что ведет к смешению различных конфессиональных элементов. В настоящее время приверженцы ни одной из традиционных религий мира – христианства, ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства, иудаизма и других не составляют большинства ни на одном континенте и ни в одном регионе, хотя, например, христиане, мусульмане и иудеи есть во всех уголках земного шара. Индуизм, буддизм и конфуцианство сосредоточены в своих религиозных цитаделях – Южной и Восточной Азии и Китае.

Ислам занимает промежуточное положение – он сильнее всего распространен на Ближнем Востоке и в Северной Африке, хотя значительное количество его приверженцев имеется в остальной части Африки и в Во-

сточной Азии. Все они, конечно, имеют свои небольшие, а иногда и крупные миграционные общины, или диаспоры, в самых неожиданных местах, например, более миллиона японских синтоистов в Бразилии; 4 миллиона турок-мусульман в Германии; анклав католиков в Гоа на западном побережье Индии.

Квалификация той или иной религии как мировой происходит в некотором смысле *post factum*. Верования, которые обычно называются «мировыми», описывались как таковые только после того, как пространственное распространение верующих выходило за рамки места их происхождения и формирования. Они стали значимым явлением общественной жизни благодаря наднациональному и даже надтерриториальному чувству идентичности, которое обеспечивало «возможность экстенсивной и интенсивной мобилизации в масштабах, достаточных для того, чтобы войти в анналы истории»¹.

Религия в эпоху глобализации все меньше привязана к той или иной территории. Можно сказать, что ее динамика разворачивается поверх традиционных конфессиональных, политических, культурных и цивилизационных границ. В результате глобальной динамики религия отрывается от исторических корней, становится все более транснациональной, трансэтнической².

Таким образом, именно географическая экстенсивность и социальное влияние отличают мировые религии от многих других верований – существовавших и существующих. Религия никогда не признавала государственных границ, и в этом она созвучна современной глобализации. Религия включается в «глобальный порядок» не столько как некий институт, анклав, община, сколько как некий «жанр коллективной или индивидуальной идентичности», как писал известный социолог Рональд Робертсон.

Значение религий в эпоху глобализации нужно оценивать на фоне быстрых изменений, нестабильности и разобщенности. Даже если традиционные религии в какой-то мере сдают свои позиции, религия по-прежнему остается решающей силой в нашем социальном мире. Благодаря религии многие люди получают прозрение к пониманию сложных вопросов, связанных с жизнью и ее смыслом, на которые нельзя получить удовлетворительного ответа, исходя из рационалистических позиций. Поэтому обращение к религии в ее традиционной или новой форме, по-видимому, будет продолжаться еще достаточно долго³.

Вопрос о значении религии в эпоху глобализации является дискуссионным. С одной стороны, ряд исследователей говорят о падении значения религии, секуляризации в современном обществе, а другие, напротив, рассуждают о религиозном возрождении. Действительно, для современ-

¹ Хелд Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. – С. 392.

² Орлов М.О. Место и роль религии в глобальных процессах современности / М.О. Орлов // Власть. - 2008. - № 4. – С. 91-94. – С. 91.

³ Гидденс Э. Социология. – С. 481.

ной, прежде всего, западной цивилизации характерно падение интереса к религии среди широких слоев населения, особенно среди технической интеллигенции. Такие страны, как Швеция, Голландия, Чехия имеют устойчивые позиции среди неверующих. В этих и других странах наблюдается уменьшение количества проводимых обрядов, снижение посещаемости храмов. Падение значения религии в системе общественного развития отражает такое явление, как секуляризация.

С точки зрения Э. Гидденса, наиболее объективируемыми критериями секуляризации следует считать:

- 1) численность членов религиозных организаций;
- 2) социальное влияние и престиж религиозных организаций;
- 3) религиозность населения.

Секуляризация наблюдается, прежде всего, в западных странах. В обществах, не относящихся к странам Запада, нет никаких свидетельств секуляризации. Исключение составляет лишь Северная Корея. Между тем, в Иране и других регионах Ближнего Востока, Индии и Африки мощный исламский фундаментализм бросает вызов влиянию Запада. Папа Римский посещает с визитом Южную Америку, и миллионы католиков там с энтузиазмом следуют за ним в его поездке. Православие и Ислам были с восторгом восприняты гражданами в разных частях бывшего Советского Союза после десятилетия подавления религии коммунистическим руководством. Эта восторженная поддержка религий по всему миру, к сожалению, нашла отражение также и в связанных с религией конфликтах. Религии могут служить источником утешения и поддержки, но одновременно она была и продолжает оставаться источником острых социальных столкновений и конфликтов¹. Поэтому вполне обоснованным можно признать и позицию исследователей, утверждающих, что религия остается значительной силой, хотя часто приобретает новые и непривычные формы².

Более того, чем сильнее глобализация унифицирует внешние стороны человеческой жизни, тем сильнее становится стремление народов сохранить такие внутренние компоненты жизни, как национальная культура и религия. Эпоха глобализации является наглядной иллюстрацией положения того, что чем беднее страна, тем важнее для населения религия. Большую часть населения планеты составляют жители развивающихся государств, где религиозность намного выше и продолжает расти. Согласно данным Pew Research, в 2002 году доля глубоко верующих в Европе составляла около 20%, в Латинской Америке – 60-80%, а в Африке – около 100%. К тому же, население в религиозных странах быстро увеличивается, в отличие от секуляризованной Европы³.

¹ Гидденс Э. Социология. – С. 481.

² Там же. – С. 475.

³ Постатеистическая эра // Коммерсантъ. 2006. № 176 (№ 3507) от 21.09.2006.

В эпоху глобализации регулярно появляются новые религиозные движения, охватывающие огромное многообразие групп самопомощи в движении Нового века до таких своеобразных сект, как Харе Кришна (Международное общество Сознания Кришны). Некоторые религиозные движения являются по существу новыми созданиями харизматических лидеров, возглавляющих их деятельность. Такова церковь унификации, во главе которой стоит преподобный Сан Мён Мун. Членами новых религиозных движений являются преимущественно новообращенные, а не люди, воспитанные в атмосфере какого-либо определенного вероучения¹.

И, наконец, ряд исследователей убеждены, что религиозность в будущем сохранится, но будет принимать все более персонифицированные, индивидуальные, можно сказать, интимные формы. Психиатр В. Франкл считает, что «мы движемся не к универсальной, а к личной, глубочайшим образом персонализированной религиозности, с помощью которой каждый сможет общаться с богом на своем собственном, личном, интимном языке»². Скептики, напротив, отмечают деградацию религиозных представлений и чувств, формирование вместо стройной религиозной системы некой мешанины из религиозно-мистических образов, лишенной цельности и глубокого содержания. Многочисленные новые учения, представляющие собой причудливую смесь религиозных доктрин, философских и научных теорий, кажется, живое тому подтверждение. Следовательно, дальнейшее развитие религии возможно как та или иная реакция на безыдейность и бессмысленность эпохи. В первом случае «реванш Бога» может быть интерпретирован в качестве попытки построения смысла в обесмысленном мире. С другой стороны, в современной жизни общества, где все трансцендентные идеалы переродились в идею достижения личного благополучия, религиозные учения представляются массам рецептами этого вполне земного благополучия. Не случайно то, что новые институциональные проявления современной религиозности вызывают у некоторых критиков ассоциации с язычеством и его весьма характерным практицизмом, предполагающим извлечение личной выгоды из общения с потусторонним миром, установкой на манипуляцию мистическими силами, обретением сверхспособностей.

И, тем не менее, нет никаких сомнений в том, что влияние религиозных идей на общество сейчас в целом меньше, чем это было в традиционном мире – особенно если мы включим в понятие «религия» всю совокупность сверхъестественных явлений, в которые верили люди. Большинство населения Земного шара просто не воспринимает окружающий мир как пронизанный божественными или духовными сущностями³.

¹ Гидденс Э. Социология. – С. 482.

² Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл // М.: Прогресс, 1990. – С. 336–337.

³ Гидденс Э. Социология. – С. 477.

Современная международно-правовая система основывается на приоритетах интересов земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозными ценностями. Принцип свободы совести в условиях глобализации логично привел к плюрализму. Число тех, кто считает, что существует только одна истинная религия – в эпоху глобализации гораздо меньше, чем тех, кто принимает плюрализм конфессиональных ценностей.

На уровне жизненного мира современного человека религия воплощается в виде религиозности. Жизненный мир есть отражение определенных исторических и социальных условий, в который живет и формируется любой человек. Жизненный мир является особым миром повседневного существования человека¹.

Религиозность – это многомерное свойство, включающее пять компонентов: когнитивный, как наиболее значимый (знания, верования, убеждения); эмоциональный (чувства и эмоции, связанные с верой); поведенческий (культовое и внекультовое поведение: обряды, ритуалы); идентификационный (осознание человеком своей принадлежности к определенной конфессии и вере) и нормативно-ценностный (Е. А. Ходжаева, Е. А. Шумилова)². Содержательными элементами религиозности являются смыслообразующие идеи религиозного сознания (идеи правды, любви, греха, покаяния, аскезы, смирения, соборности, спасения, приоритета государства, идея царя), а формами религиозности выступают церковная религиозность, светская религиозность, квазирелигиозность³.

По определению Р.А. Лопаткина, «под религиозностью понимается определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний»⁴. Согласно трактовке И.Н. Яблокова, «религиозность – качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений»⁵. Религиозность выступает фундаментальным свойством человеческой личности, которая

¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 4. – С. 154.

² Сучкова О.В. Ценности социально-безопасного поведения религиозной молодежи / О.В. Сучкова // Известия Российского государственного педагогического университета А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 480-484. – С. 481.

³ Яхьев М.Я., Камышова Е.Г. Светское и религиозное в современном обществе / М.Я. Яхьев, Е.Г. Камышова // Исламоведение. – 2001. – № 3. – С. 39-45. – С. 40.

⁴ Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). – М.: РАГС, 1996. – С. 194.

⁵ Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие и словарь-минимум по религиоведению. – М.: Гардарики, 1998. – С. 460.

существенным образом влияет и во многом определяет все иные стороны ее жизнедеятельности¹.

Итак, *религиозность – это социально–психологическое свойство человека, субъективное отражение, степень принятия элементов религии, проявляющиеся в сознании и поведении личности*². Любые покушения на религиозность выражаются в депривации человека как субъекта религиозной общности и чреваты возникновением конфессиональных и межконфессиональных конфликтов.

В условиях глобализации, по мере того как подрываются традиционные социальные нормы, люди начинают искать и объяснение, и утешение. Появление групп и сект, делающих упор на личную духовность, наводит на мысль о том, что многие люди испытывают потребность «восстановить связь» со своими собственными ценностями и верованиями перед лицом нестабильности и неопределенности. Еще одним фактором, возможно, является то, что новые религиозные движения импонируют людям, которые чувствуют себя отчужденными от основной части общества. Коллективная, общинная атмосфера, царящая в сектах и культах, по мнению ряда исследователей, дает таким людям поддержку и чувство принадлежности к коллективу единомышленников. Участие в культе помогает адептам новых религиозных движений преодолеть отчуждение³.

Стремление оградиться от модернизации в религиозном плане порождает такое явление, как фундаментализм, оказывающий значительное влияние на формирование конфессиональных и межконфессиональных отношений. Фундаментализм характеризует взгляды тех религиозных групп, которые призывают к буквальному пониманию основных священных книг и текстов и считают, что доктрины, возникающие в результате такого прочтения, должны применяться ко всем областям, социальной, экономической и политической жизни.

Религиозные фундаменталисты уверены, что возможен только один взгляд на мир, и что их взгляд на мир – правильный: в их отношении к миру нет места сомнениям, ни возможности различных толкований. Внутри фундаментальных движений доступ к точным значениям священных книг ограничен кругом привилегированных «толкователей» – таких как жрецы, священнослужители или другие религиозные группы. Это дает религиозным лидерам огромную власть – не только в религиозных делах, но также и в мирских. Религиозные фундаменталисты стали мощными политическими фигурами в оппозиционных движениях

¹ Яхъев М.Я., Камышова Е.Г. Светское и религиозное в современном обществе / М.Я. Яхъев, Е.Г. Камышова // Исламоведение. – 2001. – № 3. – С. 39-45. – С. 41.

² Сучкова О.В. Ценности социально-безопасного поведения религиозной молодежи. – С. 480-481.

³ Гидденс Э. Социология. – С. 482.

внутри мейнстрима – основной массы политических партий (в том числе и в США) и как руководители государства (Иран)¹.

Религиозный фундаментализм – относительно новое явление (этот термин вошел в широкое употребление только в последние два или три десятилетия). Он возник главным образом как реакция на глобализацию. По мере того как силы модернизации все больше подрывают традиционные устои социального мира – такие, как понятие семьи как основной ячейки общества, как власть мужчины над женщиной и т.п. – для защиты традиционных верований возникает фундаментализм. Для фундаментализма больший интерес представляют *способы* защиты и оправдания верований, а не содержание верований как таковых.

Таким образом, в эпоху глобализации религия, несмотря на все успехи науки и техники, а часто и вопреки им, продолжает многими восприниматься как единственная сила, способная сплотить общество и дать покой мятущейся человеческой душе.

По мнению С. Хантингтона, религия в эпоху глобализации становится одной из основных сил, которые формируют общественные настроения и мобилизуют людей. Уделяя основное внимание противоречиям между цивилизациями, С. Хантингтон в основе цивилизаций рассматривает именно религии: «основные цивилизации в человеческой истории – пишет он, – в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира; и люди обще этнической принадлежности и общего языка, но разного вероисповедания, могут вести кровопролитные братоубийственные войны...»². Среди важнейших причин этого, с точки зрения С. Хантингтона, «процессы экономической модернизации и социальных изменений. Именно они во всем мире размывают традиционную идентификацию, образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений.

Британский социолог Э. Гидденс придерживается иного мнения. Некоторые из главных горячих точек глобализирующегося мира – подобные зонам конфликтов на Ближнем Востоке и на Балканах возникли преимущественно или, по крайней мере, частично из-за религиозных расхождений. Однако большинство конфликтов и войн имеет сейчас главным образом мирскую, нерелигиозную природу и связано с различием политических убеждений или экономических интересов³.

Важнейшая особенность межконфессиональных конфликтов в том, что они по своей сути не могут быть локальными, то есть не являются сугубо национальными, региональными, местными, поскольку стороны любого такого конфликта принадлежат к общемировым религиозным общинам. Как считает народный депутат Украины А. Фельдман, религиозные

¹ Там же. – С. 487.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – С. 49.

³ Гидденс Э. Социология. – С. 477.

конфликты по своей сути и определению не могут быть локальными, не являются сугубо национальными, поскольку стороны любого конфликта принадлежат к общемировым религиозным общинам. Религиозные конфликты начинаются как точечные, но со временем всегда приобретают глобальную остроту. «Кто бы мог представить, что карикатуры на Пророка в европейских СМИ приведут к росту религиозной нетерпимости на другом краю земли? Или что сожжение Коранов одним из пасторов Флориды вызовет агрессию со стороны экстремистских религиозных группировок за тысячи километров от США? Сегодня это очевидный факт – религиозное сознание становится глобальным»¹.

Таким образом, религиозный фактор в эпоху глобализации по-прежнему оказывает значительное влияние на формирование конфликтов межкультурного уровня. Влияние религиозного фактора на формирование социальных конфликтов усиливается в случае дискриминационной политики, проводимой правительством в отношении отдельных религиозных групп населения.

Несмотря на то, что религиозные войны масштаба Крестовых походов и Тридцатилетней войны ушли в прошлое, религиозные конфликты по-прежнему многочисленны. В современную эпоху принцип светскости государства выступает в качестве важнейшей гарантии свободы совести. Однако он до сих пор не закреплен в нормах международного права. В этой связи неудивительно, что даже те государства, которые декларируют свою светскость, на практике таковыми не являются².

Религиозный партикуляризм вносит в социальные отношения элемент иррациональности, снижает значение светских юридических норм, ставит социальных акторов в зависимость от «Высшей силы», волю которой политические лидеры интерпретируют по собственному усмотрению, придавая политической борьбе религиозный характер, а межконфессиональной — политический³.

Среди острых межконфессиональных конфликтов современности следует отметить проявления религиозной нетерпимости в Бангладеш, религиозные столкновения в Нигерии. На рубеже XX–XXI вв. вооруженные межрелигиозные конфликты вспыхивали в Боснии (где противостояли католики, православные и мусульмане), Китае (коммунисты-атеисты против христиан, буддистов и мусульман), Индии (индуисты, мусульмане, сикхи), Индонезии (христиане и мусульмане), Ближнем Востоке (иудеи,

¹ *Фельдман А.* Религиозные конфликты не могут быть локальными / А. Фельдман // <http://podrobnosti.ua/opinion/2012/04/25/833619.html>. Режим доступа: 14.09.2012 г.

² *Бурьянов С.А.* Свобода совести как глобальная ценность, на пути к политическому единству и решению глобальных проблем / С.А. Бурьянов // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 136-151. – С. 141.

³ *Оврах Н.К., Оврах Г.П.* Религиозный фактор политических конфликтов в АТР / Н.К. Оврах, Г.П. Оврах // Россия и АТР. – 2009. – № 3. – С. 80-88. – С. 81.

мусульмане, частично христиане), Северной Ирландии (протестанты и католики), Шри-Ланке (индуисты и буддисты), Судане (христиане, мусульмане и анимисты) и в ряде других уголков мира. В некоторых странах в ранг государственной политики возведена нетерпимость к иноверцам, запрещено отправление отдельных религий и культов (Саудовская Аравия, Северная Корея, Судан, Иран, Туркменистан)¹.

В этих и других конфликтах подвергаются стигматизации и дискриминации, прежде всего, религиозные меньшинства, такие как копты в Египте, христиане в Ливии, Ираке, Нигерии, Судане, различные мусульманские конфессии (зейдиты, исмаилиты, алавиты и др.) в Йемене Сирии, Ираке.

Партикуляризм создаёт много шансов для перехода конфликтной ситуации в полномасштабный, затяжной, а нередко и насильственный конфликт. При этом возникают условия, позволяющие элитам использовать религию в целях мобилизации для противоборства с подлинным или мнимым противником дегуманизации и демонизации его образа. Таким образом, например, экономический конфликт может приобретать черты межконфессионального противоборства, что, в свою очередь, ведет к его существенному отягощению. Догматические различия и противоречия и сакрализация собственной позиции делает такие конфликты практически неразрешимыми. Враждебность в отношении других конфессий колеблется в зависимости от того, в какой мере религиозные различия могут выступать в таких ситуациях, в качестве символа скрывающихся за ними расхождений и интересах. Поэтому, к сожалению, религиозные конфликты не являются редкостью в глобализирующемся мире.

Столкновение цивилизаций, религий в эпоху глобализации со всей остротой ставит вопрос о том, как контролировать события в мире, в котором существует множественность элементов духовной жизни, основные положения которых по многим ключевым вопросам не только не совпадают, но даже противоречат друг другу².

Межрелигиозные конфликты в большинстве случаев рассматриваются как сложный случай несовпадения двух важнейших параметров групповой идентичности, при этом различия в вероисповедании рассматриваются в качестве факторов, осложняющих мирное сосуществование.

Религиозная мотивация в современных конфликтах может выступать как в зависимости, так и независимо от этнической составляющей. Так, например, находящиеся в состоянии открытого вооруженного конфликта сунниты и шииты Ирака являются этническими арабами, а хорватов, сербов и боснийцев-мусульман в Боснии-Герцеговине, в первую очередь, разделяет принадлежность

¹ Шевцов В.М. Диалог мировых религий как важнейшее условие обеспечения национальной безопасности / В.М. Шевцов // Пространство и время. – 2012. – № 1. – С. 82-86. – С. 82.

² Рагимова А. Религиозный фактор в межэтнических конфликтах / А. Рагимова // // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2010. – С. 91. -97.

к католической, православной и мусульманской общинам, поскольку реальные генетические и языковые различия между ними действительно минимальны. Практика конфликтов в Российской Федерации показывает, что у нас также пытаются в ряде случаев использовать религиозную самоидентификацию как способ актуализировать противоречия, найти врага в том, кто исповедует другую религию. Наглядный пример – деятельность ваххабитов в Чечне.

В целом, религиозные конфликты отличаются особой, «мировоззренческой» непримиримостью, несовместимостью фундаментальных основ жизни обществ, исповедующих «разных богов». Именно поэтому для их предотвращения или успешного разрешения чрезвычайно важным является культивирование толерантного отношения к межрелигиозным различиям и недопущение политизации вопросов веры и конфессиональной принадлежности. Основы для этого можно найти в каждом вероучении. «Возлюби ближнего как самого себя» у православных, джихад – как борьба внутри человека добра со злом, а не война против других людей, даже с противоположными убеждениями, принцип ненасилия при борьбе за просвещение у буддистов и т.д.

Особую сложность конфессиональным и межэтническим конфликтам придает то обстоятельство, что они весьма непредсказуемы в своей динамике, трудно поддаются прогнозу и урегулированию¹. Раз возникнув, противостояние может тянуться столетиями, постепенно внедряясь в архетип сознания людей. Войны на религиозной или этнической основе имеют тенденцию превращаться в политику геноцида по отношению к противнику.

Для устранения негативных последствий такого конфликта необходимо проведение целенаправленной работы на протяжении нескольких поколений и своевременное реагирование на любые попытки актуализировать застарелое противостояние.

Таким образом, в эпоху глобализации, как и в предыдущие периоды исторического развития, проявляется стремление политиков использовать в своих интересах этнополитическую или конфессиональную солидарность. Причем религиозно-идеологический фактор может рассматриваться как самодостаточная характеристика этнополитического движения (процесса этнической мобилизации) и конфликта, ключевым участником которого являются соответствующие элиты и идеологи.

Сжатие мира в единое целое стало уже свершившимся фактом, а, следовательно, любое представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Сжатие социального пространства социальным временем сталкивает религии лицом к лицу и создает ситуацию выбора. Человек в эпоху глобализации получает возможность и право построить свою идентичность на основе собственного решения, независимо от принадлеж-

¹ Барышников Д.Н. Конфликты и мировая политика. / Д.Н. Барышников. – М.: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. – С. 188-189.

ности к какой-либо религиозной или этнокультурной традиции, для несформировавшегося сознания, однако это становится связанным с психологическими рисками. Более того, сам смысл глобальной религиозности сводится к индивидуальной реализации. Для новой религиозности характерна высокая степень индивидуальной вовлеченности.

К этому следует добавить, что влияние информатизации на религиозные институты и практики постоянно возрастает. Эпоха глобализации отчетливо показала, что распространение информации не всегда добродетель. Посредством средств массовой коммуникации происходит, можно сказать, глобализация религиозности. В основе этого явления формирование некой глобальной презентации всех возможных религий, религиозного глобал-маркета, все больше действующего по принципу свободного (порой навязчивого и агрессивного) предложения и выбора.

Поэтому проблема гармонизации межконфессиональных и межэтнических отношений в современном мире стоит очень остро. Ее обострение и актуализация вызваны целым рядом тенденций общемирового развития. Сегодня межконфессиональные отношения переходят в разряд стратегических геополитических проблем, требующих более тщательного и глубокого изучения и международно-правового урегулирования наравне с проблемами терроризма, разоружения, прав человека, экологии и др.¹

1.3. Значение средств массовой информации в условиях глобализации

Любой вид социальной деятельности сопряжен с использованием информации. В ходе такой деятельности акторы постоянно стремятся заполучить или сохранить, утратить или отыскать, купить или продать, сберечь или вывести информацию. Постоянная информационная связь с окружающим миром, социальной средой, в которой он действует как активный социальный субъект, является одним из важнейших условий нормальной жизнедеятельности человека. Значение информации увеличивается в условиях убыстрения темпа социального времени и «сжатия» социального пространства².

Информацию следует отличать от знаний. С точки зрения Д. Белла, знание – это то, что объективно известно, это *интеллектуальная собственность*, принадлежащая определенному лицу или группе лиц и удостоверяемая авторским правом или какой-либо другой формой социального признания (например, публикацией)³. *Совокупность* субординированных фактов или суждений, представляющих собой аргументированное утверждение или экспериментальный результат, способный быть переданным

¹ Шевцов В.М. Диалог мировых религий как важнейшее условие обеспечения национальной безопасности. – С. 83.

² См. подробнее: Бауман З. Текучая современность.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. - М.: Academia, 2004. – С. 238.

другим людям с использованием средств коммуникации в определенной систематической форме, представляют собой знания. Таким образом, Д. Белл отграничивает знания от новостей и сообщений развлекательного характера. Знание состоит как из новых суждений (исследования), так и новых изложений уже известных суждений. Информация является способом распространения знаний¹, то есть определенным медиумом. Медиумы существуют с тех пор, как появилась информация для циркуляции².

Как отмечает Д. Белл, «...мы вступаем в информационную эру. Это означает не просто развитие существовавших ранее способов коммуникации, а вызывает к жизни новые *принципы* социальной и технологической организации»³. Глобализирующееся общество – это среда, чрезвычайно насыщенная различного рода информацией⁴. Некоторые социальные теоретики склонны абсолютизировать рост информации и информационных технологий и считают это обстоятельство сущностной характеристикой современного общества. Так, например, М. Кастельс использует категорию «информационность» представляющей собой атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальным источником производительности и власти⁵. Как отмечает Ф. Уэбстер, какие бы термины не употребляли социологи, общий смысл остается постоянным: в современном обществе главным двигателем стали те, чей труд требует создания и использования информации⁶.

Успехи в области информационных технологий сделали возможной детерриториализацию производства, что привело к рассредоточению массового производства и исчезновению фабричных городов. Конвейер заменяется сетью как организационной моделью производства, преобразующей формы кооперации и коммуникации как на каждом конкретном предприятии, так и между ними⁷.

¹ См. подробнее: *Петров М.А.* О соотношении понятий «знание» и «информация» / М.А. Петров // Дисс. канд. филос. н. Красноярск. 2005.-146 с.

² *Дебре Р.* Введение в медиологию / Р. Дебре М.: Праксис, 2010. С. 79; См. также: *МакЛюэн М.* Средство есть само содержание / М. МакЛюэн// Информационное общество. СПб.: - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. - С. 341-349.

³ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. СХХ.

⁴ *Аронсон Э., Пратканис Э.* Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Пратканис. – СПб.: прайм-Еврознак, 2003. – С. 31.

⁵ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – С. 42;. Также см.: *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.;

⁶ *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. – С. 42.

⁷ *Хардт М., Негри А.* Империя / М. Хардт, А. Негри. – М.: Праксис. 2004.—С. 276-277.

Понятие «информация» не менее фундаментально, чем понятия материя, энергия и сознание. Теория информации является мощным и непрерывно развивающимся аппаратом исследования, инвариантным к конкретной природе информационных процессов и носителей информации, к форме и содержанию самой информации¹. В этой связи несомненным является тезис о влиянии средств массовой информации на формирование конфессиональных и межконфессиональных отношений. Это, в свою очередь, делает обоснованным утверждение, что религиозная проблематика – важнейший для средств массовой информации объект.

Не будет сильным преувеличением утверждение, что в эпоху глобализации именно посредством масс-медиа формулируются и транслируются важнейшие аспекты институтов религии. Значение масс-медиа таково, что они способны самостоятельно решать, что в той, или иной религии морально, а что аморально, наклеивая, при этом, на различные поступки ярлыки девиантности. Масс-медиа не могут быть отдалены от более широкого социального и культурного контекста, они с неизменностью включены в эти отношения.

Именно техническое развитие привело к появлению, а потом и расширению влияния на общественные практики масс-медиа и средств массовой коммуникации, а далее к расширению и изменению их социальных функций.

Обычно историю масс-медиа ведут от появления газет современного типа в середине XVII в., которые возникли на основе новой технологии – книгопечатания, изобретенной И. Гуттенбергом. Аудиовизуальные формы СМИ возникли в конце XIX в. также на основе грандиозных технических инноваций.

Сам термин «массовая коммуникация» возник в конце 30-х гг. XX в. «Media» (мн. ч. от лат. «medium» посредник) как понятие возникло в английском языке в XVI в., с XVII в. он используется в языке философии, а с XVIII в. применялось к исторически первому средству массовой коммуникации – газетам). Начиная с середины XIX в. понятия «media» начинает употребляться в его современном смысле – как распространение сообщений с помощью особых технических средств связи (почта, телеграф).

Далее, с возникновением и развитием радио в 20-е гг. XX в., а затем и телевидения (40-е г. XX в. – это понятие переносится на них, но уже со значением mass-media. Слово «communication» (от лат. «communicare» – делать общим, связывать) существует в английском языке с XV в. для обозначения общего процесса сообщений или передачи чего-либо, в XVII в. возникает его новое употребление, описывающее физические способы сообщений как линии коммуникаций – дороги, каналы, позднее железные дороги, т.е. в значении транспортировки, перемещения людей и товаров.

¹ Гухман В.Б. Информационная модель социальной динамики / В.Б. Гухман // Социология: 4М. – 2005- № 20. – С. 96-120. – С. 97.

Впервые понятие «коммуникация» в современном значении употребил один из виднейших представителей Чикагской школы социологии Ч. Кули, в 1909 г.¹ Позднее, с развитием новых способов передачи социальной информации эти два понятия объединяются для обозначения прессы и вещания. Если коммуникация – это механизм со-общения, процесс взаимодействия, то информация – содержательная сторона сообщения, передаваемого в процессе коммуникации¹.

В настоящий момент под «масс-медиа» (англ. – «mass-media») чаще всего понимают средства массовой информации (СМИ), а массовая коммуникация трактуется как процесс передачи информации одновременного группе людей с помощью специальных технических средств¹.

Следует учитывать, что процесс массовой коммуникации не есть синоним «масс-медиа». В последнее время в России все шире употребляется термин «mass-media» чаще всего в буквально калькированном виде – масс-медиа для обозначения СМИ. Как предполагает А. Черных, видимо в этом проявляется стремление забыть о недавнем периоде существования средств массовой информации и пропаганды – СМПП².

Масс-медиа – это обозначение организационных технологий, обеспечивающих возможность массовой коммуникации, но эти же технологии могут быть использованы в личных, частных или организационных целях. Те же медиа, что доносят общедоступные сообщения широкой публике, могут транслировать личные объявления, пропагандистские сообщения, просьбы о милосердии, рекламу и огромное множество другой информации¹.

В теории массовой коммуникации можно выделить две основные парадигмы:

1). «Человеко-ориентированный» подход, который поддерживал модель минимального эффекта. Суть этого подхода в том, что люди скорее приспособливают средства массовой коммуникации к своим нуждам и потребностям, чем средства массовой коммуникации подчиняют себе людей. Сторонники человеко-ориентированного подхода исходили из того, что люди выборочно воспринимают поступающую информацию. Они выбирают ту часть информации, которая совпадает с их мнением, и отвергают ту, которая в это мнение не укладывается.

2). «Медиа-ориентированный» подход. Этот подход основывается на том, что человек подчиняется действию средств массовой коммуникации. Они воздействуют на него как наркотик, которому невозможно сопротивляться.

Примером первого подхода является, на наш взгляд, позиция Э.Тоффлера. Подкрепим наше мнение на основе ряда цитат. Э. Тоффлер, на основе анализа значения видеоигр в современном обществе, делает вывод, о том, что, пожалуй, именно телезрители «...манипулируют телеви-

¹ Черных А. Мир современных медиа. М.: Издательский дом «Территория будущего». – С. 12.

² Черных А. Мир современных медиа. – С. 15.

дением, а не телевизор – ими». Действительно, «для эффективного управления людьми их, видимо, следует убедить в том, что они независимы»¹. Именно этим и занимается Э. Тоффлер.

Другой подход позиционирует следующее: для любой формы СМИ характерно, что реципиенты являются анонимными, безличными, опосредованными в общении и потому статистически усредненными индивидам, которые не являются конечным адресатом ценностной информации, ибо она предназначена им в равной степени настолько, насколько они сами являются участниками агрегатного объединения, именуемого читателем, зрителем, слушателем. Для СМИ более важен объем потребления информации (массовость), нежели интеллектуальный уровень потребителей. Пожалуй, наиболее ярким представителем данного подхода может считаться М. Маклюэн.

«Средства массовой информации – газеты, журналы, кино и телевидение – часто ассоциируются с развлечениями и поэтому рассматриваются как нечто второстепенное в жизни большинства людей. Подобный взгляд совершенно неверен, считает Э. Гидденс. Массовая коммуникация затрагивает многие аспекты жизни индивидов.

Даже «расслабляющие» средства информации, такие как газеты и телевидение, оказывают огромное влияние на мироощущение современного человека. Это происходит не столько из-за их специфического воздействия на наши позиции, сколько потому, что они становятся средствами доступа к знаниям, от которых зависит общественная жизнь. Голосование на общенациональных выборах было бы невозможным, если бы информация о текущих политических событиях, кандидатах и партиях не была общедоступной. В этих условиях даже тем, кто в целом не интересуется политикой и имеет о ней слабое представление, кое-что известно о событиях национальной и международной жизни. Только настоящий отшельник мог бы оставаться в стороне от «новостей», столь властно вторгающихся в нашу жизнь, и мы имеем все основания предполагать, что у отшельника XX века вполне может оказаться радиоприемник»².

Огромное значение средств коммуникации подчеркивает и М. Маклюэн: не зная действия средств коммуникации, невозможно понять общественные и культурные изменения¹.

Французский ученый и общественный деятель Р. Дебре даже считает возможным говорить о *медиократии* («mediocrasy» – англ.) – власти средств массовой информации. Одной из разновидностей медиократии может считаться т.н. телекратия. Данное понятие можно перевести как господство телевидения, объединившегося с политикой и бизнесом, как попытку управления обществом посредством электронных масс-медиа¹.

¹ Тоффлер Э. Третья волна. С. 275.

² Гидденс Э. Социология. – С. 414.

Оценки данного явления разнятся. С точки зрения «правых» мыслителей коммуникационная революция, порождением которой является телекратия, привела к появлению более активного, мыслящего гражданина. Этот тезис Э. Гидденс иллюстрирует революциями в странах соцлагеря в конце 80-х годов XX в.¹

Существует и обратное мнение. Например, Б.В. Марков считает, что телереволюция в Румынии, телекратия правительства С. Берлускони в Италии, подготовка в США общественного мнения к войне с Ираком с новой силой подтвердили неконтролируемое воздействие электронных масс-медиа на общество.

Социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё и др.) предлагает рассматривать социальные проблемы не как вид условий, а как деятельность социальных групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требования относительно предлагаемых условий. Такая методологическая позиция в изучении социальных проблем, сопряженная с анализом генезиса утверждений и требований относительно условий, способов производства смыслов и значений, которую вызывает эта деятельность. Причем определяют социальные проблемы конкретные группы, организации или индивиды, которые занимают какие-либо позиции¹.

В таком случае религиозные институты и другие субъекты конфессиональных и межконфессиональных отношений следует рассматривать не как социальные институты, выражающие, формирующие или определяющие общественное мнение и политику государства, а как акторов, включенных в процесс конструирования определенной социальной реальности. Эти и другие акторы принимают активное участие в борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, в которую с неизбежностью вовлечена и религия. В этой борьбе акторы располагают властью, пропорциональной их символическому капиталу, т.е. тому признанию, которое они получают от общества².

Социальный конструктивизм исходит из того, что способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, объективированным представляет собой очень значительную социальную власть – власть образовывать группы, формируя здравый смысл³. Безусловно, источники информации о конфессиональных аспектах социальной жизни влияют на формирование властных конфигураций современного общества.

Такой подход, отказываясь от понимания конфессиональных и межконфессиональных отношений как статичных условий социального мира, предлагает их рассматривать как изменчивое, взаимозависимое поле, зависящее от ряда факторов. Такая трактовка в гораздо большей степени соот-

¹ Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения. – С. 129-130.

² Бурдьё П. Социология политики. – С. 71.

³ Бурдьё П. Социология политики. – С. 67.

ветствует процессуальной, подверженной трансформации социальности глобализирующегося мира.

При этом социальные проблемы определяются «как деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений, требований относительно некоторых предполагаемых условий. Социальные проблемы, с этой точки зрения, конструируются индивидами или группами, привлекающими внимание общественности к тем или иным предполагаемым условиям и выступающими с требованиями их изменения»¹.

В рамках методологии конструктивизма значение информационной составляющей в политическом процессе возрастает². Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, объективированным представляет собой очень значительную социальную власть – власть образовывать группы, формируя здравый смысл³.

В этой связи, Ж. Бодрийар принимает при анализе потребления как основную черту формулу М. Маклюэна: «медиум – это послание» («medium – is message» – англ.)⁴: «нужно хорошо видеть, что говорящий таким образом медиум сам навязывает нам всю систему разбивки и интерпретации мира»⁵. Многообразная вселенная и средства информации, в крайнем случае, становятся взаимным содержанием друг друга – и в этом *тоталитарное «послание» общества потребления*⁶. Почему мы, например, – вопрошает С.Г. Кара-Мурза, – не боимся ездить на автомобиле, но боимся террористов? Прежде всего, потому, что сильные мира сего не заинтересованы в том, чтобы мы боялись автомобиля. Поэтому их телевидение не показывает нам с утра до ночи изуродованные трупы жертв автокатастроф. Если бы телевидение показывало их с той же интенсивностью, как и дело рук террористов, современный человек боялся бы автомобиля панически. Отсюда понятен вывод о том, что терроризм возник вместе со СМИ и связан с ними неразрывно. Современный терроризм – родной брат телевидения. Бомбардировки Ирака, расстрел Дома Советов не имели бы смысла, если бы телевидение не донесло их в каждый дом⁷.

Политики и военные рассматривают СМИ как средство борьбы с врагом, а не средство передачи истины. Так, военные конфликты последних 30 лет характеризуются ограничением доступа журналистов к военным действиям. Работа специалистов по связям с общественностью ориен-

¹ Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев // Казань: Изд-во Казанс. ун-та, 2004. – С. 53.

² Холодковский К.Г. Доступ информации как демократический институт / К.Г. Холодковский // 2010. – № 5. – С. 155-161.

³ Бурдые П. Социология политики. – С. 67.

⁴ Бодрийар Ж. Общество потребления. – С. 159.

⁵ Там же. – С.159.

⁶ Там же. – С. 160.

⁷ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – С. 172.

тируется на одностороннюю точку зрения, с применением соответствующей терминологии (Фолклендская война, вторжения НАТО в Ирак, Сербию и Афганистан, Грузино-Югоосетинский конфликт и др.).

Само понятие «знаменитость» во многом является порождением новых коммуникационных технологий¹, поэтому не представляется преувеличенным мнение о том, что массовая коммуникация – это тот вид деятельности, который осуществляет формирующее, в том числе и репрессивное воздействие на систему ценностей как отдельного человека, так и общества в целом, посредством внедрения в психику отдельного человека и менталитет общества оценок актуальных событий. Если девизом авторитетного знания для человека эпохи письменной культуры было «Бог сказал мне это» (верно как слово из Евангелия), а для человека печатной культуры «Я прочел это в книге» (верно как печатное слово), то для современной видеосферы таким девизом будет фраза «Я видел это по телевизору» (верно как прямой образ)².

Масс-медиа, замалчивая определенную информацию, преподнося ее в более выгодном свете, функционируют по принципу, который знаменитый философ Нового времени Д. Беркли считал онтологическим – «быть – значит быть в восприятии» («esse est percepti» – лат.). Действительно, в жизни современного человека ничтожна доля непосредственных наблюдений по сравнению с информацией, получаемой из средств массовой информации. Так, восприятие политика, деятеля шоу-бизнеса, киноактера напрямую зависит от того, как этот образ будет «преподнесен» масс-медиа. В том числе и поэтому, кстати, фото- и телегеничность оказывают такое важное воздействие на политический процесс.

Как заметил Т. Маттесен, мощная метафора паноптикона Д. Бентама/М. Фуко³ более не характеризует функционирование власти. Современное общество переместилось от общества в стиле паноптикона к обществу в стиле синоптикона («sineoptikon»-лат.): действующие лица поменялись местами, и теперь многие наблюдают за немногими. Зрелища пришли на место надзора, не утратив дисциплинирующей власти своего предшественника. Подчинение стандартам, пластичное и изящно адаптируемое исключительно гибким стандартам, достигается посредством технологий массовой манипуляции, проповедующих соблазн и искушение, а не принуждение, и проявляется в форме осуществления свободной воли, а не обнаруживается в форме внешней силы⁴.

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир. – С. 28.

² Дебре Р. Введение в медиологию / Р. Дебре. – М.: Праксис, 2010. – С. 91.

³ См. о ней подробнее в работе: Михайличенко Д.Г. Противостоять и самостоять: индивидуальность современного человека в контексте репрессивности общества неомодерн. – С. 143-155.

⁴ Бауман З. Текущая современность. – С. 94.

Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливать гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности – чувство социального мира) предполагает то, что Э. Дюркгейм назвал *логическим конформизмом*, т.е. гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами¹.

Насыщенность средств массовой коммуникации разнообразными посланиями («message-dense» – англ.) часто затрудняет разумную реакцию на воспринимаемую информацию². Если в период становления индустриальных обществ СМИ выполняли функцию распространителей стандартизированных образов, то в современном обществе любой участник общения имеет возможность связываться с неограниченным числом реципиентов. Средства массовой коммуникации начинают выполнять функции идеологического, политического влияния, организации, информирования, просвещения, развлечения, поддержания/разрушения социальной общности.

Масс-медиа, замалчивая определенную информацию, преподнося ее в более выгодном свете, функционируют по принципу, который знаменитый философ Нового времени Д. Беркли считал онтологическим – «быть – значит быть в восприятии» («esse est percepti» – лат.). Действительно, в жизни современного человека ничтожна доля непосредственных наблюдений по сравнению с информацией, получаемой из средств массовой информации. Так, восприятие религиозного деятеля, политика, деятеля шоу-бизнеса, киноактера напрямую зависит от того, как этот образ будет «преподнесен» масс-медиа.

Таким образом, влияние средств массовой информации на социальный мир в условиях глобализации значительно. Средства массовой информации, используя различные технологии, могут сегодня буквально на равном месте «создать» информационный повод, «раздуть» конфликт, имеющий значительный социальный резонанс. Доступность огромного количества разнообразной информации преобразует и видоизменяет восприятие религии. В исследовательском плане такую позицию наиболее последовательно отстаивает методология социального конструктивизма, отмечающая значительную роль в современном обществе медиумов, формирующих информационную повестку дня.

1.4. Национальная безопасность в эпоху глобализации

Вестафальский мир 1648 г. ознаменовал собой не только конец кровопролитной тридцатилетней войны в Европе (1618-1648 гг.), но и заложил основы новой системы международных отношений. В основе этой системы лежала идея баланса сил и «принцип национального государственного

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. – С. 89.

² Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – С. 221.

суверенитета». Такая система оказалась чрезвычайно устойчивой, однако в эпоху глобализации она стремительно теряет свои позиции.

Мононациональные государства на деле в большинстве случаев являются если не пустой абстракцией, то редкими исключениями, доказывающими совершенно противоположное правило, что «чистых» национально-территориальных образований никогда не существовало. Мировоззрение в формате национализма, национального государства уже не дает возможности понять мир, поскольку настаивает на локализации сложных процессов, имеющих транснациональную основу. В качестве альтернативы национальному государству и обществу рассматривается не интернационализм, а космополитизм¹.

Даже несмотря на то, что современная политическая система на базе национальных государств в значительной мере становится анахронизмом, не успевающим отвечать вызовам времени, именно национальные государства объективно являются отправной точкой для формирования единой мировой системы, призванной на новом уровне решать глобальные проблемы, стоящие перед человечеством². Безусловно, со временем национальные государства перестанут существовать не только *de-facto*, но и *de-jure*. Однако это не означает, что ее нужно демонтировать, разрушить и попытаться выстроить новую. Скорее речь идет о гибкой и устойчивой стратегии адаптации основных тенденций общественного развития государств к постоянно глобализирующемуся миру. Пока же национальное государство, национальная безопасность остаются ключевым, хоть и противоречивым, параметром общественного развития.

В конце XX века в связи с масштабными социальными изменениями во всем мире в целом и в Российской Федерации в частности, понятие «безопасность» получило новое широкое толкование³. Категория «национальная безопасность» впервые появилась в послании американского президента Конгрессу в начале XX в. В дальнейшем ссылкой на национальную безопасность обосновывались действия, предпринятые за пределами страны.

В 1947 г. в США был издан Акт о национальной безопасности, который ввел понятие национальная безопасность в американскую правовую систему⁴. Примерно с этого времени понятие «национальная безопасность» стала привлекать все большее внимание политологов. Феноменологически безопасность не абсолютна, но относительна и приобретает значе-

¹См. подробнее: Бек У. Космополитическое мировоззрение/У. Бек// М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.

² Бурьянов С.А. Свобода совести как глобальная ценность, на пути к политическому единству и решению глобальных проблем / С.А. Бурьянов // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 136-151. – С. 142.

³ См. подробнее: Концепция национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>. Режим доступа: 12.09.2012 г.

⁴ Шейнис В.Л. Национальная безопасность. Испытание на прочность. Часть I. – С. 141.

ние только в связи с конкретными объектами и сферой человеческой деятельности окружающего мира¹.

Понятие безопасности возникает только на стадии четкой определенности опасности (угрозы, риска, вызовы и т.д.). Таким образом, имеются два определенных состояния: опасности и безопасности. Феномены «неопределенности» и «небезопасности» позволяют приблизиться к пониманию нового класса научных исследований – исследований нелинейных процессов.

Безопасность как социальная категория включает в себя деятельность человека, общества, государства, мирового сообщества по выявлению, предупреждению, устранению, минимизации и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных, материальных и духовных ценностей, нанести им ущерб, закрыть путь для выживания и конструктивного развития².

Руководство российского государства начало активно использовать категорию «национальная безопасность» в 1997 г. Под этой категорией понимается безопасность многонационального народа Российской Федерации как носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве. Как замечает Н.П. Патрушев, категория «национальная безопасность» первоначально вызвала немало споров в силу смыслового различия, вкладываемого в определение «национальный» и многонациональности нашего государства, однако впоследствии эта категория прочно вошла в научный оборот, что представляется вполне обоснованным в условиях осознания обществом роли и места России в современном мире³.

Национальная безопасность Российской Федерации предполагает укрепление и развитие государственного устройства, осуществляемого на основе демократии, активизацию деятельности политических институтов, призванных обеспечить организацию и согласованность интересов и действий всех структур и уровней власти, а также диверсифицированную, высокотехнологическую экономику и развитые структуры гражданского общества.

Специфика современного политического процесса во многом определяет характер и способы обеспечения национальной безопасности, поэтому формирование понятийно-категориального аппарата теории национальной безопасности является важнейшей задачей политологического знания. Обеспечение национальной безопасности в большей степени связано с функцией обороны страны, однако в силу своей важности для остальных сфер общественной жизни, в том числе и государственной деятельности, этот процесс оказывается включенным в реализацию всех важ-

¹ Там же. – С. 360.

² *Ишмаев А.Р.* Энергетическая безопасность в системе национальной безопасности России в XXI в.: политологический анализ / А.Р. Ишмаев // Дисс. канд. полит. н. – Уфа, 2011. – С. 15-16.

³ *Патрушев Н.П.* Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России / Н.П. Патрушев // Право и политика. – 2003. – № 11. – С. 82-88.

нейших функций государства¹. Обеспечение безопасности есть процесс создания благоприятных условий деятельности, процесс овладения субъектом необходимыми условиями своего существования². Вследствие бесконечного применения категории «безопасность» к различным аспектам человеческой деятельности это понятие стало применяться практически во всех отраслях, переживающих кризис (и чем глубже кризис, тем громче звучит голос сторонников соответствующей доктрины). Так, например, понятие «экономическая безопасность» было выведено с международного и национального на мезоэкономический (региональный) и микроэкономический (предприятия и индивиды). Основания для привнесения категории «экономической безопасности» в эти сферы крайне сомнительны.

Национальная безопасность содержит в себе множество оттенков, закреплённых правом в качестве совокупного состояния, которое аккумулирует бесконечное множество видов ущерба, а также возможность представлений об угрозах и их последствиях. Необходимо иметь в виду, что сам объект защиты не находится в статическом состоянии, но также подвержен различного рода изменениям, что, в свою очередь, актуализирует необходимость целого ряда дополнительных действий по достижению этого состояния.

В современной юридической литературе практически не прослеживается отнесения обеспечения национальной безопасности к самостоятельным функциям российского государства³. Однако в силу особой важности процесса обеспечения национальной безопасности для развития государства, общества и личности⁴, необходимость закрепления за процессом обеспечения безопасности самостоятельной функции государства очевидна.⁵

Приоритетность обеспечения национальной безопасности в той или иной сфере жизнедеятельности (политической, экономической, социальной, экологической, военной и т.д.) определяется объективными факторами, т.е. потребностью конкретных людей, социальных групп, их объединений, государств, мирового сообщества в целом. Также сюда широкий круг самых разнообразных опасностей, которым должна противостоять система обеспечения безопасности в условиях ограниченных средств на ее реализацию.

¹ *Редкоус В.М.* К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного Российского государства / В.М. Редкоус // *Право и государство: теория и практика.* – 2009. – № 1. – С. 97-101. – С. 99.

² *Курлов А.Б., Петров В.К.* Основы информационной политики / А.Б. Курлов, В.К. Петров-М.: Юрист, 2009. – С. 281.

³ Там же. – С. 97.

⁴ Так, согласно закону РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-І объектами безопасности являются: личность, ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

⁵ *Редкоус В.М.* К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного Российского государства. – С. 100.

Способность современного государства самостоятельно защищаться от внешних и внутренних угроз есть важнейший элемент его жизнеспособности. Масштабные события XX – начала XXI в. (мировые войны, терроризм, эпидемии и др.) отчетливо показали, что вопрос о национальной безопасности того или иного государства практически не может быть решен в одиночку, но требует коллективных, слаженных усилий. Первыми это поняли развитые европейские страны, в наибольшей степени пострадавшие от ужасов двух мировых войн минувшего столетия¹.

Итак, *национальная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их деятельности от внутренних и внешних угроз и опасностей*². Такие явления, как терроризм, распространение эпидемий и пандемий, проблемы экологии, преступность, наркобизнес, угроза ядерной войны представляют реальную угрозу для полноценного развития личности, общества и государства, тогда как их нейтрализация требует скоординированных действий многих организаций различного уровня. Поэтому на сегодняшний день для большинства развитых западных стран стратегия, направленная на достижение национальной безопасности, во многом совпадает со стратегией международной, глобальной безопасности на основе системы «коллективной безопасности».

Проблема национальной безопасности сложна и может быть классифицирована по нескольким параметрам. Базовый критерий предполагает разделение основных угроз на внутренние и внешние. При этом необходимо иметь в виду, что современные вызовы и угрозы национальной безопасности, как правило, носят комплексный характер: на одни и те же объекты в системе безопасности могут быть нацелены различные угрозы, которые способны создавать взаимоусиливающий эффект³.

Данное понимание отличается известной широтой, предполагая всю множественность опасностей, с которыми сопряжено социальное функционирование современной России. Система политологического знания рассматривает данную проблему с точки зрения властных отношений, основных внутренних субъектов политического пространства России.

В условиях глобализации, и это совершенно очевидно, внутренние угрозы безопасности проистекают в первую очередь из факторов, воздействующих на общество и его граждан, а не на государство. Именно несба-

¹ Ишмаев А.Р. Энергетическая безопасность в системе национальной безопасности России в XXI в.: политологический анализ / А.Р. Ишмаев // Дисс. канд. полит. н. – Уфа, 2011. – С. 21.

² Буркин А.И., Возжеников А.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических. – С. 40.

³ Ишмаев А.Р. Энергетическая безопасность в системе национальной безопасности России в XXI в.: политологический анализ / А.Р. Ишмаев // Дисс. канд. полит. н. – Уфа, 2011. – С. 23.

лансированность в социальной практике интересов государства, общества, различных социальных групп и конкретной личности — одна из серьезных проблем современной России, от решения которой в значительной мере зависит внутренняя безопасность страны. Современное положение дел характеризуется снижением военного компонента и переходом к системному учету всех составляющих национальной безопасности.

В России внутренние угрозы безопасности исходят в первую очередь не от факторов, связанных с государственным устройством страны (политической борьбы партий, ветвей власти, смены правительств и т.д.), а от параметров, определяющих жизнь гражданского общества (низкого качества и уровня жизни большей части населения, экономических и финансовых кризисов, высокого уровня преступности, коррупции, терроризма, экстремизма)¹.

В целом деятельность по обеспечению внутренней безопасности России — это интегрированная система ценностно-рациональных действий, т. е. система действий, обусловленных потребностями общества, имеющая ясную, общезначимую мотивацию, внутренний идеальный смысл и общественную осмысленность, эффективные пути и средства для обеспечения безопасности личности, общества и государства, а в перспективе — перехода к устойчивому развитию².

Под внутренней безопасностью России, как правило, понимают защищенность национальных интересов страны, общества в целом и каждого отдельного гражданина от опасностей, проистекающих из процессов, идущих внутри самой страны³.

Систему внутренней безопасности образуют: органы законодательной, исполнительной и судебной властей, государственные, общественные и иные организации и объединения, граждане, принимающие участие в обеспечении безопасности в соответствии с законом, а также законодательство, регламентирующее отношения в сфере обеспечения безопасности.

Внутреннее положение России, наряду с начавшейся в последнее время социальной ориентацией проводимых реформ, характеризуется негативными и достаточно долговременными последствиями системного кризиса, начавшегося в СССР, а также кризисными явлениями, возникшими в переходный период. Другими словами, страна переживает трудности преодоления наследия прежней тоталитарной системы, а также шоковой политики социально-экономических реформ.

Таким образом, национальная безопасность государства в современную эпоху — это сложная, многофакторная, динамичная система, нацеленная

¹ Там же. С. — С. 24.

² См. об этом: *Пелипенко В.* Национальная безопасность Российской Федерации / История. Концепция. Документы. / В. Пелипенко // М.: Айрис, 2005. — 112 с.

³ См. подробнее: *Метелев С.Е.* Национальная безопасность и приоритеты развития России: социально-экономические и правовые аспекты. / С.Е. Метелев // М.: Юнити, 2006. — 223 с

на защиту от угроз и опасностей самого широкого спектра факторов и предполагающая успешное развитие личности, общества и государства в целом. В современную эпоху понятия «международная безопасность», «глобальная безопасность» приобретает все большую значимость однако на сегодняшний день оно не может заменить понятие «национальная безопасность» в системе стратегических ориентиров субъектов политики.

Наше общество является яркой иллюстрацией положения о том, что радикальная модернизация трансформирует социальные институты нежелательным и неожиданным образом¹. Общий взгляд на систему образования, здравоохранения, ужасающая экологическая ситуация свидетельствуют о том, что социальные институты не способствуют развитию человека, а ставят различные изощренные преграды, и тот, в свою очередь, вынужден их всеми силами преодолевать: искать знакомых, давать взятки, угождать власть имущим ради обеспечения более или менее нормальной жизнедеятельности.

В современной России происходит деформация всей системы норм, установок и ценностей как неизбежное следствие утраты обществом и властью адекватной оценки окружающей социальной действительности². Торжествует принцип «институты против людей». Это сочетается с активным и быстрым сломом всех присущих сознанию людей норм, взглядов и представлений. Возникает атмосфера неустойчивости жизни, усиливается недоверие к государству, его институтам, экономическим и политическим преобразованиям. В российском обществе до сих пор не утвердились общественно значимые представления о связи свободы с ответственностью, прав человека с обязанностями³. В условиях невысокого уровня доходов большинства россиян материальное вознаграждение является базовым, предопределяющим мотивом их поведения. Однако абсолютизация материальных ценностей под видом либерализма, коммерциализации сделали чуть ли не легитимными разгул коррупции, взяточничества, проституции, продажность должностных лиц и должностей: *ценность заменяется ценой*.

Показатели общественного доверия государственным служащим остаются низкими, люди не доверяют чиновникам. В торговых организациях погоня за прибылью оборотной стороной нередко имеет продажу некачественной продукции, недобросовестное сервисное обслуживание, несоблюдение гарантийных обязательств, а вопросы репутации остаются в стороне, тем более, что их можно урегулировать неформальным образом. В государственных и коммерческих организациях отнюдь не всегда соблюдаются элементарные нормы обеспечения

¹ Бек У., Лау К. Вторая модерность как предмет изучения: теоретические и эмпирические исследования «мета-изменения» современного общества / У. Бек, К. Лау // Россия и современный мир. – 2006. – № 3. – С. 235-239. – С. 235.

² Россия в глобализирующемся мире. – С. 25.

³ Там же. – С. 25.

безопасности: трагедия в ночном клубе «Хромая лошадь» г. Перми и технологическая катастрофа Саяно-Шушенской ГЭС тому примеры.

Российское государство и общество все больше отчуждаются друг от друга. Нынешняя государственная власть нашла способ нейтрализации неугодных ей тенденций развития политической сферы, отменив порог явки на выборы и графу протестного голосования в бюллетенях¹.

В современной России индекс протестности постоянно растет. Новая волна протестных настроений инициирована несогласием части активного населения страны с официальными результатами выборов в ФС ГД (декабрь 2011 г.) и Президента Российской Федерации (март 2012 г.). В этой связи руководство страны взяло курс на ужесточение законодательства, вместе с которым происходит усиление силовых практик в государственной политике, что не решает, а усугубляет проблемы конвертации протестного потенциала молодежи в конструктивное русло. Как следствие возрастает протестная активность молодежи, желание принять участие в протестных акциях, вплоть до готовности активного включения в деятельность экстремистских, а в отдельных случаях и террористических организаций.

Значительность и опасность угроз национальной безопасности приводит к тому, что все больше россиян стремятся полагаться на самих себя, происходит отчуждающая индивидуализация, которая губительно сказывается на традиционных формах коллективной идентификации, исторически преваляровавших в евразийской культуре. Следует признать, что Россия по уровню социальной защищенности и обеспеченности населения относится к странам второго мира, для которых религиозный фактор имеет особую значимость.

1.5. Проблемы конфессиональной безопасности в эпоху глобализации

Вплоть до Нового времени, ознаменовавшегося секуляризированными идеалами Великой французской революции (1789-1794 гг.) религиозность доминировала в общественном сознании. Однако начиная примерно с конца XVIII в., в общественном сознании приоритетное место начала занимать светскость. Эволюция отношений светскости и религиозности проделала длинный путь, характеризующийся такими полярными практиками, как ярый клерикализм и воинствующий атеизм. В этой связи идеологически нейтральное понимание светскости является важнейшим условием обеспечения конфессиональной безопасности в современных условиях.

Таким образом, «светскость» – не только правовая норма, но и долгий процесс, связанный с конкретными историческими обстоятельствами, меняющими смысл самой нормы, и всегда существуют некоторые «пороги», или

¹ Бойков В.Э. Государство и гражданское общество в тисках взаимного отчуждения / В.Э. Бойков // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 90-103. – С. 95.

«уровни светскости» («seuils de laïcisation»). Эти уровни в целом определяются данным национальным контекстом в той мере, в какой эволюция светскости, связанная с модернизацией и секуляризацией, сопровождается другими процессами, например, процессом трансформации идентичности. Современный исследователь Жан Баберо выделяет следующие уровни светскости:

1. Гражданство становится независимым от принадлежности к какой-либо религии. «Религия перестает быть носителем смысла, определяющего все стороны жизни человека», даже если при этом она все еще остается одним из механизмов социализации и важнейшим источником общественной морали. В политике утверждается религиозный плюрализм, хотя, конечно, далеко не абсолютный.

2. Более глубокое институциональное разделение, в частности, отделение школы от церкви; по мере развития секуляризма, религия становится все в большей степени частным выбором, даже в странах, где, подобно той же Англии, сохраняется официальная религия; также светские обычаи и нравы начинают доминировать, а принцип свободы совести окончательно утверждается.

3. Дезинституционализация самих церквей, кризис моральной социализации и новая постановка проблемы идентичности, связанная с глобализацией, когда уже не столько религиозные институты, сколько религия как таковая снова становится заметным общественным ресурсом. Этот уровень можно наблюдать в современных странах Запада¹.

Идеологически нейтральное понимание светскости означает признание в качестве ценности и фактическое наличие в общественных отношениях свободы верования, свободы совести, убеждений и мысли. Только в этом случае светскость может выступить как ценностная этическая категория, идеал, неразложимый без остатка на формальные и статические признаки точно так же, как понятие свободолюбия или понятие религиозной веры. Как утверждает Н.Ф. Козырев, подлинная светскость – это одна из важнейших общественных добродетелей, продукт гражданского самосознания, социального творчества граждан². Такое понимание светскости означает признание религии позитивным компонентом общественного мироустройства, наряду с наукой, искусством, моралью, философией и пр. Именно такое понимание светскости присутствует и во взглядах И.И. Кондрашина³. Итак, современное понимание светскости отводит религии подобающее ей место, превращает ее в один из элементов гражданского общества, одновременно сокращая, минимизируя ее претензии на монопольное положение в обществе.

¹ Баберо Ж. Французское понятие светскости *laïcité* в контексте глобализации / Ж. Баберо // Религия и светское государство. – С. 36–48.

² См. подробнее: Козырев Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе / Ф.Н. Козырев – СПб., 2005.

³ Кондрашин И.И. Светскость как альтернатива теизму и атеизму / И.И. Кондрашин // Вестник РФО. 2007. № 3. – С. 32 – 44.

Как пишет И.В. Понкин, «светское государство – это государство, обеспечивающее независимость и суверенность государственных институтов и религиозных объединений (равно как и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии) в соответствующих сферах их компетенции, гарантированные недопустимостью установления в государстве общеобязательной религии или идеологии и отделением от государства религиозных объединений и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии»¹.

Ключевым моментом в определении светского государства должно стать понятие «мировоззренческий нейтралитет государства», который представляется важнейшей теоретико-методологической особенностью светского государства и который распространяется не только на религию, но и на другие формы познания окружающего мира. Светское государство должно быть мировоззренчески нейтральным. Это значит, что оно принципиально не должно допускать никакой государственной идеологии, ни религиозной, ни атеистической, ни религиозно-индифферентной или иной в качестве официальной. «В государстве сосуществуют различные идеологии, в своей законотворческой деятельности и практической политике оно исходит из интересов всего общества, а не какой-либо его части, отличающейся по мировоззренческому (в том числе религиозному) признаку»².

Любая религия – это, прежде всего, система ценностных ориентаций, которые в случае их вовлеченности в конфликты имеют, как правило, значительные, социальные последствия. Ценностные конфликты несут крайне опасный потенциал – идеологические войны всегда были самыми жестокими войнами в истории человечества. Действительно, пробуждая в людях глубочайшие чувства и страсти, она нередко становилась причиной кровопролития. Возможно, нет более взрывоопасного социального института, чем религия³.

Взрывоопасность современного ценностного конфликта существенно усиливается за счет того, что нередко религиозные ценности не совсем корректно отождествляются с западной либерально-гуманистической идеологией, которую, по мнению многих, жестко навязывают людям, воспитанным в других духовно-нравственных традициях и имеющим иные ценностные ориентиры. Тем самым такой конфликт приобретает черты конфликта цивилизаций, вполне способного развиться в открытый конфликт, исходом которого может стать тотальное уничтожение одной из сторон⁴.

Религиозный фактор выполняет роль идейного знамени противостоящих сторон, делает борьбу между ними бескомпромиссной и крайне

¹ Понкин И.В. Светскость государств / И.В. Понкин.. – М., 2004. – С. 120.

² Там же. – С. 122-123.

³ Рагимова А. Религиозный фактор в межэтнических конфликтах / А. Рагимова // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2010. № 4. С. 91-97. С. 91. -97. – С. 95.

⁴ Авдеева И.А. Религия и традиционные ценности в эпоху глобализации. – С. 234.

жестокой, ибо в ценностных конфликтах (конфликтах веры) переговорные технологии часто бывают бессильны из-за невозможности обсуждать идеологические разногласия, уступать в принципах и обмениваться уступками. Именно поэтому всякие попытки их урегулирования с помощью миротворцев или военной силы («принуждение к миру») чаще всего не имеют успеха. Об этом свидетельствуют примеры Боснии, Косово, Чечни, Палестины. В конфликтах этого типа, которые получили название межцивилизационных (противостояние цивилизационных ценностей религии, культуры, идеологии), как правило, используются методы вооруженной борьбы, а также методы террора¹.

Неслучайно в системе национальной безопасности государства (экономическая, социальная, экологическая, информационная и др.) выделяются религиозная, или конфессиональную безопасность. Не разграничивая жестко эти понятия, необходимо заметить, что проблема конфессиональной безопасности в истории цивилизации стояла остро всегда.

С ростом значимости религиозного фактора в эпоху глобализации жизни социума возникают, как минимум, две проблемы, требующие научной разработки и правового закрепления: религиозная безопасность и правовая регламентация, как деятельности органов государственной власти, так и религиозных движений, с входящими в них некоммерческими организациями (общественными объединениями) в целях обеспечения такой безопасности. По-сути духовенство и светские идеологи разных вероисповеданий вынуждены переосмысливать гражданские свободы с позиции традиции и инновации².

Социальная психология отмечает, что государственными механизмами удается регулировать не более 50% процентов общественных отношений. Остальное входит в сферу традиций, обрядов, привычек, то есть, опять-таки, конкретных религий, мировоззрений или... суеверий, зачастую крайне примитивных и разрушительных. Различные религии имеют, как уже подчеркивалось, неодинаковые, часто противоположные, взгляды на право, государственность, власть, экономику, нравственность и иные основополагающие категории. Таким образом, вся социальная жизнь и культура в значительной степени зависят от того, какие вероучения и каким образом влияют на общество и его институты, на отдельные личности. А это означает, что на первое место выходит духовная безопасность личности, семьи, общества и государства³. В этой связи у конфессиональных отношений есть огромный потенциал, который может быть направлен на разрешения социальных конфликтов. Однако этот

¹ Тагиров Э.Р. «Война карикатур» или «война цивилизаций»? (конфликтологический подход к проблеме) // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2006. – № 1. – С. 124-127.

² Орлов М.О. Место и роль религии в глобальных процессах современности / М.О. Орлов // Власть. - 2008. - № 4. – С.92.

³ Духовная безопасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности). - Москва. 2005. – С. 17.

же потенциал может проявляться в таких практиках, как просвещение, призывы к миру, терпимость, уважение к свободе совести другого. Однако он же может быть мобилизован и направлен на деструктивные цели, как это происходит в религиозном экстремизме.

Понятие конфессиональная безопасность направлено против таких угроз и опасностей, как экстремизм, религиозная нетерпимость, межконфессиональный конфликт. В эпоху глобализации свобода мировоззренческого выбора, разграничение религии и политики – главный фактор ослабления духа радикализма и терроризма, необходимое условие формирования эффективной системы национальной и глобальной безопасности¹. Однако поскольку политика – это всегда «сфера возможного» и в ней «все средства хороши» полное удаление религиозного фактора из политики никогда не произойдет. Религиозный фактор, так или иначе, будет использоваться акторами политического пространства. В этой связи, защита своих религиозных святынь фанатиками той или иной веры с применением методов насилия, поджогов и разрушений подчеркивает крайнюю опасность межконфессиональных конфликтов, которые представляют собой реальную угрозу самому существованию мировой цивилизации.

Существуют разные подходы к понятию конфессиональной безопасности. Среди основных можно выделить институциональный и социально-политический подходы. Конфессиональная безопасность – это часть духовной безопасности того или иного государства, входящая в общую структуру национальной безопасности. По всей видимости, духовная безопасность лежит в основе других ее видов, поскольку конкретное состояние экономической, политической и социальной жизни во многом определяется ее духовно-нравственными составляющими².

1. В рамках государственного, институционального подхода конфессиональная безопасность понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в сфере религии от внешних и внутренних угроз. Это предполагает укрепление на основе принципов устойчивого развития укрепление нравственных ценностей, традиций патриотизма, рост духовного и научного потенциала общества. В этом плане конфессиональная безопасность представляет собой специфическую составную часть национальной безопасности, «включенную» во все ее виды.

2. Социально-политический подходы к понятию конфессиональной безопасности предполагают определение особого места этого явления в общей системе национальной безопасности, а также анализ вполне определенных функций, выполняемых ей в общественной жизни. Исходя из этого, конфессиональная безопасность – это способность основных субъектов

¹ Бурьянов С.А. Свобода совести как глобальная ценность, на пути к политическому единству и решению глобальных проблем / С.А. Бурьянов // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 136-151. – С. 142.

² Духовная безопасность России. – С. 12.

социального действия (личность, общество, государство) сохранять и развивать созидательную религиозность на всех уровнях социального развития. Это, в свою очередь, предполагает, состояние защищенности жизненно важных духовных интересов и потребностей личности, общества и государства, а также соответствующую систему отношений.

В нашем понимании, конфессиональная и межконфессиональная безопасность представляет собой состояние защищенности духовных интересов общества, предполагающая способность основных субъектов социального действия сохранять и развивать традиции религиозности, не причиняя ущерба представителям других конфессий.

В этом плане ключевым является вопрос о том, несут ли религии сами по себе конфликт, агрессию, или являются их средством выражения. Среди животных, отмечает признанный религиовед Р. Жирар, уже существует внутривидовое насилие, особенно в сексуальном соперничестве, но оно остается довольно умеренным. Чаще всего, победитель щадит побежденного, и таким образом устанавливаются отношения, которые играют главную роль в жизни животных. Люди заходят дальше животных, так как убивают друг друга. Мы виним в этом агрессию, но проблема в том, что это понятие однобоко. Оно решительно разделяет человечество на агрессоров и жертв агрессии.

Люди склонны к соперничеству, а не к агрессии. Помимо наклонностей, разделяемых нами с животными, у нас есть более проблематичное стремление, которое лишено какого бы то ни было инстинктивного стремления – желание. Мы в буквальном смысле не знаем, чего желать, и, чтобы узнать об этом, мы наблюдаем за людьми, которыми мы восхищаемся: мы подражаем их желаниям. И образцовые носители, и подражатели одного и того же становятся соперниками. Их сопернические желания буквально подпитывают друг друга: подражатель становится образцом для своего образца, а образец – подражателем своего подражателя. В отличие от соперничества животных, это подражательное или миметическое соперничество может становиться необычайно сильным и заразительным не только приводя к убийствам, но и миметически распространяясь на целые сообщества.

Таким образом, заключает Р. Жирар, насилие, ответственность за которое мы любим перекладывать на религию, на самом деле является следствием миметической природы человека¹. Превращение религии в козла отпущения нашего собственного насилия в конце концов может привести к крайне неприятным последствиям

Несомненно, что государство — это институт, а религия — мировоззренческое и социальное образование, и поиск оптимального взаимодействия между ними задача довольно сложная. Для обозначения этих процес-

¹ Жирар Р. Насилие и религия: причина или следствие? / Р. Жирар // Логос. – 2008. – № 4. – С. 129-140. – С. 139.

сов в современном обществе широко употребительными являются термины «государственно-церковные отношения», «государственно-религиозные отношения», «государственно-конфессиональные отношения», «отношения государства и религиозных организаций (объединений)», «государственно-исламские отношения», «государственно-мусульманские отношения».

Поскольку фактор религии, характер и степень напряженности межконфессиональных отношений выступают ключевым составным элементом общественных отношений, требующим регуляции, конфессиональная безопасность – одна из важнейших потребностей общественного развития в эпоху глобализации.

Государственно-конфессиональные отношения – это отношения государства в лице основных субъектов власти, управления и конфессий, представленных различными духовными учреждениями, общественно-религиозными организациями. Государственно-конфессиональные отношения существуют главным образом в политико-управленческой, образовательной, а также идеологической сферах общественной жизни.

В самом общем виде можно выделить три модели государственно-конфессиональных отношений: «восточную», «американскую» и «западно-европейскую». Первая предполагает наличие господствующей религии, вторая – равное удаление всех религиозных объединений от государства, а третья – кооперацию между государством и наиболее влиятельными религиозными организациями¹.

В контексте обеспечения конфессиональной и межконфессиональной безопасности особенно важна проблема экстремизма и терроризма. Религиозный экстремизм и терроризм являются как активной позицией по изменению сложившегося в мире баланса сил, так и своеобразным, жестоким, бесчеловечным, но все же ответом на несправедливое распределение благ современного мира.

Религиозные экстремисты отдают свои и чужие жизни для достижения целей их лидеров. В современном мире кровавые религиозные конфликты весьма часты. Поэтому в средствах массовой информации и среди специалистов постоянно обсуждается тема религиозных и псевдорелигиозных деструктивных сект, которые все без исключения пытаются негативно влиять на сознание граждан.

Усиление мер по противодействию религиозному экстремизму является одной из первостепенных задач в сфере государственно-церковных отношений. Конфессиональная безопасность государства базируется на последовательном противостоянии любому проявлению религиозного или политического экстремизма. Сохранение и упрочение межрелигиозного

¹ Беспаленко П.Н. Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России / П.Н. Беспаленко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2008. – Т. 10. – № 8. – С. 141-149. – С.146.

мира и согласия в обществе не может быть достигнуто только путем ужесточения карающих механизмов и введения повсеместного контроля¹.

Еще один важнейший аспект конфессиональной безопасности – правовое регулирование в области свободы совести. Оно базируется на некорректных с юридической точки зрения принципах, не имеющих четких правовых критериев, и соответствующем понятийном аппарате, частично заимствованном из теологии, а потому заведомо негодном. Свобода совести подменяется свободой вероисповеданий, права человека – правами объединений, религия – идеологией, а в результате приоритет права подменяется приоритетом политики, интересами «элит».

В современном обществе свобода совести лишь декларируется наряду со свободой религии в нормах международного права и конституциях многих государств. Таким образом, право каждого на свободу совести упоминается повсеместно лишь в качестве декларации, фактически же проблема находится вне правового поля. Это создает очаг напряженности в конфессиональных и межконфессиональных отношениях.

Серьезная угроза конфессиональной безопасности государства – секты разного толка, оппозиционно настроенные к господствующей в обществе религии и не признающие государственности, ментальных устоев общества, ее нравственной культуры.

Вопросы обеспечения конфессиональной безопасности Российской Федерации регулируются нормами Гражданского кодекса РФ, федеральных законов: «О безопасности», «Об обороне», «О милиции», «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О Доктрине информационной безопасности Российской Федерации», указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, приказами Министерства обороны, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел РФ и другими документами.

Однако это регулирование затруднено вследствие того, что понятия «религиозная безопасность», «религиозная секта», «правоохранительные органы» и др. нормативно четко не определены. Такие правовые пробелы негативно сказываются не только на практике всех правоохранительных органов, но, прежде всего, судебных органов как одной из ветвей власти по защите конституционного строя. Общеизвестно, что удержание власти невозможно без вооруженной, экономической, правовой и иной защиты со стороны государства от внешней и внутренней агрессии. Эти положения закреплены в Конституции РФ (глава 2) и иных нормативных актах как гарантия и форма обеспечения общественной безопасности, конституционных прав и свобод человека и гражданина².

Еще в 1996 году Государственная дума в своем обращении «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия не-

¹ Там же. – С. 148.

² Карпухин Ю.Г. Армия, правоохранительные органы и религиозная безопасность / Ю.Г. Карпухин // Вестник российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 5. – С. 121-130. – С. 122.

которых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» предложила «считать религиозную безопасность российского общества важным приоритетом национальной безопасности наряду с военной, политической, экономической, экологической и социальной».

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации пишется о необходимости нейтрализации «религиозного экстремизма», о снижении «духовно-нравственного потенциала общества», об «экономической, демографической и культурно-религиозной экспансии сопредельных государств на российскую территорию». В ней указано, что обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России, формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения ..., противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров.

Военная доктрина Российской Федерации обращает внимание на религиозный экстремизм, на противоправную деятельность религиозных движений, организаций, структур, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации в разделе «В сфере духовной жизни» указывается на наиболее опасные угрозы информационной безопасности в этой сфере, в частности: на возможность нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект. В качестве основных направлений обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни указываются, в частности: выработка цивилизованных форм и способов общественного контроля за формированием в обществе духовных ценностей, отвечающих национальным интересам страны, воспитанием патриотизма и гражданской ответственности за ее судьбу; формирование правовых и организационных механизмов обеспечения конституционных прав и свобод граждан, повышение их правовой культуры в интересах противодействия сознательному или непреднамеренному нарушению этих конституционных прав и свобод в сфере духовной жизни.

Современная Россия, несмотря на декларируемую приверженность «американской модели», на практике пытается реализовать «западно-европейскую», предполагающую кооперацию между государством и наиболее влиятельными религиозными организациями¹.

¹ Беспаленко П.Н. Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России / П.Н. Беспаленко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2008. – Т. 10. – № 8. – С. 141-149. – С. 146.

Конфессиональное пространство современной России чрезвычайно насыщено, многообразно и разнородно. Для решения проблем, связанных с угрозами духовной безопасности России, государство в порядке справедливости и самосохранения должно опираться на традиционно созидательные религии, т.е. на такие, которые внесли и вносят заметный и устойчивый созидательный вклад в историю, традиции и культуру, язык и самосознание народов и государства в целом. *Созидательная традиционность* – многофакторное явление, в котором продолжительность деятельности религиозного объединения во времени не является обуславливающей. Например, некоторые очевидно деструктивные демонические культы обнаруживают себя на территории России с древнейших эпох, имеют своих последователей и тайную духовную преемственность. Однако такие религиозные объединения не способны внести устойчивый вклад в историю, традицию, культуру, язык и самосознание российских народностей и государства. Более того, именно в среде таких культов зарождаются человеконенавистнические идеи, внешне призывающие к возрождению неоязычества как средства противостояния глобализации¹.

Россия является секуляризованной страной и навязывание конфессиональной догматики и ориентации гражданам страны недопустимо для нормального развития федеративного общества. Ст. 14 Конституции РФ провозглашает, что «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Отделение религиозных объединений от государства не означает изоляции этих субъектов друг от друга, существуют определенные Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях» границы и формы государственно-конфессиональных отношений. Так, например, религиозные учреждения не участвуют в избирательных кампаниях, не проводят предвыборной агитации, не включены в системы органов государственной власти и местного самоуправления, не осуществляют их полномочий, в отечественной судебной системе отсутствуют религиозные суды. Однако конфессии могут и обязаны давать этическую оценку деятельности государственных органов, отдельных должностных лиц и государства в целом, хотя религиозные объединения не должны заниматься сугубо политической деятельностью. В свою очередь, государство обязано не вмешиваться во внутренние дела религиозных объединений, действующих на законных основаниях.

Необходимо учитывать различные мировоззренческие ориентации граждан; при регистрации религиозных организаций, особенно зарубежных, очень важно критически оценивать их реальную деятельность, культовую практику, догматические установки. Разработка в Российской Федерации концепции государственно-конфессиональных отношений необходима для упорядочения и координации сотрудничества всех министерств и ведомств, име-

¹ Там же. – С. 143.

ющих отношение к религиозным организациям¹. Для обеспечения конфессиональной безопасности нельзя выпячивать религиозный фактор, все конфессии должны быть равны в правах. Особенно это касается государственной политики и ее основных субъектов в виде органов власти и управления.

Характер и содержание государственной идеологии должны исключать сведение ее к конфессиональной модели («православная идеология»), которая бы неизбежно превратилась в стимул дезинтеграции общества по конфессиональному признаку; к этнокультурной модели («идеология, основанная на этнических отличиях»), которая стимулировала бы межэтнические противостояния; доминирование государственной идеологии не должно превращаться в идеологический монизм и монополию, оно должно базироваться не на давлении административного ресурса, а на свободном предпочтении населения ее в качестве национальной идеологии, для чего последняя должна обладать реальной привлекательностью своих ценностей и социального проекта².

К сожалению, современное российское общество испытывает заметный дефицит рациональности при определении своего отношения к религии. Похоже, исходной посылкой большинства дискуссий по этому поводу является стремление выбрать между двумя моделями – советской и византийской. Религия может быть либо полуполюгальной сферой частной жизни отдельных граждан, либо официальным институтом, опирающимся на мощь государства и контролирующим почти все стороны общественной жизни³. Совершенно очевидно, что советская модель не может быть возвращена, однако и византийская модель в условиях значительной секуляризации и поликонфессиональности не может быть поддержана обществом. Ситуация вокруг т.н. «панк молебна» группы Pussy Riot в Храме Христа Спасителя (г. Москва) является ярчайшим выражением означенной дилеммы.

В эпоху глобализации социальные изменения в жизни человека актуализируют с новых позиций необходимость обеспечения цивилизованных конфессиональных и межконфессиональных отношений. Однако проблема их обеспечения обусловлена целым рядом серьезных факторов, одним из которых являются технологии массовой манипуляции.

¹ Беспаленко П.Н. Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России. – С. 148.

² Беспаленко П.Н. Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России. – С. 143.

³ Гутнер Г. Секулярность, постсекулярность и универсализм / Г. Гутнер // Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – С. 7-24. – С. 7.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТЕХНОЛОГИИ МАССОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

2.1. Проблема технологий массовой манипуляции в научной литературе

Всякая манипуляция представляет собой вид взаимодействия¹. Е.Л. Доценко характеризует манипуляцию как вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями². В межличностных отношениях манипуляция существовала всегда, поэтому можно говорить о манипулятивной природе общества³. Разделяя это мнение, мы считаем, что сопротивление манипуляции будет представлять адекватную меру реагирования в том случае, если оно направлено на нейтрализацию репрессивного воздействия, прежде всего, технологически сконструированных массовых проявлений манипуляции.

Безусловно, манипуляция, в том числе и в конфессиональных и межконфессиональных отношениях, далеко не всегда носит репрессивный характер. В ряде случаев манипуляция, как и скрытое управление в целом, может носить положительный для объекта воздействия характер⁴. Утешение религиозными истинами по поводу безвременной утраты также может быть интерпретировано как манипуляция, однако терапевтический эффект от такой деятельности, безусловно, существует. Это, в свою очередь, делает необходимым поиск пределов определения манипуляции, которые позволят более корректно обозначить критерии допустимости ее использования⁵ на различных уровнях общественных отношений.

Подчас трудно разделить репрессивный и конструктивный потенциал воздействия технологий массовой манипуляции. С одной стороны, в том числе и посредством технологий массовой манипуляции, современный человек конструирует свою индивидуальность, что проявляется, например, в феномене моды. С другой, такое конструирование осуществляется по заранее заданному, «типичному» образцу. «Авторитетные» журналы и телеведущие безапелляционно вещают о «новейших тенденциях» в современной моде, заявляя, какие именно цвета или модели будут «актуальны» в том или ином сезоне. Следующий этим тенденциям современный человек

¹ См. подробнее: *Цуладзе А.* Большая манипулятивная игра / А. Цуладзе. – М.: Алгоритм, 2000. – 328 с.

² Там же. – С. 59.

³ Там же. – С. 68-73.

⁴ См. *Шейнов В.П.* Пиар «белый» и «черный»: Технология скрытого управления людьми / В.П. Шейнов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – С. 10.

⁵ *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции. – С. 287.

конституируется в соответствии с заранее предложенными образцами. Очевидно, что в этом случае речь идет о процессе управления вкусами, желаниями и предпочтениями потребителя, а креативный потенциал, воображение и фантазия оказываются невостребованными и стагнируют.

С.Г. Кара-Мурза считает, что манипуляция – это не насилие, а соблазн¹. «Каждому человеку дана свобода воли. Следовательно, он нагружен ответственностью – устоять и не впасть в соблазн»². Не оспаривая полностью приведенного мнения, базирующегося на стойко-экзистенциальной антропологии, заметим, что существует ряд манипуляционных технологий (эффект 25 кадра, технологии high-hume и ряд др.), которым человек не способен сопротивляться и даже четко идентифицировать их без специальной диагностики.

Манипуляцию следует также отличать от убеждения, которое предполагает активное участие объекта, ибо ему предлагается ряд доводов, которые он осмысливает, принимает или отвергает³. Отличие же манипуляции от убеждения, помимо морального аспекта, заключается в следующем: при убеждении источником подчинения объекта является рациональность (обоснованность) аргументов, которыми обладает субъект, тогда как при манипуляции он связан со способностью утаивать информацию от объекта⁴. Как известно, убеждение – это неотъемлемый элемент демократии. Неслучайно, античность, в отличие от современной культуры, рассматривала убеждение в качестве существенного навыка⁵, необходимого каждому гражданину для полноценного участия в делах государства. Обучение убеждению было одним из основных компонентов античной пайдеи.

Современность характеризуется увеличением удельного веса феномена убеждения в человеческой коммуникации. Убеждение используется почти во всех видах вербальных коммуникативных актов. Существует мнение, что, например, генеральные директора тратят более 80 % своего времени на устное общение – и большую его часть – с намерением в чем-то убедить своих подчиненных⁶.

Ежедневно современного человека буквально бомбардируют непрерывные потоки убеждающих сообщений. Причем чаще всего на него воздействуют не логическими аргументами, а манипуляцией символами и человеческими эмоциями. Интенсивная бомбардировка потоками убеждаю-

¹ Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – С. 19.

² Там же. – С. 19.

³ Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – С. 60.

⁴ Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – С. 294-295.

⁵ Демократия делает необходимым убеждение. Неслучайно древние греки почитали богиню убеждения Пейфо.

⁶ Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – С. 23.

щих сообщений дает основание Э. Аронсону и Э. Пратканису заявить: «наша эпоха – это эпоха пропаганды»¹.

¹ Там же. С. 24.

Человеческий мир бесконечно суггестивен¹. Как специфический вид коммуникации внушение отличается слабым вниманием к доказательности со стороны внушающего (суггестора) и низкой критичностью восприятия содержания информации со стороны внушаемого (суггерента). Основным отличительный признак между такими социальными феноменами, как «манипуляция», с одной стороны, и «суггестия», «программирование психики», с другой, мы видим в следующем. Процесс суггестии, как и программирования психики, по своей сути инструментален и предполагает в качестве цели управление, тогда как манипуляция сама являет собой процесс управления.

Иными словами, социальный контроль может возникнуть на основе суггестивных представлений и процесса программирования психики, но сама суггестия и программирование психики являет собой лишь одно, хотя и важное звено процесса скрытого управления. Помимо этого, внушение отличается от манипуляции меньшей степенью аргументированности или отсутствием таковой вообще. Итак, внушение, как и манипуляция, в различном виде сопутствует человечеству на всем протяжении его цивилизационного развития, онтологическим основанием чего является потребность человека в системе координат. Возможно, человек был бы менее подвержен влияниям, если бы не обладал огромной потребностью в заданной системе ценностных ориентаций, координирующих его социальное бытие.

В отличие от манипулятивных технологий, технологии PR в большей степени концентрируются на социальных технологиях оптимального (бесконфликтного и эффективного) взаимодействия между различными субъектами. Конечно же, это предполагает воздействие на общественное мнение и ментальные структуры индивидуальных и коллективных субъектов. При этом PR в большей степени, нежели технологии массовой манипуляции, предполагает рациональную коммуникацию субъектов взаимодействия. PR технологии делают акцент на различных формах и способах отражения социальной информации, побуждая человека к целеосознанным действиям по преобразованию социальной реальности, стремясь достигнуть понимания между субъектами коммуникативного акта, а не добиваясь цели посредством скрытого управления психикой человека.

Можно согласиться с М.И. Бабюком, который отмечает, что функции PR и маркетинговых технологий не идентичны манипулятивным, но совпадают по многим параметрам². В современном обществе широко распространен т.н. «агрессивный маркетинг». Для «выкачивания» денег из детей и их родителей используются самые изощренные технологии. Агрессивный маркетинг оказывает огромное влияние на физическое и душевное здоровье детей, приводя к значительным изменениям в их психике³.

¹ Барт Р. Мифология / Р. Барт. - М.: Академический Проект, 2008. – С. 265.

² Бабюк М.И. Социальная манипуляция: философский анализ. – С. 77.

³ Линн С. Проданное детство, или как агрессивный маркетинг лишает наших детей будущего / С. Линн. – М.: Добрая книга, 2006. – 400 с.

Также определенными чертами типологического сходства с феноменом технологий массовой манипуляции могут быть отмечены нейролингвистическое программирование (НЛП) и гипноз М. Эриксона¹. Технологии НЛП как направление прикладной психологии применимы в самых различных сферах человеческой деятельности².

В советской социогуманитарной науке понятие «манипуляция» применительно к репрессивному воздействию со стороны общественных структур использовалось редко, а феномены информационно-психологической репрессивности характеризовались главным образом посредством понятия «пропаганда». О пропаганде³ и манипуляции ученые СССР и других соцстран говорили в основном применительно к капиталистическому Западу и авторитарным режимам стран «третьего мира»⁴. Так, например, польский ученый Л. Войтасик отмечал, что достижения психологии используются буржуазной пропагандой против социалистических стран⁵. Психология в капиталистических странах служит для выработки приемов манипулирования общества с помощью пропаганды⁶. Тем самым Л. Войтасик повторяет концептуальное положение М. Фуко о репрессивном воздействии наук, но уже с позиций идеологизированного марксизма.

Учеными особенно подчеркивалось, что манипуляция сознанием является орудием именно классовой борьбы. Манипуляция побуждает, заставляет человека, не обладающего твердым классовым мировоззрением, вести себя вопреки своим объективным интересам, способствует достижению целей тех, кто внушает. С точки зрения Б.Н. Бессонова, манипуляция – это не только прагматические методы управления, но и теория, «наука управления» сознанием трудящихся масс, предназначенная воспринимать

¹ См. например: *Гиллиген С.* Терапевтические трансы: руководство по эриксоновской гипнотерапии. / С. Гиллиген. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997.-416 с.; См. подробнее: *Щербатых Ю.В.* Психология выборов. Манипуляция массовым сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С. 164.

² *О'Коннор Д, Сеймор Д.* Введение в нейролингвистическое программирование / Д. О'Коннор, Д. Сеймор. – Челябинск: «Версия», 1997. – С. 13.

³ Сравнительная редкость в современном дискурсе слова «пропаганда» есть следствие того, что термин «пропаганда» оказался «смягчен» и его место занял другой «формирование общественного мнения» (*Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 258).

⁴ См. например: *Бессонов Б.Н.* Идеология духовного подавления / Б.Н. Бессонов. – М.: изд-во МГУ, 1971. – 295 с.; *Вайткунене Л.* Психотехнические средства буржуазной пропаганды / Л. Вайткунене / Коммунист, Вильнюс, - 1984. - № 10. - С. 63-67; *Волкогонов Д.А.* Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д.А. Волкогонов. — М. Воениздат, 1983. — 288 с.; *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды / Л. Войтасик. — М. Прогресс. 1981. — 278 с.; *Власов А.И.* Политические манипуляции: история и практика средств массовой информации США / А.И. Власов. — М.: Международные отношения, 1982. — 303 с.

⁵ *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. – С. 57.

⁶ Там же. – С. 57.

в людях, поддающихся ей, «сателлитное сознание»¹. Обобщая достижения буржуазной мысли, Б.Н. Бессонов отмечает, что западные теоретики под манипулированием понимают специфическую форму духовного воздействия, которая выражается в форме скрытого анонимного господства, осуществляемого «ненасильственным» способом².

Далее заметим, что типологически схожие с манипуляцией практики (суггестия шаманов, проявление хитрости торговцев, льстивые обращения к правителям, софизмы, стратагемы, демагогия, популизм, пропаганда и др.) являются укорененными в цивилизационном процессе, что свидетельствует о необходимости учета их влияния при реконструкции логики настоящего. Среди мыслителей, предшественников современных исследователей феномена манипуляции, следует отметить древнекитайского мыслителя Сунь-цзы, античных софистов, Аристотеля («О софистических опровержениях»), Н. Макиавелли («Государь»), А. Шопенгауэра («Эристическая диалектика»). Однако ключевым в процессе утверждения и развития технологий массовой манипуляции явился XX в. когда сложилась наука, занимающаяся этой проблемой, – социальная психология, один из краеугольных камней которой заложен Г. Лебоном в «учении о толпе». Среди ученых начала XX столетия, внесших значительный вклад в изучение феномена технологий массовой манипуляции, необходимо отметить В.М. Бехтерева, В. Вундта, Б. Сидиса, С. Сигеле, Г. Тарда, З. Фрейда. Успешность исследований этих авторов была обусловлена, помимо талантов этих исследователей, еще и тем, что именно в это время активно развивалась новаторская и жесткая практика «толпообразования», превращения больших масс людей в толпу, которая выступила в качестве практического материала для исследовательской деятельности вышеперечисленных авторов. В этот период возникли и активно развивались новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. Появлялись организации, способные ставить невероятные по масштабам политические спектакли в виде массовых действий, зрелищ и кровавых провокаций³.

Многоликость способов проявления скрытого управления человеком в зависимости от культурно-исторических, социальных и коммуникативных условий трансформировалась в многообразии понятий, отражающих практику их использования в социальном взаимодействии и общении людей⁴. Как справедливо замечает Е.Л. Доценко, полное перенесение слова «манипуляция» в социальный контекст ведет к тому, что под объектами действий-манипуляций понимаются уже не предметы, а люди⁵. Характерно, что с 60-х гг. XX в. термин «манипуляция» стал использоваться в зна-

¹ Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления . – С. 109.

² Там же. – С. 110; 131.

³ Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – С. 191.

⁴ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. – С. 77.

⁵ Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита . – С. 47.

чении, заимствованном из политологических работ¹, уже вместе с понятием «технологии».

Родоначальником подхода, согласно которому технологии массовой манипуляции пронизывают институты и социальные практики современности, выступая специфической формой социального контроля, может считаться Г. Шиллер, который предложил т.н. политико-экономический подход к информации, суть которого в стремлении увидеть за информацией, например, в газетной статье или телевизионном сценарии, ее скрытую сущность. Обычно речь идет о таких экономических характеристиках, как структура собственности СМИ, источники рекламных поступлений, доходы аудитории. Политические экономисты склонны видеть в этих структурных элементах то, что незаметно влияет на содержание телевизионных новостей или на типы создаваемых компьютерных программ.

Сторонники политико-экономического подхода настаивают на системном анализе процессов коммуникации и обработки информации. То есть они прилагают все мыслимые усилия, чтобы определить место конкретной сети кабельного телевидения или компании, разрабатывающей программное обеспечение, во всей социально-экономической системе². В рамках этого подхода манипулятивным технологиям уделялось особое внимание. Г. Шиллер полагал, что наибольших успехов в манипуляции сознанием достигли Соединенные Штаты, где этот феномен представляет собой важнейший вид социального контроля³.

Рассуждая в рамках марксистской логики, Г. Шиллер утверждает, что манипуляция сознанием сводится к тому, чтобы принудить массы позитивно участвовать в укоренившейся практике⁴. По сути Г. Шиллер трактует манипуляцию сознанием как орудие классового подавления. Такой подход отличается известной узостью и не включает в себя, например, манипуляции, связанные с национализмом, расизмом и др.

Согласно Г. Шиллеру, технологии массовой манипуляции направлены на сохранение капитализма. Именно потому в развитии этих технологий заинтересованы главным образом крупные корпорации. Развитие информационной сферы подчинено потребностям корпораций. Ф. Уэбстер отмечает, что менее предвзятый исследователь сделал бы из тех же фактов другой вывод: информационная революция произошла, и оказалось, что ее плодами неплохо воспользовались корпорации, тем более, что распространению информационных сетей предшествовали годы рассуждений о том, как они нужны корпорациям⁵. Следует отметить, что технологии массовой манипуляции принципиально амбивалентны: их применение может

¹ Там же. – С. 46.

² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – С. 168.

³ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – С. 21.

⁴ Там же. – С. 21.

⁵ Там же. – С. 174.

быть направлено как на сохранение существующих социокультурных и социохозяйственных связей, так и на разрушение их, как на омассовление человека, так и на его индивидуализацию.

С точки зрения Г. Шиллера, самым крупным успехом манипуляции, наиболее очевидным на примере США, является удачное использование особых условий западного общественного сознания для увековечивания как единственно верного определения свободы (индивидуализм, свобода выбора, миф о нейтралитете СМИ, миф о неизменности природы человека). Несмотря на то, что Г. Шиллер описывал в своих работах процесс манипуляции сознанием в США и с момента опубликования ее работ прошел уже достаточно длительный, учитывая динамичность современного общества, срок, его анализ сохраняет свою значимость для социогуманитарных наук.

Другой американский исследователь, Г. Тамер, поддерживает взгляд Г. Шиллера о манипуляции как средстве социального контроля современности. Манипулируя общественным мнением и осуществляя социальный контроль, государство всецело полагается на коммуникацию и информацию¹.

Ю. Хабермас отмечает, что в современном обществе публичная сфера ослаблена вторжением рекламы и присущей ей этики, а также ей нанесен существенный урон технологиями манипуляции и PR. На смену рационального обсуждения пришло лицемерие и манипуляция политиками². Иными словами, циркулирующие информационные потоки в современном обществе «подпорчены», а распространение информации подчинено целям рекламных компаний, что в целом соответствует положению о проникновении логики товарно-денежных отношений в другие, неэкономические практики современного общества.

Для Э. Фромма технологии массовой манипуляции во многом определяют ход развития современного общества в связи с тем, что «...мы превращаемся в цивилизацию все большей манипуляции массами»³.

Г. Маркузе технологии массовой манипуляции характеризует посредством понятия «преформирование», оказывающего репрессивное воздействие на человека. Категории «репрессия» и «репрессивный» употребляются Г. Маркузе в нетехническом смысле для обозначения как сознательного, так и бессознательного, внешнего и внутреннего процессов сдерживания, принуждения и подавления⁴. Интенсивность, способ удовлетворения и характер небιологических потребностей человека «...всегда были результатом преформирования»⁵.

¹ *Tumber H. 'Taming the Truth', British Journalist Review, 4 (1): 37-41. P. 37. Цит. по Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – С. 257-258.*

² *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity, 1989. Цит. по: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – С. 224-225.*

³ *Фромм Э. Революция надежды. – С. 51.*

⁴ *Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – С. 15.*

⁵ *Маркузе Г. Одномерный человек. – С. 267-268.*

Понятие «преформирование» призвано зафиксировать тенденцию общества, заключающуюся в формировании индивидуальных влечений, потребностей современного человека. Репрессивность современного общества «...существенно отличается от имевшей место на предшествующих, более низких ступенях развития общества, сегодня действует не с позиции природной и технической незрелости, но скорее с позиции силы. Никогда прежде общество не располагало таким богатством интеллектуальных и материальных ресурсов и, соответственно, не знало господства общества над человеком в таком объеме. Отличие современного общества в том, что оно умиряет центробежные силы скорее с помощью техники, чем террора, опираясь одновременно на сокрушительную эффективность и повышающийся жизненный уровень»¹.

Г. Маркузе предлагает распознавать репрессивность в интенсивном подчинении людей гигантскому аппарату производства и распределения, в деприватизации свободного времени, в почти неразличимом сплавлении конструктивной и деструктивной общественной работы². Изошренность такой репрессивности заключается в том, что она парадоксальным образом может исчезнуть из сознания людей, так как легитимация господства приобретает новый характер и выражается в апелляции к постоянно растущей производительности и господству над природой, делающей жизнь людей еще более комфортабельной³. Тем самым включенность в социальный контекст мифологии «прогресс» оказывается репрессивным фактором для общества.

С точки зрения М. Хоркхаймера и Т. Адорно, распространенность технологий массовой манипуляции в современном обществе свидетельствует о трансформации репрессивного фона. Система «...оставляет в покое тело и переходит к решительной атаке на душу»⁴. В современных социальных условиях, считает Т. Адорно, человек не только боится манипуляции, но, напротив, ощущает потребность в ней и в руководстве тех, кто считает себя сильными и способными защитить. Иерархическая природа экономической организации усиливает желание быть объектом манипуляции и самому оставаться бездейственным. Все более стирается граница между «объективной констатацией» и пропагандистскими трюками⁵. Важнейшим теоретическим положением, способствовавшим исследованиям технологий массовой манипуляции, явилась актуализированная философами Франкфуртской школы проблем ложных потребностей, которые, в свою очередь, выводят исследователей на проблему отчуждения.

¹ Там же. – С. 256.

² *Хабермас Ю.* Техника и наука как идеология / Ю. Хабермас. – М.: Праксис. 2007. – С. 50-117. – С. 53.

³ Там же. – С. 53.

⁴ *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. С. 166; В этой связи М. Хоркхаймер и Т. Адорно особо отмечают пронизательный анализ, данный А. де Токвилем в книге «Демократия в Америке» (*Токвиль А. де.* Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М.: Прогресс. 1992. – 560 с.).

⁵ *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. – С. 351.

Ж. Бодрийар описывает манипуляцию посредством симулякров (от лат. *simulacrum* — образ, подобие), выдающих отсутствие за присутствие, смешивая различие реального и воображаемого. Любой симулякр содержит в себе «соблазн», или «совращение». Все сексуализируется, обретая простор для игры и приключения. Повсюду бессознательное, все дискурсы превращаются в нескончаемый комментарий к сексу и желанию. В этом смысле можно сказать, что дискурсы становятся дискурсами соблазна: в них вписан недвусмысленный запрос на соблазн, но речь идет о соблазне мягком, о приглушенном процессе обольщения, ставшем синонимом стольких других вещей — манипуляции, убеждения, удовлетворения, эмпатии, стратегии желания, мистики отношений, легкой трансферной экономики, пришедшей на смену конкурентной экономике силовых отношений. Обольщение, инвестирующее таким образом все языковое пространство, имеет ровно столько же смысла и содержания, как и власть, инвестирующая все закоулки социальной сети, — вот почему сегодня их дискурсы смешиваются с такой легкостью¹. Для Ж. Бодрийара манипуляция — это часть процесса симуляции, происходящего в современном обществе. Тем самым Ж. Бодрийар занимает характерную для постмодернистской философии позицию, согласно которой лингвистические процессы *определяют* облик социальной реальности, а технологии массовой манипуляции — лишь часть этого процесса. При этом Ж. Бодрийар использует термин «манипуляция» чаще всего в техническом смысле².

Э. Аронсон и Э. Пратканис для определения массовых методов убеждения современности используют термин пропаганда³. Формы убеждения, управляющие образом жизни XX столетия, очень сильно отличаются от того, чему подвергались люди в любом другом веке⁴.

Если принять тезис о глубоком проникновении технологий массовой манипуляции в структуры и практики современного общества, к чему нас склоняет позиция всех вышеперечисленных исследователей, необходимо будет признать, что характер общества и социальных связей в нем будет существенно иным, отличным от других типов социальности. Характерно, что, например, концепция постиндустриального общества склонна игнорировать общесоциальную распространенность технологий массовой манипуляции.

Схема, согласно которой вся история человечества представляется в виде сменяющих друг друга трех типов обществ — до-индустриального, индустриального и пост-индустриального (Д. Белл, Э. Тоффлер и др.), составля-

¹ Бодрийар Ж. Соблазн / Ж. Бодрийар. — М.: Издательство Ad Marginem, 2000. — С. 305-306.

² Там же. С. 167, 250, 273, 274 и др. Бодрийар Ж. Система вещей. — С. 60, 74, 87 и др.

³ Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. — С. 28.

⁴ Там же. — С. 28. Э. Аронсон и Э. Пратканис современное общество аттестуют как постиндустриальное, однако содержание книги «Эпоха пропаганды» плохо вяжется с основными выводами теоретиков постиндустриального общества.

ет основу концепции. Ведущая роль в формировании схемы и всей концепции постиндустриального общества принадлежит американскому социологу Д. Беллу. Вполне возможно, постиндустриальное общество, позднее трансформированное Д. Беллом в информационное, – это одна из самых влиятельных современных социальных теорий. Пожалуй, наиболее адекватной ему альтернативой на сегодняшний день являются «модернистские» концепции, разделяемые многими известными европейскими мыслителями современности, среди которых отметим Ю. Хабермаса, З. Баумана, У. Бека. Также можно отметить «дисциплинарное общество» М. Фуко, «сетевое общество» М. Кастельса, «общество потребления» Ж. Бодрийара, «общество спектакля» Э.Г. Дебора и постмарксистское построение М. Хардта и А. Негри «Империя».

Концепция «постиндустриального общества» не является законченной теорией общества, это, скорее, инструмент теоретического анализа или аналитическая конструкция, нежели обозначение реально существующего строя. Приверженность этой аналитической конструкции даже в качестве методологического ориентира не позволяет точно датировать время образования этого типа общества. Наличие «постиндустриальных» трендов в том или ином обществе не означает полную аннигиляцию практик, структурирующих «индустриальную» социальность, или социальность «доиндустриального» типа. Здесь уместна аналогия с древними фресками: один тип общества накладывается на другой, не исчезая полностью¹. Тем не менее, предполагается, что развитые западные страны вступили в стадию постиндустриального развития, следовательно, современность оказывается сопряженной с постиндустриальностью.

Главную цель теоретической конструкции «постиндустриальное общество» Д. Белл видит в том, что она позволяет увидеть главное в новых социальных формах, однако этот тезис может быть подвергнут сомнению. Концепция «постиндустриального общества» оставляет за бортом анализа технологии массовой манипуляции, преобразующие основные структуры и практики современности. Д. Белл в «Грядущем постиндустриальном обществе» даже не упоминает технологии массовой манипуляции. Популяризатор его идей Э. Тоффлер говорит о технологиях массовой манипуляции, но склонен преуменьшать их значение. Так, например, Э. Тоффлер, описывая процесс манипуляции в политической сфере, употребляет прошедшее время. «Голосование представляло собой массовый ритуал внушения, когда народ убеждали, что выборы проводятся регулярно, с четкостью механизма, а, следовательно, с надлежащей правильностью»². Но разве все это исчезает в постиндустриальном обществе?!³ Не является ли таким образом постиндустриальное общество

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – CLIV.

² Тоффлер Э. Третья волна. – С. 139-140.

³ В другом месте Э. Тоффлер пишет следующее: существует «доля правды» в утверждении о манипулировании корпорациями потребителем, его потребностями (Там же. – С. 376-377).

в глазах Э. Тоффлера чем-то схожим с коммунистической формацией для ортодоксальных марксистов, или раем на земле (Шангри-ла)?!

Тем не менее, несмотря на важность влияния технологий массовой манипуляции в условиях глобализации, вряд ли можно характеризовать его как общество манипуляций, к чему склоняет, например, позиция С.Г. Карамурзы. Однако недооценивать степень влияния технологий манипуляции на социальное пространство современности неуместно. Вполне вероятно, что именно технологии массовой манипуляции как сравнительно новое явление будет во многом определять вектор общественного развития в будущем.

Вопрос о степени влияния технологий массовой манипуляции на общество спорен и не может быть решен однозначно. Начиная с 1940-х годов, исследователи обнаружили, что довольно-таки трудно документально подтвердить существование реальной власти средств массовой коммуникации. Это привело некоторых ученых к заключению, что средства массовой коммуникации имеют минимальное влияние и что граждане рационально используют получаемую ими информацию, для того чтобы определить наилучший образ действия¹. Однако затем было выявлено, что средства массовой коммуникации способны создавать трудноуловимые или «косвенные» эффекты – другими словами, средства массовой коммуникации не говорят вам, что думать, но они подсказут, о чем думать и как это делать².

Таким образом, анализ показывает, что повышенным вниманием к феномену технологий массовой манипуляции отличаются исследователи, относящиеся к когорте социальных критиков. С другой стороны, в работах «апологетов» магистральных процессов современного общества, положительно оценивающих основные тренды развития общества (Д. Белл, М. Кастельс, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др.), находится значительно меньше места для технологий массовой манипуляции. Как видно на примере концепции постиндустриального общества, это в значительной степени обедняет ее эвристический потенциал.

Современные отечественные исследования феномена технологий манипуляций имеют менее богатую историю, чем зарубежные. Следует отметить позицию ведущего отечественного исследователя Е.Л. Доценко, который говорит о технологии манипулятивного воздействия³. Впрочем, Е.Л. Доценко в своих работах предлагает, прежде всего, психологическое изучение феномена, концентрирующегося главным образом на манипуляции в межличностном общении, тогда как различные социально-философские аспекты проблематики анализируются им лишь попутно, что, впрочем, не принижает ценность высказываемых аналитических суждений, которые свидетельствуют о высоком исследовательском уровне его работ.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – С. 41.

² Там же. – С. 41-42.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – С. 146.

Несколько иную, нежели Е.Л. Доценко, трактовку рассматриваемого феномена с позиций управленческой коммуникации дают Г.В. Грачев и И.К. Мельник, согласно которой информационно-психологическое воздействие манипулятивного характера, осуществляемое в интересах человека или группы людей по отношению к другим, является специфической формой управления¹.

Подход Г.В. Грачева и И.К. Мельника, в рамках которого употребляется терминология «манипуляция личностью», с нашей точки зрения, гораздо точнее выражает основное содержание данного процесса, нежели подход С.Г. Кара-Мурзы, употребляющего термин «манипуляции сознанием». Чтобы основательнее аргументировать наш тезис, необходимо окинуть общим взглядом процесс развития психологических наук.

Развитие психологии неразрывно связано с поиском предмета исследования, под которым в различные периоды выступали абстрактно выраженные аспекты психологии человека: сознание и его проявление, поведение, бессознательная психика, целостные психические структуры, деятельность, личность, индивидуальность и субъектность человека. Эти проекции человека в качестве базовых категорий объяснительных принципов природы психического оформлялись в отдельные научные школы и направления. Каждая научная школа, базируясь на представлении о природе психического, строила собственное представление о человеке на основе чего создавались различные дискурсы, практики и психотехники². Так, например, в античности психологические знания структурировались как представления о душе. Начиная примерно с XVII в., происходит переход от «парадигмы души» к «парадигме сознания». Следующий этап развития психологии связан с бихевиоризмом и ознаменован интересом психологов к тому, что можно непосредственно увидеть и зафиксировать (поведение, поступки, реакции человека и т.д.). И наконец, современная психология конституируется как наука, изучающая факты, закономерности и механизмы психики³.

Семантика таких категорий, как «душа», «психика» и «сознание», предполагает отражение объективных устойчивых свойств и закономерностей окружающего мира. При этом понятие «душа» несколько выпадает из категориального ряда современной психологии, за которым сохраняется понимание внутреннего мира человека, а в мифологии и религии нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу. Если же рассуждать о психике, то существует многообразие ее трактовок, выделим важнейшие из них:

1. Психика наличествует как у человека, так и у животных (нейропсихизм и мозгопсихизм).

¹ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью / Грачев Г.В., Мельник И.К. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 11.

² Айсмонтас Б.Б. Общая психология: Схемы / Б.Б. Айсмонтас. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. – С. 9.

³ Там же. – С. 25.

2. Психика существует во всем живом (биопсихизм).
3. Все физическое, в том числе и неживое, обладает психикой (пан-психизм).

В отечественной психологической науке сознание эволюционистски трактуется как высшая, свойственная только человеку форма отражения объективных устойчивых свойств и закономерностей окружающего мира, ведущая к формированию у него внутренней модели внешнего мира. В результате этого человек оказывается способен достигать познания и сил для преобразования окружающей действительности. Данная мысль восходит к классикам марксизма. При этом не отрицается, что человек обладает психикой, однако именно сознание выступает главной отличительной особенностью психики человека.

Формы проявлений психики человека чрезвычайно многообразны. К ним относятся психические состояния (апатия, аутизм, депрессия, творческий подъем, устойчивый интерес и др.), психические процессы (внимание, воображение, восприятие, воля, мышление, память, речь, чувства и др.) и свойства человека как субъекта (способности, темперамент, характер и др.). Все эти формы с различной степенью интенсивности задействуются в процессе репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции на современного человека.

В советской социогуманитарной науке утверждалось, что семантика категории «психика» шире семантики категории «сознание». Под психическими явлениями имелись в виду все осознанные и неосознанные познавательные процессы и образования (ощущения, восприятия, представления, память, мышление), психические состояния (эмоции, настроения, бодрость, усталость и т.п.), а также психические свойства личности (наблюдательность, находчивость, черты характера, типы темперамента и т.п.)¹. Психика – это не только сознание, но и подсознание и бессознательное (или в другом варианте «Оно», «Я» или «Сверх-Я»).

Не имеет принципиального смысла вдаваться в различия между первой и второй топографической моделью З. Фрейда и структурой психики, предложенной, например, К.Г. Юнгом. В процессе манипуляции оказываются задействованы все структурные элементы психики. Для непосредственно наблюдаемого человека характерно не наличие у него «Оно», «Я» или «Сверх-Я» самих по себе, но взаимосвязь этих отчасти борющихся, отчасти сотрудничающих друг с другом функций психического аппарата². Если вслед за К.Г. Юнгом допустить, что существует некая наследуемая инстанция психического, развивавшаяся сотни тысяч лет, которая определенным образом структурирует человеческий опыт, то следует признать,

¹ Психика // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. Энциклопедия. 1970. – С. 43-46. С. 44.

² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Н. Элиас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 288.

что архетипы выступают важнейшим элементом как процесса манипуляции, так и способов противодействия ей.

Таким образом, понятие «психика» более адекватно характеризует феномен манипуляции, чем понятие «сознание». Данность субъекту его психических состояний, способность выступать в качестве волевой регуляции поведения не является неотъемлемым базовым свойством человека, но присуще лишь высокоразвитым формам психики взрослого человека, за которыми скрывается сложная деятельность мозга, связанная с вербализацией и трансляцией первосигнальных нервных возбуждений в вербальную сигнальную систему. При этом неосознаваемые пласты психики любого отдельно взятого человека не могут быть осознаны полностью. Технологии массовой манипуляции в силу их всеохватности подвергают репрессивному воздействию не только взрослых людей, но также и детей, сознание которых еще не сформировалось. Более того, установка культуры масс-медиа далеко не всегда способствует развитию рефлексивности современного человека, что нередко препятствует развитию и его сознательной деятельности.

Технологии массовой манипуляции выступают в качестве объекта анализа во многих дисциплинах. В первую очередь следует отметить психологические науки (социальная психология, педагогическая психология, психология межличностной коммуникации, психология личности, возрастная психология и др.). В каждой из них проблема технологий массовой манипуляции включена в определенный контекст и соответствующую систему пограничных для нее смыслов, проблем, понятий и методов исследования и их интерпретаций. Поэтому принципиальным для настоящего исследования является ответ на вопрос о том, чем отличается психологический анализ технологий массовой манипуляции от социально-философского. Прежде всего, социальная философия вместе с другими компонентами философского знания выступает в качестве мировоззренческого и методологического основания всех социогуманитарных дисциплин. Социальная философия, как и всякая философская дисциплина, анализирует феномены в предельно общей перспективе, постигая их через социальность, тогда как психология изучает технологии массовой манипуляции более подробно, выявляя и классифицируя все многообразие проявлений этого феномена. Для социальной философии технологии массовой манипуляции будут представлять интерес только в том случае, если будут выступать как связующий элемент между обществом и социальностью человека.

Важнейшим отличием социально-философского анализа технологий массовой манипуляции от психологического следует признать следующее. Социальная философия значительное внимание уделяет магистральным факторам развития феномена, то есть тому, что сделало возможным его развитие в том или ином обществе. При этом социальную философию интересуют, прежде всего, технологии массовой манипуляции, действующие в масштабах всего общества. Психологические же науки как структуриро-

ванные сферы знаний о внутреннем мире человека сохраняют стремление к абстрагированию от представлений человека на фоне социальных структур, институтов и практик. Психологические науки, рассматривая технологии массовой манипуляции, «расчленяют» психику человека на отдельные фрагменты, что и становится предметом их изучения.

Социальная философия выявляет типологически схожие явления в современном и других обществах, а также определяет их место в структуре институтов и социальных практик, стремясь при этом спрогнозировать последствия развития этого феномена. Социальная философия осуществляет, таким образом, объективацию социального пространства современности с ее ментальными схемами мышления и этосами ее основных субъектов.

Психологические науки, в рамках теоретико-методической и практической деятельности, раскрывают структурно-функциональную принадлежность феномена технологий массовой манипуляции, более тщательно исследуют конкретные их проявления, классифицируют их¹, разрабатывают механизмы нейтрализации, защиты от негативных проявлений их воздействия². Результаты исследования находят широкое отражение в научно-исследовательской и педагогической деятельности (составление тестов, тренингов, аутотренингов, семинаров)³. Кроме того, психологические дисциплины в отличие от социальной философии изучают всевозможные аспекты функционирования манипуляции в повседневном общении. Причем, все эти исследовательские процедуры в отличие от социально-философских штудий, непосредственно базируются на результатах эмпирических исследований.

Базовым элементом социально-философского анализа технологий массовой манипуляции является возможность реализовывать прогностическую и аксиологическую функции на макроуровне.

Несмотря на контурно очерченную специфику психологического и социально-философского анализа технологий массовой манипуляции, между этими науками существует взаимообратная коммуникация. Психологи предоставляют практические данные, разрабатывают инструментарий, а социальные философы интегрируют их в общий социокультурный контекст, генерируя парадигмальные теоретико-методологические принципы изучения феномена. Социальная философия заимствует основные результаты психологических исследований, что позволяет более адекватно

¹ См. например: *Таранов П.С.* Приемы влияния на людей / П.С. Таранов. – М.: Агентство «ФАИР», 1997. – 608 с.

² *Исайчева И.А.* Бей первым. Противостояние манипуляциям / И.А. Исайчева. – М.: Гелиос, 2008. – 256 с.

³ См.: *Волков Е.Н.* Консультирование жертв интенсивного манипулирования психикой: основные принципы, особенности практики / Е.Н. Волков // Журнал практического психолога. – 1997. – № 1. – С. 102-109.; *Хассен С.* Освобождение от психологического насилия: деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи / С. Хассен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 400 с.; *Хассен С.* Секреты манипуляции сознанием / С. Хассен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 390 с.

разобраться в специфике, выявить общее, особенное и уникальное в анализируемом феномене.

Различные авторы по-разному характеризуют интересующий нас феномен технологий массовой манипуляции, подробно рассмотрим позицию сторонников понятия «манипуляция сознанием». Родоначальником такого подхода является Г. Шиллер. Среди работ отечественных авторов советского периода необходимо выделить работу Б.Н. Бессонова «Идеология духовного подавления»¹. Попыткой осмыслить информационно-психологический процесс скрытого управления посредством категории «манипуляция сознанием» отличаются и работы С.Г. Кара-Мурзы, с точки зрения которого она представляет технологию, использующую согласно своим служебным обязанностям и за небольшую зарплату сотнями тысяч профессиональных работников независимо от их личной нравственности, идеологии и художественных вкусов. Это та технология, которая проникает в каждый дом и от которой человек в принципе не может укрыться, но он может изучить ее инструменты и приемы, а значит, создать свои индивидуальные и коллективные «средства защиты»².

Достоинством подхода С.Г. Кара-Мурзы является стройность и логичность импликации семантики понятия «манипуляция сознанием» как к процессам, направленным на отдельного человека, так и к процессам, воздействующим на групповые субъекты и общество в целом. В последнем случае речь идет о манипуляции общественным сознанием. Тем не менее, такой подход не лишен существенных недостатков. Так, в книге «Власть манипуляции» читаем: «...столь же важным, как мышление, объектом для манипуляции является сфера чувств. Возможно даже, что это – главная или, по крайней мере, первая сфера, на которую направлено воздействие»³. Полностью соглашаясь с вышесказанным, заметим, что отнюдь не каждое чувство, возникающее у человека, осознается им, однако и в том, и в другом случае манипулятивное воздействие возможно. К тому же, как пишет сам С.Г. Кара-Мурза, чувственная ступень отражения стоит ближе к внешнему миру, чем мышление, и реагирует быстрее, непосредственнее⁴. Общей принципиальной установкой в манипуляции массовым сознанием является предварительное «раскачивание» эмоциональной сферы. Главным средством для этого служит создание или использование кризиса, аномальной ситуации, оказывающей сильное воздействие на чувства⁵. Все вышеприведенные примеры, которые можно умножить, свидетельствуют,

¹ См. подробнее: Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления / Б.Н. Бессонов. – М.: изд-во МГУ, 1971. – 295 с.

² Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Академический Проект, 2007. – С. 10.

³ Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – С. 204.

⁴ Там же. – С. 204.

⁵ Там же. – С. 205.

что «манипуляция сознанием» в трактовке С.Г. Кара-Мурзы есть не что иное, как манипуляция психикой человека, а манипуляция сознанием является частным случаем манипуляции психикой.

Таким образом, термин «манипуляция сознанием» не покрывает проблемного поля феноменов, которые рассматривает С.Г. Кара-Мурза. О манипуляции сознанием можно вести речь только в том случае, если манипулятивный акт либо дешифрован объектом и его субъект об этом оповещен, но по-прежнему продолжает его осуществлять, либо когда манипуляция проводится открыто. К тому же технологии массовой манипуляции невозможно объяснить лишь с помощью интеллектуальных процессов, так как они тесно связаны с эмоциональными побуждениями. В то же время для характеристики феномена технологий манипуляции возможно и дальнейшее сужение объекта воздействия. Например, если речь идет о манипулятивном воздействии на оценку человека своего знания, нравственного облика, идеалов и мотивов поведения и т.д., точнее говорить о *манипуляции самосознанием*.

Важнейшее условие эффективности технологий массовой манипуляции – скрытость, и тем более резонно было бы предположить, что эти технологии делают ставку не на сознание, но на скрытые от сознания пласты психики. Несмотря на отмеченную иррелевантность понятия «манипуляция сознанием», оно широко распространено в отечественной литературе¹. Термин «общественное сознание» по причинам типологически схожего характера способен заменить термин «менталитет», который обозначает специфический внутренний опыт, возникающий вследствие общей сознательной и бессознательной ориентации человека в собственном социокультурном пространстве.

Поскольку современный человек подвергается постоянному информационно-психологическому воздействию, проблематично определить, в каких случаях речь идет о воздействии только на сознание, а в каких на другие пласты психического. Поэтому представляется аутентичнее с теоретико-методологических позиций говорить о менталитете, а не общественном сознании. При этом сам термин «общественное сознание» вовсе не следует элиминировать из современной социальной теории, но его семантическое поле должно охватывать лишь отчетливо сформулированные общественные представления, такие, например, как идеология.

¹ См. например: *Горяинова О.В.* Школа гипноза для начинающих: установление контакта: Подстройка: Раппорт; Наведение транса на собеседника; Манипуляция сознанием собеседника; Самогипноз / О.В. Горяинова. – М.: Ростов н.Д. Феникс, 2008. – 288 с.; *Горбачев А.А.* Манипулирование политическим сознанием электората / А.А. Горбачев // Социология власти. – 2008. – № 3. – С.146-153; *Щербатых Ю.В.* Психология выборов. Манипуляция массовым сознанием; *Зелинский С.А.* Манипуляция массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик / С.А. Зелинский. – СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ»-2008. – 248 с; Россия в глобализирующемся мире. – С. 65.

В современном обществе многочисленные политические движения и партии, организации и группировки, крупные производители стремятся добиться своих целей, активизируя современного человека, апеллируя помимо рациональных доводов также к его стереотипам и установкам, эмоциям и чувствам, мотивам и ценностям. Итак, между целью субъектов технологий массовой манипуляции и различными формами поведения современного человека лежит некая промежуточная инстанция, именуемая по-разному: ранее – общественным сознанием, а в настоящее время все чаще менталитетом общества.

Возвращаясь к критическому анализу термина «манипуляция сознанием», отметим, что еще больше заставляет нас укорениться в отстаиваемом нами мнении позиция Г.В. Грачева и И.К. Мельника, которые, открыто не полемизируя с популярной в отечественной социогуманитарной науке концепцией С.Г. Кара-Мурзы, говорят о воздействии на психику человека¹. Именно человек как личность и активный социальный субъект, его психика подвержены непосредственному действию информационных факторов, которые, трансформируясь через его действия, оказывают дисфункциональное влияние на социальных субъектов разного уровня общности, структурной и функциональной организации². Далее прямо отмечается, что «...основной центральной «мишенью» информационного воздействия является человек, его психика»³, но никак не обособленное сознание.

С точки зрения Г.В. Грачева и И.К. Мельника, манипуляция – это процесс использования различных специфических способов и средств изменения (модификации) поведения человека или целей, желаний, намерений, отношений, установок, психических состояний и других его характеристик в интересах субъекта воздействия, которые могли бы произойти, если бы адресат знал в достаточном объеме данные, относящиеся к ситуации, в частности – какие способы применять по отношению к нему, или в каких целях они использовались⁴.

Можно согласиться с доводами Г.В. Грачева и И.К. Мельника, однако наш отказ от употребления понятия «личность» по определенным выше причинам⁵ делает невозможным употребление понятия «манипуляция личностью». Если же заменить «личность» на «индивидуальный субъект»,

¹ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. – С. 22, 41.

² Там же. – С. 42.

³ Там же. – С. 44.

⁴ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. – С. 112-113.

⁵ В дополнение заметим: классическое, «модернистское» понимание личности не предполагает, что личность может быть объектом скрытого управления. С. Московичи приводит мнение духовного наследника Э. Дюркгейма М. Мосса, который отмечал, что представители школы Э. Дюркгейма совершенно не представляли себе, что современный человек под воздействием внушения может вести себя так же как австралийский аборигены с их танцами (Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи. – М.: Центра психологии и психотерапии, 1998. – С. 147).

то применительно к технологиям массовой манипуляции получится семантическая иррелевантность: возможна «манипуляция объектом», но не «манипуляция субъектом», так как человек, подверженный манипулятивным технологиям, теряет свою субъектность, с которой в новоевропейской философии ассоциируется термин «личность».

Г.В. Грачев и И.К. Мельник, рассуждая об условиях развития технологий массовой манипуляции, отмечают, что они имеют давнюю историю и успешно применяются в современных условиях, постоянно развиваются и активно совершенствуются¹. Многие правила и приемы ведения психологических войн, используемые еще древними цивилизациями, находят применение и сейчас². Несмотря на то, что современные средства массовой коммуникации создали принципиально новые условия³ для распространения технологий массовой манипуляции, неверно было бы утверждать, что манипулирование информацией, психологические манипуляции с людьми – есть открытие современного общества и связано оно лишь с функционированием средств массовой коммуникации⁴. Признавая возможность такого мнения, необходимо заметить, что технологии *массовой* манипуляцией невозможны без опосредованных, широкодоступных средств коммуникации, бурное развитие которых происходит в модернистских обществах.

Далее в качестве важнейшего принципа, обеспечившего распространение данных технологий, называется конкуренция, которая приводит к массовому использованию манипуляции⁵, при этом Г.В. Грачев и И.К. Мельник концентрируются главным образом на использовании технологий массовой манипуляции в политической борьбе. Совокупность культурно-исторических, социально-экономических и политических условий определяют использование политической борьбе психологических манипуляций в информационно-психологическом воздействии на население⁶.

Вопрос об основных факторах, обусловивших развитие технологий массовой манипуляции, так или иначе, затрагивается в различных работах. Однако эти замечания не носят системного характера, поэтому считаем необходимым восполнить этот пробел. Бросается в глаза то, что большинство авторов, анализирующих данный феномен, считают, что распространение этих технологий – новшество современной эпохи. Более того, именно факт их распространения позволяет некоторым авторам заявлять о принципиально новом характере современной социальности. Сама невидимая деятельность по манипуляции общественным сознанием, считает С.Г. Кара-Мурза, изменила облик мира и затронула практически каждого жителя

¹ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. – С. 6.

² Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. – С. 363.

³ Там же. – С. 12.

⁴ Там же. – С. 58.

⁵ Там же. – С. 9.

⁶ Там же. – С. 17.

планеты и особенно «культурный слой человечества» – читателя и телезрителя¹. В другом месте С.Г. Кара-Мурза пишет, что манипуляция – это форма жизнеустройства, или тип цивилизации².

Манипуляция возникает в гражданском обществе с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии³. Хотя несколько позднее С.Г. Кара-Мурза оговаривается, что как только манипуляция сознанием превратилась в технологию господства, само понятие «демократия» стало условным и употребляется лишь как идеологический штамп⁴. С.Г. Кара-Мурза утверждает, что манипуляция может возникнуть только в гражданском обществе⁵, но далее приводятся многочисленные примеры успешной реализации манипулятивных технологий в современной России. При этом нигде не приводятся доказательства того, что в современной России существует гражданское общество. Более того, по прочтении книг С.Г. Кара-Мурзы, можно сделать вывод об отсутствии гражданского общества в современной России. Даже официальная государственная идеология в современной России, от которой позиция С.Г. Кара-Мурзы крайне далека, говорит, порой, излишне оптимистично, лишь о становлении гражданского общества в нашей стране. Скорее общество и слабые институты гражданского общества современной России не сформированы или находятся в тисках взаимного отчуждения.

Вышеприведенные неточности и откровенные проявления исследовательской иррелевантности, а также значительная политизированность текстов снижают конструктивный потенциал, который несут книги С.Г. Кара-Мурзы, посвященные технологиям манипуляции. С.Г. Кара-Мурзе до сих пор не удалось в полной мере использовать исследовательские возможности социальной критики в современной России⁶. Ценность успешной социальной критики, как известно, не в том, что она ведет ее гегемонов к власти, но в том, что посредством ее осуществления удастся глубже понять деструктивность и репрессивность тех или иных институтов, технологий и практик, а также предложить возможности для изменения положения. С.Г. Кара-Мурза, являясь одним из самых популярных социальных критиков в современной России, нередко сам выходит за грань объективного анализа. Его текстам не хватает строгой научности: деонтологические суждения нередко превалируют над строгим, иногда глубоким научным

¹ Там же. – С. 6.

² Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – С. 5

³ Там же. – С. 30.

⁴ Там же. – С. 36.

⁵ Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. – С. 30.

1.⁶ Ср. с более критичными мнениями относительно работ С.Г. Кара-Мурзы исследователей проблем манипуляции: книга «Манипуляция сознанием» С.Г. Кара-Мурзы «...достаточно поверхностна и популистична, но пользуется, тем не менее, большой популярностью» (Бабюк М.И. Социальная манипуляция: философский анализ / М.И. Бабюк // дисс. канд. филос. наук. М. 2004. – С. 6).

анализом. К сожалению, политик С.Г. Кара-Мурза берет верх над исследователем С.Г. Кара-Мурзой, что вряд ли может положительно сказаться на результатах и оценках его трудов в научном сообществе¹.

Недавно вышедшая в соавторстве со С. Смирновым книга «Манипуляция сознанием-2» представляет собой отчетливо выраженное прикладное пособие по манипулятивным политическим технологиям, призванное описать, классифицировать и научить читателей дешифровать многочисленные формы проявлений манипуляции сознанием. Книга построена как справочник, содержащий систематизацию приемов манипуляции сознанием, с подробным объяснением особенностей, различий и условий использования этих приемов. В основе книги наблюдения и анализ информационной политики СМИ, отдельных людей, политических и государственных структур, проводившиеся на протяжении целого ряда лет². Признавая важность и необходимость таких текстов, заметим, что их предметная область находится не в сфере социально-философского анализа, а в сфере прикладной политологии.

В предыдущие исторические периоды, считает С.Г. Кара-Мурза, особой необходимости в технологиях массовой манипуляции не было. Власть монарха (или Генерального секретаря) нуждалась в легитимации – приобретении авторитета в массовом сознании, но не нуждалась в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии – от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа – с использованием грубого простого принуждения». Иными словами, тиран повелевает, а не манипулирует³.

В качестве важнейшего геополитического фактора, повлиявшего на повсеместное распространение технологий массовой манипуляции, С.Г. Кара-Мурза называет политику США. «Главным создателем концепции технологии манипуляции массовым сознанием с самого начала стали США»⁴. Не оспаривая данное положение, заметим: учитывая то обстоятельство, что в восприятии США гражданами России сохраняются устойчивые негативные коннотации, думается, что такой взгляд находит благоприятный отклик у многих читателей научно-популярных книг С.Г. Кара-Мурзы. Впрочем, такая трактовка не ори-

¹ См. например: *Кара-Мурза С.Г.* Оппозиция: выбор есть / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм. 2006. – 368 с. Политизированные тексты С.Г. Кара-Мурзы являются проявлением его активной гражданской позиции, и на этом основании мы оставляем их без оценки, отмечая лишь то, что вовлеченность в политическую жизнь автора зачастую мешает адекватной, взвешенной оценке феномена технологий массовой манипуляции и особенностей его функционирования в современном, в том числе и российском обществе.

² *Кара-Мурза С.Г., Смирнов С.* Манипуляция сознанием-2 / С.Г. Кара-Мурза, С. Смирнов. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. – С. 14.

³ *Кара-Мурза С.Г., Смирнов С.* Манипуляция сознанием-2. – С. 32.

⁴ Там же. – С. 33.

гинальна, но опирается на работы Г. Шиллера. Рассуждая об условиях развития технологий массовой манипуляции, С.Г. Кара-Мурза обращает внимание на те исторические процессы, которые сделали возможным наступление эпохи модерна. Родившись как тип власти вместе с капитализмом и идеологией, манипуляция сознанием как раз и стала возможной благодаря тому, что был снят тот защитный пояс символов, который придавал прочность сознанию христианской Европы Средневековья. Протестантизм, дав этическую основу для капитализма, одновременно разрушил священные образы¹.

Другой отечественный исследователь, тексты которого отличаются гораздо большей академичностью, профессор МГУ В.П. Пугачев рассуждает о глобальной и общенациональной политической манипуляции². Применительно к ситуации в России, В.П. Пугачев считает, что современная правящая элита делает выбор в пользу тотального политического обмана³, поэтому наша страна дает богатейший материал для научных исследований форм преодоления информационно-финансового тоталитаризма. На фоне современных, опирающихся на последние достижения в области гуманитарных и технических наук массовых технологий скрытого управления психикой, поведением, методы социального контроля, применяемые в древневосточных деспотиях, средневековых монархиях, абсолютистских и тоталитарных государствах, использовавшиеся сталинистскими и национал-социалистическими политическими режимами, выглядят примитивными, топорными⁴. При этом было бы неправильно говорить об увеличении репрессивности современного общества по сравнению с предшествующими этапами, скорее речь идет о ее трансформации.

Итак, все вышеперечисленные авторы считают, что манипуляция продвинулась далеко вперед от сферы повседневной жизни, пронизывает и даже формирует важнейшие институты, практики и технологии современности. В трактовке современной социальности большинство зарубежных и отечественных исследователей проблемы технологий массовой манипуляции занимают эндистскую позицию, считая, что перед нами принципиально новый тип социальности.

2.2. Сущность и причины распространения технологий массовой манипуляции

Как было установлено в параграфе 2.1. применение категории «технологии массовой манипуляции» является более уместным, нежели категория «манипуляция сознанием» по ряду обстоятельств:

¹ Там же. – С.33, 67.

² Пугачев В.П. Управление свободой / В.П. Пугачев. – М.: КомКнига, 2005. – С. 92.

³ Пугачев В.П. Экологическое манипулирование в управлении государством / В.П. Пугачев // Вестник московского университета. – 2005. – № 1. – С. 89 – 111. – С. 110.

⁴ Пугачев В.П. Управление свободой. – С. 243.

во-первых, ни глобальная, ни общенациональная, ни региональная манипуляция невозможны без соответствующих технологий;

во-вторых, «технологии массовой манипуляции» – это собирательный термин, включающий в себя технологии регионального, государственного и мирового (глобального) уровня;

в-третьих, собирательность термина «технологии массовой манипуляции» заключается также в том, что он включает в себя разнообразный набор технологий, посредством которых субъект оказывает информационно-психологическое воздействие на объект;

в-четвертых, протекание процесса манипуляции предполагает, что воздействию подвергается не только сознание человека, но его психика (сознание, подсознание, бессознательное), его поведение и он сам в целом. Несформированность сознания у детей не означает того, что они не могут подвергаться манипулятивному воздействию, скорее это является фактором, облегчающим манипуляцию;

в-пятых, современное общество не утрачивает массовости: технологии, функционирующие на уровне магистральных социальных практик и институтов, также могут быть охарактеризованы как массовые.

В манипулятивных целях могут быть использованы все те же технические приемы, которые используются в целях не манипулятивных. Тяжело представить на уровне технологий что-нибудь специфически манипулятивное в арсенале средств символической власти. Специфика технологий манипуляции определяется их телеологичностью, то есть целевой установкой¹. В случае, если установка подразумевает скрытое управление, или «волю к власти», целесообразно говорить о технологиях массовой манипуляции, в противном случае представляется уместным рассуждать об особенностях того или иного коммуникативного акта.

Развитие технологий массовой манипуляции есть следствие увеличения роли науки в современном обществе и экспансии ее достижений в другие сферы общества. Именно наука, развитие психологических (психоанализ, бихевиоризм, социальная психология и др.), а также технических наук (средства массовой коммуникации) сделали возможным генезис, а затем и развитие технологий массовой манипуляции.

Аккумулируя опыт других концепций, рассмотренных выше, сформируем собственное определение анализируемого феномена. *Технологии массовой манипуляции – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности, посредством*

¹ Ср. со следующим суждением: оценка человеком конкретного набора рекомендаций как пропагандистского или как просветительского в значительной мере зависит от его ценностей (Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Пратканис. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – С. 281).

формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих репрессивное воздействие на объект. Сущность технологий массовой манипуляции заключается в том, что они выступают важным элементом воли к власти и стремления к наживе субъектов этих технологий, препятствуя свободной деятельности человека.

Нетрудно заметить, что в приведенном определении присутствуют элемент дихотомии «скрытое» – «явное». Ведущий отечественный специалист по проблемам манипуляции Е.Л. Доценко проанализировал определение одиннадцати специалистов по интересующей нас проблематике и обнаружил, что у шести авторов в определении понятия «манипуляция» присутствует прилагательное «скрытое», или «обманное», а у остальных нет.¹ Со своей стороны заметим, что дихотомия «скрытое» – «явное» применительно к дефиниции технологий массовой манипуляции в значительной степени условна, размыта и ситуативна. Так, один субъект может отследить осуществление того или иного манипулятивного акта, «вскрыть», «дешифровать» его, а другой, в силу ряда обстоятельств (низкая способность аналитической деятельности, невнимательность, утомленность, опьянение, благосклонное отношение к манипулятору и др.) нет, и поэтому процесс манипуляции остается для него неясным, «скрытым». Именно этим обстоятельством ситуативного характера во многом определяется разброс мнений относительно того, должна ли манипуляция отвечать критериям скрытости. В целом же процесс манипуляции, в силу того что он стремится быть эффективным, тяготеет к скрытности и скрытому управлению.

Технологии массовой манипуляции представляют собой вид символической власти, действующей не автономно от других видов, но функционируя в контексте различных социальных институтов, практик, технологий, маскируясь в них, оказывая воздействие на объекты.

Важнейшим структурным элементом технологий массовой манипуляции является сам человек, его ценности, интеллект, психика, поведение. Интеллект и психика человека, с одной стороны, и социальность, с другой, взаимосвязанные, взаимообуславливающие друг друга образования. Таким образом, технологии массовой манипуляции не функционируют вне психических структур человека, но лишь находятся в постоянном взаимодействии с ними. При этом технологии массовой манипуляции воздействуют не только на объект, но также оказывают влияние на формирование и их субъектов, создавая у них ощущения вседозволенности, всемогущества и атрофируя принципы уважения к индивидуальности других.

Технологии массовой манипуляции являются способом информационно-психологического репрессивного воздействия, так как их функционирование на уровне магистральных социальных процессов общества

¹ Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – С. 51.

предполагает манипулирование не только психикой человека, но и символами (знанием, информацией, образами и др.). Основными способами такой манипуляции являются конструирование, умолчание информации, прежде всего, в СМИ (в том числе и умолчание последствий изменений, вызванных каким-либо событием, фактом, процессом), искажение, селекция, передергивание и др. С помощью этого вызывается желаемая для субъектов данных технологий реакция объекта.

Технологии массовой манипуляции, несмотря на свои социальные аналоги, являются оригинальным феноменом современного общества, который базируется на различных способах программировании психики, пропаганде, внушении, НЛП, PR, воли к власти и стремлении к наживе субъектов этих технологий, а также специфических условиях развития общества. Технологии массовой манипуляции, предполагая в качестве своей задачи изменение мнений, побуждений, целей и действий объектов своего воздействия, также преобразуют социальные институты, практики и другие технологии, а своей конечной целью предполагают частичное или полное осуществление контроля над объектами своего воздействия, ущемляя, тем самым, права и достоинство человека. Движущей силой развития технологий массовой манипуляции являются люди, обладающие информацией и знанием, а также волей к власти и стремлением к наживе.

Дискуссионным является вопрос о роли лжи, обмана. Обман, будучи одним из важных частных приемов во всевозможных технологиях массовой манипуляции, сам по себе составить манипулятивное воздействие не может. Распространение лжи и клеветы – это способ «жесткой» манипуляции, то есть такой манипуляции, которая может быть опровергнута и является нелегальной (уголовно и административно наказуемой). К «мягкой» манипуляции относится прямая подтасовка фактов, замалчивание неудобной информации¹, преподнесение информации в более выгодном свете. Тем не менее, представляется, что в более широком смысле всякая манипуляция, как и программирование психики, а также суггестия, является разновидностью обмана. При этом мы соглашаемся с точкой зрения, согласно которой в процессе манипуляции всегда присутствует манипулятор (субъект) и манипулируемый (объект), а сам процесс сопровождается стрессовым состоянием.

Для того чтобы технологии массовой манипуляции являли собой вид социального контроля, они должны отличаться телеологичностью. Стихийная манипуляция не является средством социального контроля современного общества, хотя ее результаты могут быть использованы в целях социального контроля. Даже если допустить, что среди технологий массовой манипуляции есть такие, которые сложились стихийно, дальнейшая их вплетен-

¹ Замалчивание неудобной информации в СМИ само по себе не представляет собой разновидность технологий массовой манипуляции, однако является результатом манипулятивной стратегии и также обладает репрессивным содержанием.

ность в социальные отношения общества не нарушает сложившегося баланса, что свидетельствует об их интегрированности в социальную ткань.

Как было отмечено выше, манипуляция основывается на программировании психики и внушении. Программирование психики – это психологический процесс формирования или изменения у объекта (как индивидуального, так и коллективного) психических структур, в том числе и ментальных представлений, а также индивидуальных черт, предопределяющих его поведение в определенных ситуациях и часто используемых в качестве мишени для манипуляционной акции. Посредством психики сознательно и планомерно формируются определенные индивидуальные качества человека, которые наряду со стихийной социализацией, обучением и воспитанием являются составной частью процесса формирования индивидуальности¹.

Далее заметим, что не существует абстрактных, пригодных на все случаи жизни технологий массовой манипуляции. В определенной степени каждая из них уникальна, поскольку призвана обеспечить взаимодействие различных социальных сил и структур для достижения определенной цели. Динамичность изменений в современном обществе, а также инструментальность технологий объясняют тот факт, что происходит постоянное обновление набора конкретных технологий, что делает проблематичным различные попытки классифицировать их с целью сформировать четкие алгоритмы противодействия им.

Рассмотрение вопроса о структурных элементах технологий манипуляции не может считаться полным без вопроса о том, на какие категории общества они воздействуют. Речь идет о социальной структуре общества. Вполне объяснимо, что принадлежность современного человека к той или иной социальной группе во многом формирует степень репрессивного воздействия технологий манипуляции на его развитие. Схематично социальная структура современного общества представляется нам в следующем виде.

1. Высший класс. К этой категории относятся правящая элита, финансовые магнаты и звезды, то есть те, на кого устремлены взоры общественности и чей образ жизни является объектом для подражания (актеры, представители шоу-бизнеса, музыканты, спортсмены и т.д.). Люди этой группы активно манипулируют своим образом, а также символами, делая их желаемыми и продаваемыми.

2. Средний класс. Сюда относятся люди, занятые в процессе воспроизводства своих способностей (бизнесмены среднего уровня, государственные чиновники среднего уровня). Эта категория людей отличается сравнительно высокой способностью к аналитическим суждениям, значительной степенью критичности и сравнительно высоким материальным положением.

¹ Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – С. 104.

3. Низший класс. К этой категории относятся люди, которые прежде в индустриальном модерне формировали социальную основу рабочего движения. Это люди, выполняющие механическую, нетворческую работу, привязанные к компьютерным сетям и автоматизированным устройствам, таким, как контрольные пункты, сборочная линия на современных заводах или в ресторанах фастфуд. Такие работники не имеют особых возможностей для развития своих креативных навыков и потенций. Именно современный человек, отнесенный к условной категории «низший класс», в наибольшей степени подвержен технологиям массовой манипуляции. При этом важнейшим критерием отнесения современного человека к определенному классу выступает умение раскрыть свои потенции и воспользоваться научными знаниями.

Как было отмечено выше, понятия «символическая власть» и «символическое насилие» позволяют более точно очертить контуры репрессивности современности, а также точнее оценить всю ту опасность, которую несут формы информационно-психологического насилия для развития современного человека. Технологии массовой манипуляции представляют собой разновидность символической власти, репрессивно воздействующей на объекты (особенно это касается запрещенных технологий). Применение понятий «символическая власть» и «символическое насилие» к феномену технологий массовой манипуляции в перспективе может быть использовано в законотворческих актах в качестве инструмента, направленного на более адекватное отношение к этому феномену и мерам информационной, психологической, социальной, юридической и экзистенциальной защиты от такого рода технологий, необходимость которой становится все более и более очевидной. Технологии массовой манипуляции являются инструментом воли к власти и стремления к наживе их субъектов.

Далее, с учетом достоинств и недостатков вышеприведенных концептуальных положений различных исследователей, необходимо обозначить собственную позицию по вопросу о важнейших факторах развития технологий массовой манипуляции. Манипулятивные технологии, репрессивно воздействующие на человека, состоят как из технологий манипуляции сознанием, так и технологий манипуляцией психикой, однако технологии воздействия на психику преобладают над технологиями воздействия на сознание, которые в большей степени апеллируют к рационализации. Технологии массовой манипуляции как общесоциальное, а не локальное явление, не выходящее за рамки межличностной коммуникации, получили распространение сравнительно недавно, а именно в модернистских обществах. В традиционных обществах еще не существовало технических средств и научных технологий скрытого управления психикой человека и ментальностью общества. При этом было бы неправильным утверждать, что в традиционном обществе манипулятивные приемы не использовались. Использование техник и технологий манипуляции в межличностной коммуникации, в том числе и при принятии важных полити-

ческих решений, свойственно всем древним цивилизациям. Особенно богатый материал в этой связи дают древневосточные общества.

Интенсивная разработка технических средств и массовых технологий скрытого управления психикой на *научной основе* началась на рубеже XIX – XX вв. Реальные возможности для формирования иллюзорных массовых психических реакций и возможности их экспорта появились лишь в середине XX в. и связаны с прогрессом психологических наук, а также развитием современной техники (печать, электронные СМИ, глобальные информационные сети и, в первую очередь, Интернет¹).

Также к важнейшим факторам развития технологий манипуляции следует отнести феномен психологических наук. Почти вся академическая психология строится на манипулятивных основаниях. Человек в ней мыслится как испытуемый, нередко вообще как объект восприятия, получения информации, воздействия, образования, воспитания и т.п.²

В силу социально-философской направленности настоящего исследования нас интересуют главным образом технологии именно *массовой* манипуляции, функционирующие в масштабе всего общества и оказывающие репрессивное влияние на современного человека. Массовость – это характеристика современного общества, а не только индустриальных обществ. В этом плане технологии массовой манипуляции по широте своего охвата сближаются с пропагандой, которая, как отмечает Л. Войтасик, по своему воздействию направлена на массы людей, коллективы, социальные группы, народы и т.д.³ Массовость предполагает значительный объем, область или степень распространения. Массовость – это важнейшая характеристика индустриального общества. Семантика этого понятия быстро распространилась на человека, и многие исследователи стали говорить о человеке массового общества. Х. Ортега-и-Гассет отмечал, что масса – это всякий, кто «...не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью»⁴. Именно в индустриальном обществе человек выступает «en masse» («как массовый человек» – франц.)⁵.

¹ Пугачев В.П. Управление свободой. – С. 17.

² Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М.: «ЧеРо» совместно с издательством «Юрайт», 2000. – С. 12.

³ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – С. 271.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 11-209. – С. 19. Ср. с категорией философии М. Хайдеггера *Das Man* (нем. – неопределенно-личное местоимение). Данное понятие было введено в «Бытии и Времени» Хайдеггера при анализе неподлинного существования человека. Анонимность *Ман*, вызванная озабоченностью настоящим, «подсказывает» человеку отказаться от своей свободы и перестать быть самим собой, стать «как все». Личность умирает, индивидуализм растворяется в усредненности. Попытка вырваться из мира *Ман* может осуществиться лишь благодаря совести, которая призывает человека «к способности быть самостью» (*Хайдеггер М. Бытие и время* / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука. 2006. – 452 с.).

⁵ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Э. Юнгер. – СПб «Наука», 2002. – С. 5-441. – С. 165.

В результате экспансии машинности в непроизводственную сферу сформировался идеал узкого специалиста, оказавший самое существенное влияние на формирование феномена массы. Начиная с 40-х годов XIX в., безликость стала отличительной чертой буржуазного воспитания¹. Массовый человек – это во многом результат репрессивности индустриальных обществ.

Современное общество не делает ярко выраженный акцент на массовости как обществе индустриальное, поэтому современные социальные технологии акцентируют внимание скорее на индивидуализирующих аспектах жизни человека², дабы укрепить, а в некоторых случаях создать у объектов своего воздействия ощущение уникальности и неповторимости³. Однако массовость не анахронична современности: технологии массовой манипуляции, так или иначе, оказывают влияние на всех участников социального процесса, специфическим образом интегрируя их. Другое дело, что технологии массовой манипуляции индустриальных обществ добивались своих целей посредством омассовления, а современные их аналоги не концентрируются на этом, но вместе с тем, гораздо более эффективны.

Но почему же доиндустриальные (домодернистские) общества оставляли невостребованными технологии массовой манипуляции? Помимо технического аспекта, безусловно, существуют еще и другие. Технологии массовой манипуляции сопряжены с гражданским обществом и демократическим политическим режимом, по крайней мере, в качестве некой нормативной апелляции к ним, оказываясь более востребованными в ситуациях, когда основания для прямого иерархического управления (древневосточные деспотии, средневековое феодальное общество) или абсолютистских и тоталитарных режимов Нового и Новейшего времени отсутствуют. К тому же технологии массовой манипуляции в большей степени возможны в условиях сравнительно высокого материального уровня жизни, тогда как этому критерию отвечают, прежде всего, западные общества эпохи модерн. Это не означает, что развитые индустриальные общества модерна в своих основных проявлениях (нацизм, сталинизм, фордизм) избежали использования технологий манипуляции. Напротив, именно в этих обществах они и начали интенсивно формироваться.

¹ Сеннет Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет. – М.: «Логос», 2002. – С. 182.

² Несмотря на индивидуализированность, феномен массовости не вызывает раздражения у современного человека: такие фразы как «армии поклонников», «миллионы болельщиков» применительно к музыкальным группам и спортивным командам свидетельствуют, что массовые формы идентификации обрели в обществе иную нишу.

³ Согласно М. Фуко, гуманитарные науки и технологии власти дисциплинарного общества приносили с собой все новые процедуры индивидуализации (Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 283, 450). Это «генеалогическое» суждение М. Фуко, как видим, оказывается весьма актуальным для современного общества.

Распространение технологий манипуляции, например, в либерально-демократических США, в общих чертах совпало с улучшением уровня жизни в этой стране. Фордизм, доминировавший в США до 1930-х гг., определял в качестве важнейшего стимула трудящегося материальные факторы, которые выявляют свою наибольшую действенность в условиях невысокого уровня доходов населения. Акцент на материальных факторах оставлял в стороне технологии массовой манипуляции. Однако после Первой, и особенно Второй мировых войн, уровень жизни в США резко повысился, произошло т.н. великое сжатие – резкое сокращение экономического неравенства (1930-1940 гг.), что в управленческой практике вылилось в дополнение фордистских принципов идеями школы человеческих отношений (конец 1920-х – 30-е гг.) с их нематериальными факторами стимуляции, в которых технологии массовой манипуляции стали находить все более благодатную почву.

Рассуждая о месте технологий манипуляции в тоталитарных обществах, приведем следующий пример из практики осмысления советской истории: если сравнить распространение новостей о захвате власти в октябре 1917 г. или жалкое состояние коммуникаций в период голода 1923 г. с ежедневным освещением рекордов А. Стаханова на всю страну в 1930-е гг.¹, то можно убедиться в том, что технологии массовой манипуляции структурировали социальное пространство советского общества. Например, технологии массовой манипуляции использовались для дегуманизации образа кулаков, евреев или японцев, что подготавливало в обществе действия, направленные на их физическое уничтожение. Однако в тоталитарных обществах модерна технологии массовой манипуляции играли важную, но все же дополняющую роль. Их развитие проходило на фоне непрекращающегося излучения репрессивности насилия в массовых формах: индустриализация, истребление евреев и цыган, коллективизация, милитаризм, мировые и гражданские войны, подавление инакомыслия – все это приводило человека в состояние имманентного страха и делало технологии массовой манипуляции лишь фоновым орнаментом на кровавом панно репрессивности модернистских обществ.

Итак, распространение технологий массовой манипуляции потенциально возможно в обществах, формально признающих традиционные западные ценности, такие как свобода, равенство, индивидуализм, частная собственность. В противном случае необходимость в технологиях манипуляции как общесоциальном явлении существует, но выражается в гораздо меньшей степени. Такая возможность проявлялась в том случае, если представителю той или иной социальной группы (варна, каста, секта, сословие и др.) было необходимо воздействовать на представителя/представителей социальной группы, стоящей выше на иерархической

¹ Коткин С. Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте / С. Коткин // Мишель Фуко и Россия: сборник статей. М. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. – С. 239-316. – С. 248-249.

лестнице. Это накладывало неизгладимые отпечатки на особенности коммуникации, а сама убедительность аргументов в значительной степени зависела от иерархического статуса убеждающего, однако в этих случаях в силу количественного фактора (малочисленность правящей верхушки) вряд ли уместно говорить о технологиях *массовой* манипуляции.

Помимо этого, эффективность технологий массовой манипуляции в современном обществе зависит от их тщательной разработанности, что достигается посредством фундаментальных научно-исследовательских работ, предполагающих аналитическую деятельность, основанную на принципе «опережения событий», позволяющих в условиях динамично меняющейся социальности прогнозировать будущее состояние объекта анализа и реагировать на эти изменения.

Широкое распространение технологий массовой манипуляции, помимо прочих условий, стало возможным благодаря развитию СМИ, сфера распространения которых всеохватна: от бытовой рекламы до важнейших политических вопросов, таких как выборы или военный конфликт. Вместе с тем было бы неверным утверждать, что технологии массовой манипуляции стали возможны только благодаря СМИ. Такой подход отличался бы излишней узостью и технократизмом. Технологии массовой манипуляции – это сложный феномен современного общества, развитие которого зависит от многих факторов.

Важное, но не необходимое условие для распространения технологий массовой манипуляции в масштабе всего общества – это сравнительно высокий уровень материальных доходов населения. Как отмечает Г. Шиллер, до недавнего времени лишь немногие страны благодаря своему географическому положению, обеспеченности ресурсами и удачно складывающимся историческим условиям могли избежать нищеты и периодических экономических катастроф¹. Только в обществе, отличающемся «...сравнительным изобилием, существует возможность внушать людям, как им расходовать свои деньги. Когда у человека денег много, то не имеет большого значения, как их расходует. Ложные доводы, если они оказывают влияние на решения, не имеющие определяющего значения, очевидно безвредны»².

Ход развития Западной цивилизации в Новое и Новейшее время, вызванный небывалым научно-техническим прогрессом и экономическим ростом, привел к значительной трансформации социальных отношений и общества в целом. Природные, геополитические и ментальные условия, в которых формировалась Европейская цивилизация, отличались от других одной важной социокультурной и геополитической характеристикой, которую мы обозначим как *интенсивность*. Небольшой, компактный размер европейского континента, сравнительно быстро выявившаяся невозможность экстенсивно-

¹ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М.: Мысль, 1980. – С. 19 – 203. – С. 20.

² Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество / Д. Гэлбрейт. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – С. 463-464.

го развития цивилизации, развитие ее вширь сделали необходимым ее развитие вглубь, а также обеспечили жесткую конкуренцию. Небольшие территории требовали интенсификации производства, которая оказывалась возможной путем технического совершенства орудий и различных социальных технологий, таких как технологии массовой манипуляции. Категория «интенсивность» позволяет, тем самым, встроить рассматриваемый феномен в широкий социокультурный контекст развития всей Западной цивилизации.

Условия глобализации подготовили широкое распространение технологий массовой манипуляции как действенного элемента социального контроля и угнетения. Далее проанализируем их значение в системе национальной и глобальной безопасности.

2.3. Технологии массовой манипуляции как угроза глобальной и национальной безопасности

Дальнейшая логика повествования требует развернутого ответа на вопрос о том, каким образом технологии массовой манипуляции «вписываются» в контексты национальной и глобальной безопасности.

Современный философ К.С. Пигров выделяет четыре модели осмысления социальной реальности (натуралистическую, реалистическую, деятельностную и феноменологическую), каждая из которых видит критерии совершенства общества по-разному. Так, реалистическая модель видит критерий совершенства в достижении духовной культуры, в религиозности населения, в показателях нравственного совершенства человека. В натуралистической модели социум предстает тем более совершенным, чем больше народонаселения в количественном отношении, чем выше показатели его здоровья, чем больше средняя продолжительность жизни. В деятельностной модели критерием совершенства социума выступает объем промышленного производства, производительность труда. В феноменологической – способность, так или иначе, человека схватывать смыслы, присутствующие в обществе¹. Действительно, умение человеком схватывать смыслы посланий, которые он постоянно получает в своей социальной жизни, составляет важнейший фактор не только безопасности общества, но и его устойчивого развития. В современных условиях репрессивное воздействие технологий массовой манипуляции всячески затрудняет возможность схватывать смыслы посланий. Становясь зависимым от технологий массовой манипуляции, человек перестает адекватно понимать свое место в обществе, слабо воспринимает характер происходящих в обществе процессов, что может иметь самые серьезные последствия.

Исходя из феноменологической модели именно различные факторы, препятствующие развитию у человека умения размышлять и выступать в

¹ Пигров К.С. Социальная философия / К.С. Пигров. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – С. 167.

качестве субъекта общественных отношений представляют собой важнейшую угрозу национальной и глобальной безопасности.

Понятием безопасность в ее основных вариантах нельзя манипулировать, ибо неоднозначность, или разрыв между декларируемыми и реальными целями не позволяет преодолеть основную дилемму безопасности, что чревато созданием «ловушек безопасности»¹. Однако именно это постоянно происходит в глобализирующемся обществе. Технологии массовой манипуляции используются для повышения веса силовых структур, для экспансии западных стран под идеей «защиты прав человека» в другие страны и т.д. И все это происходит под эгидой обеспечения национальной и глобальной безопасности.

Наличие угроз безопасности обосновывается как необходимость увеличение удельного веса «силовых» структур, которые прикрываясь принципами «безопасности», своими действиями также генерируют репрессивность. Как отмечают М. Хардт и А. Негри, концепция безопасности ведет к устранению различий между внешней и внутренней сферами, армией и полицией. Если «оборона» предполагает наличие защитного барьера против внешних угроз, то «безопасность» оправдывает постоянную военную активность как на собственной территории, так и за рубежом². Обеспечение безопасности становится делом избыточных структур власти – не военных и не правоохранителей, а разного рода представителей спецслужб, разведывательных структур, тайных агентов («силовиков»)³. «Война с террором», «конфликт цивилизаций», «противостояние экстремизму и фундаментализму» – все это слова и лозунги, призванные оправдать насилие⁴. Исходя из этого, критикуется вся правовая система современного общества. Идея «защиты прав человека», преследования за «преступления против человечности» в международном судопроизводстве, в конечном счете, направлена на разрушение прав и суверенитета народов и стран с помощью практики наднациональной юрисдикции⁵. Аналогичным образом обстоит дело и с мифологемой «мировые инте-

¹ Назаренко А.В. Национальная и международная безопасность: концепции и реалии в XX- начале XXI вв. (Историко-политологический анализ) / А.В. Назаренко // Автореф. дисс. канд. полит. наук. М. 2008. – 30 с.

² Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – М.: Культурная революция, 2006. – С. 36.

³ После событий 11 сентября 2001 г. граждане США узнали, что в их электронные почтовые ящики могут скрытно проникать не только хакеры, но и спецслужбы с помощью программ поиска кодовых слов и предложений, указывающих на связь с террористами и экстремистами (Луков В.В. Интернет как инструмент политических технологий в США / В.В. Луков // США-Канада: экономика-политика-культура. 2005. - № 5. - С. 91-108. С. 91; Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития / В.А. Шупер // Вопросы философии 2008 № 12. С. 3-22. – С. 5).

⁴ Хардт М., Негри А. Множество. С. XXIX. Ср. с: Василенко И.А. Геополитика современного мира. С. 212-222.

⁵ Хардт М., Негри А. Множество – С. 46; Ср. с подходом Н. Хомски (Хомски Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике / Н. Хомски. – М.: Логос, 2003. – 320 с.).

ресы». Запад стремится сохранить свое высокое положение и защищать свои интересы, называя их интересами «мирового сообщества». Это выражение стало эвфемизмом (заменив «свободный мир») и призвано придать иллюзию правомочности в глазах всего мира действиям, отражающим интересы США и других западных держав. Так, например, Запад пытается интегрировать не-западные страны в глобальную экономическую систему, в которой он доминирует. При помощи МВФ и других международных экономических институтов Запад поддерживает свои экономические интересы и вынуждает другие страны вести ту экономическую политику, которую считает приемлемой¹. Преследуя цель добиться легитимности общества, нередко используют в качестве симулякративных понятий «безопасность», «права человека», «мировые интересы», задействуя глобальные технологии массовой манипуляции.

Именно технологии массовой манипуляции сделали возможным феномен так называемой «виртуальной политики». В отличие от реальной политики, представляющей собой взаимодействие основных субъектов в условиях действия процессов и механизмов политического, термин «виртуальная политика» чаще всего используется для характеристики симулякративных величин, во многом определяющих вектор развития процесса. Средства массовой информации выступают каналами трансляции репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции, с помощью которых субъекты политики контролируют и направляют вектор развития политических взглядов современного человека по той линии, которая им выгодна. В качестве примера приведем события, происходившие на постсоветском пространстве: выборы президента России 1996 г., события в Грузии 2003 г. («революция роз»), Украине в 2004 г. («оранжевая революция») свидетельствуют о том, что технологии массовой манипуляции могут свести политическое пространство к симулякративному. В свою очередь, виртуализация политики, основанная на определенном наборе политических технологий, уводит избирателей из-под легитимной власти. Тем самым, реальные политические цели подменяются технологичными, навязанными.

Если ранее политика предполагала наличие программы у основных субъектов, постановку проблем, изложение альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь это все больше заменяется конкуренцией образов, имиджей политиков, созданных по законам рекламного бизнеса. Формула такова: «если ты не принимаешь меня таким, каков я есть на самом деле, я стану таким, каким ты хочешь меня видеть».²

Когда общество и государство не способны поставить преграды для тотального манипулирования массами с помощью, например, «грязных» политических технологий, не могут обеспечить примерное равенство фи-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. Издательство АСТ, 2003. – С. 281.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – С. 318-319.

нансовых и информационных ресурсов кандидатов, избирательные компании превращаются в дорогостоящее шоу, своего рода театрализованные спектакли¹, а воля рядовых избирателей оказывается отретушированным специалистами по PR и политтехнологами «искусством» mass-media.

Современному избирателю предлагаются картинки, образы, направленные на утрату критического отношения к действительности. Уместной представляется аттестация современного общества посредством метафоры «общество спектакля», предложенной Э.Г. Дебором в «Обществе спектакля» истина, подлинность и реальность больше не существуют, а вместо них господствуют шоу-политика и шоу-правосудие². Э.Г. Дебор фиксирует и другое важное качество «общества спектакля»: обман без ответа, результатом повторения которого становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться. Исчезновение общественного мнения – это положение дел *de-facto*: такие структурирующие элементы политики, как общественное мнение, право выбора и др., по-прежнему существуют, но на уровне «симулякра», играют роль статистов, успешно миновать кои блестяще научились современные технологии массовой манипуляции. Их «симулякративное» присутствие является одним из условий, ибо в противном случае обходные маневры оказываются не столь всеохватны, как, например, обстояло дело при тоталитарных режимах.

Борьба за политическую власть в современном обществе – это уже не только борьба партийных организаций или конкуренция программ действий. Скорее это борьба образов – политических имиджей, которые создают рейтинг – и имиджмейкеры, пресс-секретари и «звезды» шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических компаний. Политика ныне творится не только в рамках политических институтов, но и в PR-агентствах, телестудиях и на концертных площадках³. Именно там происходит политическая объективация современного человека, формируется его мнение относительно политической жизни общества.

Появление гигантских транснациональных медиа-корпораций означает, что никем не избранные магнаты делового мира способны приобрести огромное могущество⁴. Учитывая все это, избирателей *de-jure* не всегда уместно считать представителями электората⁵. Мнения, обнаруживаемые

¹ Пугачев В.П. Управление свободой. – С. 103.

² Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998. – С. 177.

³ Иванов Д. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество / Д. Иванов. – М.: АСТ, 2004. – С. 355-428. – С. 302.

⁴ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – С. 92.

⁵ Парадокс в том, что этих избираемых нельзя считать избранными нелегитимно, что свидетельствует о несовершенстве правовых регуляторов современных обществ.

избирателями в результате голосования, не следует воспринимать как безоговорочное выражение жизненных интересов сообщества¹. Атомистический подход, провозглашенный в политике Нового времени, рассматривающий человека как элементарную частицу, обладающую правом голоса, успешно преодолевается в современном обществе благодаря технологиям массовой манипуляции, которые обеспечивают «пачки» бюллетеней. Причем речь не идет о случаях элементарной подтасовки, хотя политические выборы в современном обществе не обходятся без них.

Итак, современная политика, в том числе и под воздействием технологий массовой манипуляции, претерпевает значительные изменения, формируются новые «властные» центры, от которых в большей степени зависит ход политических процессов. Широкая распространенность в глобализирующемся обществе технологий массовой манипуляции трансформировала политику в политику лидерского типа, большое значение в которой играют аудиовизуальные средства, репрессивно воздействующие на интеллектуальные возможности человека, которые зачастую элиминируются из политического процесса. Политика лидерского типа фактически приходит на смену парламентаризму, тогда как именно парламентаризм обладает способностью разжигать публичные дебаты, являющиеся необходимым условием демократических режимов.

Угрозы глобальной и национальной безопасности технологий массовой манипуляции заключаются еще и в том, что их воздействие не всеми воспринимается в качестве такового, многие склонны не замечать этот феномен. Важнейший источник репрессивности этих технологий в множественности в том, что лишь небольшое число участников социального процесса считает необходимым сопротивляться их воздействию. Репрессивное воздействие технологий массовой манипуляции может быть направлено на все социальное: от представлений одного человека до имиджа государства.

Объектами воздействия технологий массовой манипуляции являются люди, наделенные представлениями о собственной жизни в обществе, что накладывает отпечаток на характер самого воздействия. Распространение технологий массовой манипуляции репрессивно воздействует, прежде всего, на человека, его внутренний мир, свободу, препятствуя поливариантному развитию общественной жизни. Технологии массовой манипуляции в современном обществе – это технологии господства. Процесс манипулирования сопровождается ущемлением человеческого достоинства: к людям, психикой которых манипулируют, относятся не как к цели, а как к средству, не как к субъектам, а как к объектам, или, как выражается С.Г. Кара-Мурза, «...особого рода вещам»². Дабы рельефней подчеркнуть

¹ Липман У. Публичная философия / У. Липман. – М.: Идея-Пресс, 2004. – С. 40.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. С. 17. Ср. с. высказыванием древнеримского писателя М.Т. Варрона: «раб – говорящее орудие» («instrumentum vocale»-лат). Со-

мысль С.Г. Кара-Мурзы, приведем ряд исторических аналогий. Единственную настоящую психологическую революцию современности после З. Фрейда совершили органы НКВД¹ и политическая полиция вообще, считает А. Камю. Взяв за основу принцип детерминизма, рассчитав все слабые места человеческой души и ее предел прочности, современная психотехника расширила одну из границ человеческого естества и произвела попытку доказательства того, что индивидуальная психология вовсе не является изначальной, а общим знаменателем человеческих характеров является их вещественная сущность².

Технологии массовой манипуляции знаменуют переход от прямого, практически неприкрытого отношения к человеку как к вещи в тоталитарных обществах, к скрытому, завуалированному, упакованному в симулякры «прав человека» в современном мире. Логика человеческой коммуникации развитого капиталистического общества может быть выражена схемой «цель-средство». Люди, в силу крайней индивидуализированности и разобщенности, рассматривают друг друга как инструменты, подлежащие формированию и манипулированию, отчего сами становятся подобны вещам³. Как отмечает С. Линн, «нам не нравится думать, что нами манипулируют»⁴, но если современный человек не замечает технологий массовой манипуляции, то создается иллюзия свободы и субъективации.

Если основные формы репрессивности архаического и традиционного общества (угрозы насилия со стороны других социальных групп, голода, без-

гласно М.Т. Варрону, орудия земледельческого производства делились на три категории: орудие говорящее, полуговорящее и немое; орудие говорящее – это рабы; полуговорящее – это быки; немое – это повозки» (*Варрон Марк Теренций. О сельском хозяйстве* / Марк Теренций Варрон. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – I, 17, 1).

¹ Ср. со следующим высказыванием: сохраняющаяся податливость «постсоветских людей» манипулятивным технологиям – во многом наследие советского воспитания, построенного на шаблонных схемах и трюизмах (*Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения. Лекции* / А.П. Назаретян. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – С. 109).

² Камю А. Бунтующий человек // Миф о Сизифе; Бунтующий человек / А. Камю. – Минск: ООО «Попурри». – С. 143 – 530. – С. 444.

³ Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / Ж. Батай. – М.: Ладомир, 2006. – С. 188. Ср. со следующим замечанием: человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке. Поэтому тот, кто раньше был субстанцией целого и его смыслом — человек, — теперь становится средством. Видимость человечности допускается, даже требуется, на словах она даже объявляется главным, но, как только цель того требует, на нее самым решительным образом посягают (*Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе* / К. Ясперс. – М.: «Прогресс», 1986. – С. 119-147. – С. 144). При этом процесс овеществления человека в капитализме не может быть доведен до конца, так как противостояние людей овеществлению, как и тенденция к овеществлению суть условия функционирования капитализма (*Касториадис К. Воображаемое установление общества* / К. Касториадис. – М.: Издательство: «Гнозис», издательство «Логос», 2003. – С. 22-23).

⁴ Линн С. Проданное детство, или как агрессивный маркетинг лишает наших детей будущего / С. Линн. – М.: Добрая книга, 2006. – С. 283.

защитность перед природными катаклизмами др.) вызывали отчетливо выраженные формы страха, то технологии массовой манипуляции не вызывают такой реакции по отношению к себе, но направляют реакции на другие объекты, активно гипертрофируя угрозы глобальной и национальной безопасности (угроза терроризма, пандемий и эпидемий, боязнь быть немодным и т.д.).

Технологии массовой манипуляции редуцируют сложные процессы, происходящие в обществе, в нечто простое, ясное, символически выраженное, но в то же время необъясненное. В обществе, подверженном такого рода воздействию, создается иллюзия всезнания, глубокого понимания широкого спектра социальных процессов (политических, экономических, культурных). Современный человек мнит себя знатоком политики, так как образ одного кандидата импонирует ему гораздо более другого; он разбирается в экономике, ведь во время телевизионной релаксации он периодически «натыкается» на прогностические заявления экспертов об экономическом подъеме/спаде; ему не составляет труда понять, стоит ли идти в кинотеатр на очередную новинку, рейтинги и суммарные подсчеты кассовых сборов подскажут верное решение; современный человек полностью осведомлен о том, как следует заботиться о собственном здоровье, зная, благодаря телевизионной рекламе, какой зубной пастой, шампунем и косметикой пользоваться. Безусловно, не все из бурлящих, технологически сконструированных манипулятивных потоков достигают своих целей, не всем кандидатам, экспертам и рейтингам доверяет современный человек, но объективация, конструирование представлений, мирозерцания человека происходит именно так.

Логика законов потребления современного общества (постоянное обновление моделей) переходит и на человеческие отношения, в частности в сферу интимного. Одной из первых жертв в результате «пересмотра ценностей» оказывается мораль. Современный человек начинает рассматривать себе подобных не в качестве уникальных и самоценных личностей, достойных уважения и заботы, а в качестве своеобразных объектов, удовлетворяющих, наряду с прочим, одну из многочисленных потребностей. «Узы партнерства, – пишет З. Бауман, – рассматриваются как вещи, которые следует потреблять, а не производить; они подчиняются тем же критериям оценки, что и все другие предметы потребления»¹. Этот аргумент формально может быть опровергнут тем, что именно так большинство современных людей понимают свою свободу, однако недолговечность и частая смена человеческих связей подтверждает, с нашей точки зрения, вывод З. Баумана.

Другим характерным примером вещистской логики является тейлоризм. Ф.У. Тейлор в наибольшей степени способствовал перенесению технократических методов на промышленную практику, фактически не ставил перед собой иных задач, кроме эффективного производства продукции². Система Ф.У.

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. – С. 197.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – С. 472-473.

Тейлора игнорирует человеческую субъектность, являя собой типичную технологию объективации модерна. Тейлоризм трактует человека не как субъекта, а просто как фактор производства, социальные условия которого не принимаются во внимание. Рабочий, таким образом, низводится до уровня механического исполнителя предписанных ему «научно-обоснованных инструкций». Такие воззрения были глубоко укоренены в управленческой практике развитого индустриального общества на Западе, а также в Советской России, в чем большая заслуга В.И. Ленина, высоко ценившего идеи Ф.У. Тейлора.

Диалектичность капитализма в том, что «сотворив/провозгласив» всех людей индивидами, он создал также и благодатную почву для репрессивного воздействия на человека. Поэтому технологии массовой манипуляции, рассматривая человека в качестве вещи, овеществленной возможности процесса массового манипулирования, гармонично встраиваются в систему капиталистического/посткапиталистического производства. Громадный потенциал российской духовной культуры связан с этикоцентризмом и космоцентризмом, и в этом нам видится альтернатива репрессивному воздействию на современного человека технологий массовой манипуляции с их вещистской логикой.

Таким образом, важнейшая опасность технологий массовой манипуляции системе глобальной и национальной безопасности в том, что она превращает человеческую личность в податливое существо, винтик системы, который оказывается управляемым, а не самостоятельным.

В современной экономике технологии массовой манипуляции выступают важнейшим инструментом функционализации потребителя, психологической монополизации всех его потребностей¹. Существует, прежде всего, структурная логика дифференциации, которая делает из людей «персонализированные» существа, то есть отличные друг от друга, но в то же время соответствующие общим моделям и кодексу², что актуализирует многочисленные социально-критические исследования феномена консьюмеризма.

Критика «потребительства» является одной из неизменных тем лево-радикальной мысли и восходит к трудам К. Маркса, который описал «товарный фетишизм», признав в нем одну из особенностей капиталистического производства: продукт, который производит рабочий, приобретает независимое от его собственных усилий и его контроля существование. Как показывает анализ текстов промарксистских социальных критиков, таких как Г. Маркузе³, Э. Фромм, Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др., фетишизм присутствовал также и в капиталистической системе потребления, в которой товар задает содержание и границы повседневной жизни,

¹ Бодрийар Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийар. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – С. 154.

² Бодрийар Ж. Общество потребления. – С. 124.

³ Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века / М. Уолцер. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 182.

В социальной критике господствует взгляд, согласно которому регулирование и управление спросом является обширной и быстро растущей отраслью экономической деятельности. Современный человек, захваченный потоком потребления, приучается к личной некомпетентности со стороны корпоративных производителей, а это, в свою очередь, ведет к зависимости от производителей массового рынка. Эта система охватывает громадную отрасль средств информации, широкую сеть сбытовых и торговых организаций, почти всю рекламу, многочисленные прикладные исследования и профессиональное обучение, другие, связанные с этим услуги, и многое другое. И вся эта огромная машина, требующая для своей организации чрезвычайного разнообразия талантов и способностей, занята, как принято считать, продажей товаров. Если же говорить более определенно, то эта система манипулирует теми, кто покупает товары¹.

Материальное производство со всеми его компонентами: техническим, производственно-административным, товарным обменом — является одним из аспектов создания гедонистических благ, столь желанных для современного человека. Можно вслед за Э. Фроммом сказать, что категория «иметь» оттесняет категорию «быть» в системе ценностей современного человека. Здесь Э. Фромм опирается на позицию Г. Марселя, который проводит различие между «быть» и «иметь». «Быть» относится к личности, а «иметь» к тому, что не есть личность, к тому, в чем личность рискует потеряться. Кстати, интересно заметить: в русском языке ситуация обстоит иначе по сравнению с европейскими языками. Русскоязычный человек говорит «у меня есть собака» и даже «у меня есть книга» — на европейские языки перевести данные выражения дословно невозможно. В русском языке категория собственности заменена категорией совместного бытия, а принадлежность собаки хозяину выражается глаголом «быть»².

Производитель, считает Э. Фромм, часто расширяет свое предприятие, прежде всего не потому, что он этого желает, а потому, что вынужден это делать, поскольку отсрочка в дальнейшем расширении производства означала бы регресс. Фактически, когда бизнес растет, волею-неволей приходится и дальше наращивать его. В этом действии экономического закона, скрытого от человека и вынуждающего его к тем или иным поступкам, не предоставляя ему свободы принимать решения, Э. Фромм видит начало той совокупности явлений, которая полностью сложилась только в XX столетии³. Именно поэтому современная экономика требует, чтобы все вещи внутри консьюмеристского мира появлялись и исчезали в постоянно ускоряющемся темпе и в прогрессирующем объеме. Современная экономика, при всей ее невероятной инновативности и

¹ Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. — С. 288-289.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — С. 86.

³ Фромм Э. Здоровое общество // Здоровое общество. Догмат о Христе / Э. Фромм. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — С. 5 — 402.

эффективности, на каждое удовлетворенное желание создает новое, которое также необходимо удовлетворить.

Целью современной экономики является не максимизация производства *для человека*, а максимизация производства в связи с общественной системой ценностей. Какими вещами пользоваться, с какой целью и сколько времени, – решает за потребителя производитель¹. Приведенные мнения фиксируют в качестве атрибутов социального бытия современного человека пассивность, податливость, готовность подвергаться процедурам объективации, а не автономность и самодостаточность, о которых возвестили концептуализации индивидуального субъекта эпохи модерн.

В системе капитализма как способа производства заложено потенциально бесконечное увеличение наращивания производственных мощностей, а свобода и суверенность потребителя являются только мистификацией. Это хорошо поддерживаемая (прежде всего экономистами) мистика индивидуального удовлетворения и индивидуального выбора².

Между тем, потребление существует в любом обществе. В чем же специфика потребления в современную эпоху? Как считает Ж. Бодрийар, способ потребления бытовых вещей характеризует статус всей цивилизации в целом. В патриархальном домашнем хозяйстве, основанном на понятиях наследства и постоянного дохода, потребление никогда не шло впереди производства³, тогда как именно это происходит в современном обществе, что, собственно, и делает его отличным от других типов общества. З. Бауман полагает, что отличительным признаком общества потребления не является потребление как таковое. Освобождение потребления от присущего ему в прошлом характера инструментальности, который очерчивал границы потребления, – вот что отделяет потребление современных людей от потребления, как его практиковали предки. Потребление в современном обществе обеспечивает порядок знаков и интеграцию группы, то есть выступает системой идеологических ценностей и коммуникативной системой, а также структурой отношений⁴.

Итак, потребление во многом вменяется в обязанность современному человеку, однако он совершенно не тяготится таким положением, так как эти обязанности выражаются не в форме императивов долженствования, но в виде скрытого управления, посредством соблазняющей стратегии Одиссея. Процесс скрытого управления направлен на то, чтобы вначале добиться молчаливого согласия или внушить убеждение, а последующее действие является реакцией на это высказанное извне душевное движение и потому несколько не сопровождается чувством принуждения. Важнейшим инструментом такого управления выступают технологии массовой манипуляции.

¹ Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – С. 301-306.

² Бодрийар Ж. Общество потребления. – С. 100-101.

³ Бодрийар Ж. Система вещей / Ж. Бодрийар. – М.: Рудомино, 1995. – С. 133.

⁴ Бодрийар Ж. Общество потребления. – С. 108.

Современный человек покупает автомобиль новой модели или новое слабительное средство не потому, что его заставляют это сделать, а потому, что он заранее убежден в необходимости иметь такие вещи. Любой человек, способный противостоять внушению, может избежать этого контроля, быть резистентным по отношению к нему. Но оттого, что его физически не принуждают, управление поведением человека не становится менее действенным. Напротив, физическое принуждение было бы гораздо менее эффективным¹.

Д. Гэлбрейт удачно сравнил человека, подверженного действиям рекламы, с человеком, которого ударили топором по голове². Благодаря рекламе «потребитель получает то, что ему хочется». Если бы он не одобрял их, то не стал бы реагировать. Человек, который упал замертво, потому что его ударили топором по голове, тоже, очевидно, подтверждает своей реакцией, что это именно то, к чему он стремился³. Штамп «человек наделен свободой выбора, и никто его не заставляет выбирать», миновать который современным технологиям массовой манипуляции не составляет особого труда, репрессивен. Характерно, что обычно в подобных аргументах используются выражения типа «заставляет», «принуждает», что соответствует репрессивному полю традиционных или абсолютистских обществ, в которых правители демонстрировали свою власть через насилие и принуждение. В современном обществе аналогичного и даже гораздо более эффективного результата добиваются гораздо более действенным и «мягким» способом – технологиями массовой манипуляции. В данном контексте такие глаголы являются анахроничными.

Помимо этого технологии массовой манипуляции представляют собой важнейший инструмент социального контроля. В этом плане эффективные технологии массовой манипуляции могут содействовать обеспечению национальной безопасности. Однако такой процесс предполагает вещистскую логику, ущемление права граждан на получение достоверной информации.

Социальный контроль – это структурированный набор средств, с помощью которых в обществе формируется конформное поведение его членов по отношению к ролевым требованиям и ожиданиям со стороны властных структур. Социальный контроль в современном обществе опосредован правом и гарантирован дистанционным вмешательством. Общий взгляд на проблему социального контроля свидетельствует о том, что в любом обществе он проявляется в нескольких основных модусах (режимах функционирования) – это формирование среды, диагностика, профилактика и наказание. В целом все эти модусы выполняют функцию

¹ Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – С. 454.

² Ср. с типологически схожей метафорой: «скальпель души» (Пугачев В.П. Управление свободой. – С. 148).

³ Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – С. 492.

структурирования и конструирования социальной реальности и участников социального процесса. Поскольку современное общество обладает гибкой способностью интегрировать разнородные социальные элементы в единое целое, формирование социальной среды, диагностика, профилактика и наказание как режимы функционирования социального контроля также выявляют свою гибкость и мобильность.

Формирование среды – это первичная функция социального контроля, направленная на структурирование социального пространства и участников социального процесса в соответствии с ценностями и телеологическими установками субъектов социального контроля.

Термины «диагностика» и «профилактика» ведут свое происхождение из медицинского дискурса. Диагностика – это определение состояния объекта на основании его исследования, а профилактика – набор действий, предупреждающих нежелательные, опасные для функционирования системы явления. Наказание – это форма взыскания, налагаемого на совершившего преступление или проступок. Из этих модусов социального контроля технологии массовой манипуляции в наименьшей степени относятся к модусу наказания, осуществление которого происходит прежде всего посредством лишения свободы, а также штрафов и различного рода запретов. Как уже отмечалось выше, от наказания в виде прямого насилия (казни, увечья, побои и др.) современное общество, по крайней мере западные страны, уклоняются. Впрочем, это не означает, что ситуация в области пенитенциарных учреждений не может являться объектом воздействия политического и иного рода манипулятивного процесса.

Также не столь значителен элемент технологий массовой манипуляции в диагностике как модусе социального контроля современного общества. Тем не менее, для того чтобы осуществлять функции социального контроля, технологии массовой манипуляции должны содержать в себе знания о динамичной социальной реальности, а, следовательно, диагностика остается необходимым структурным элементом как данных технологий, так и социального контроля в целом.

Тогда как функции социального контроля по формированию социальной среды и профилактике, конструирующие и структурирующие социальную реальность посредством различных социальных технологий, в современном обществе тесно сопряжены с технологиями массовой манипуляции. Это положение касается сферы экономики, где по отношению к потребителю делаются интенсивные усилия, направленные на формирование его вкусов, потребностей. В политической сфере технологии массовой манипуляции разрабатывают различные способы информационно-психологического воздействия на избирателя, а также осуществляют подачу информации в нужном для манипуляторов направлении. При этом субъекты технологий массовой манипуляции стремятся изменять социальные институты и практики в различных направлениях, векторы которых

флуктуируют в современном обществе, следуя за волей к власти и стремлением к наживе. Именно благодаря вышеперечисленным модусам социального контроля технологии массовой манипуляции структурируют и конструируют социальные практики, институты и поведение участников социальных процессов. Социальный контроль посредством технологий массовой манипуляции представляет собой вид биовласти, затрагивающей жизнь людей во всем многообразии. При этом наивысшая функция биовласти – охват всех сфер, а ее важнейшая задача – управление жизнью¹.

Ограничение репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции отчасти происходит автоматически путем вырабатывания в обществе экономических, политических, культурных практик, действующих вопреки воле манипуляторов.

С одной стороны, социальный контроль посредством технологий массовой манипуляции не тотален: между субъектами этих технологий также существует конкуренция, и это одна из «спасительных соломинок» для интеллектуального развития современного человека на фоне непрекращающихся манипулятивных потоков, воздействующих на его ценностную систему ориентиров, посредством масс-медиа. С другой стороны, многочисленные риски и неопределенности побуждают политиков и крупный бизнес играть «на опережение» и активно формировать внутреннюю и внешнюю социальную среду, используя технологии массовой манипуляции. Таким образом, выявляется амбивалентность конкуренции, которая одновременно препятствует и способствует генерированию репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции на современного человека.

В каком-то смысле технологии массовой манипуляции есть следствие эскалации конкуренции, интенсификации различных практик в эпоху глобализации. Условия современности подготовили именно ненасильственные, высокотехнологичные, информационно-психологические, эффективные и в то же время угрожающие глобальной и национальной безопасности формы соперничества.

Технологии массовой манипуляции выступают как форма социального контроля в большинстве случаев в виде опосредованных социальных технологий. Воздействие на тех, кто физически отсутствует, предполагает социальные технологии, отличные от тех, что работают в ситуации соприсутствия. Как замечает Э. Гидденс, в этом случае мы сталкиваемся с рядом основополагающих вопросов, касающихся структурирования институтов. Они представляют собой «боковую ветвь», особенно в современном мире, подверженном масштабной экспансии пространственно-временного дистанцирования социальной деятельности. К тому же аналогичные вопросы одновременно привлекают к проблеме «истории», поскольку категория «отсутствующие другие» включает и

¹ Хардт М., Негри А. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М.: Праксис. 2004. – С. 36

ушедшие поколения, чье «время» может значительно отличаться от времени тех, кто подвергся определенному воздействию последствий собственных действий.¹

В традиционном обществе ситуации соприсутствия оставались основным «несущим контекстом» коммуникации, тогда как в современном обществе все большее значение приобретает опосредованное общение. Современность немыслима без такого рода коммуникаций, однако не в том смысле, что они определяют ход общественного развития, но в том смысле, что они встроены в общий контекст социальных взаимоотношений и тем самым обусловлены обществом.

Еще одна особенность репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции заключается в многоканальности и скорости их воздействия. Репрессивный заряд, генерируемый этими технологиями, проникает в ткань социального быстрее, чем обнаруживаются способы его нейтрализации. По мере увеличения каналов опосредованной коммуникации, транслирующих информацию, увеличивается масштаб их действия. Поэтому увеличение каналов распространения информации в обществе ведет к увеличению и репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции.

В свою очередь, технологии массовой манипуляции для достижения максимальной эффективности должны стремиться одновременно к универсальности и «ювелирной» тонкости воздействия на психику современного человека. Важную роль для их развития играют опросы общественного мнения, инициированные различными социальными структурами (политическими партиями, органами государственной власти, крупными фирмами – производителями, ТНК, межправительственными организациями, СМИ и др.).

Цель социологических опросов не столько объективная фиксация мнений (при а priori принимаемом условии, что воспроизводство мнений доступно всем и все эти мнения значимы, а факт суммирования мнений, имеющих не одну и ту же реальную силу, ведет к производству лишенных смысла артефактов²), а скорее определение того, как люди воспринимают тот или иной социальный процесс, факт или явление, с тем, чтобы оказывать затем на эти представления эффективное манипулятивное воздействие. Чем большей степенью валидности используемых эмпирических материалов будут отличаться социологические исследования, инициированные социальными структурами, тем большей степени проникновенности в психику современного человека могут достичь технологии массовой манипуляции. Тем самым «социологическая» диагностика выступает важнейшей точкой приложения технологий массовой манипуляцией.

¹ Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2005. – С. 85.

² Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 272.

Г. Шиллер разделял данное мнение и отмечал, что изучение общественного мнения в США целиком и полностью было поставлено на службу холодной войне¹ и оказывает ощутимое влияние на создание и управление установками.²

Итак, технологии массовой манипуляции являют собой структурно организованный набор эффективных средств, с помощью которых в обществе формируется конформное поведение его членов по отношению к ролевым требованиям и ожиданиям со стороны властных структур.

Г. Шиллер фиксирует важную грань репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции. Там, где манипуляция является основным средством социального контроля, разработка и усовершенствование методов манипулирования ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности. Талантливые ученые, специалисты по литературе становятся составителями рекламы³. Интеллектуалы субъективируются не как агенты противодействия им, но как субъекты объективирующих технологий массовой манипуляции. В этой связи включенность массового манипулирования в процесс обеспечения глобальной и национальной безопасности несомненна.

Социальный контроль через технологии массовой манипуляции – это один из наиболее эффективных инструментов, возможности которого далеко не исчерпаны и продолжают наращивать свой потенциал. Такой социальный контроль представляет собой набор изоощренных методов информационно-психологического управления человеком и группами людей, которые осуществляются с помощью средств массовой коммуникации. Технологии массовой манипуляции как инструмент социального контроля свидетельствуют об увеличении роли науки в современном обществе (дисциплинарный регулятор). Дальнейшее развитие этих технологий может привести к еще более изоощренным способам воздействия на психику человека и его поведение. Однако вряд ли уместно представлять тенденцию развития репрессивного потенциала технологий массовой манипуляции как линейную и безусловную: в современном обществе существуют факторы (экзистенциальные, социокультурные, экономические, политические и др.), препятствующие развитию этого феномена.

И, наконец, важнейшая угроза глобальной и национальной безопасности, идущая от технологий массовой манипуляции заключается в том, что они препятствуют свободе современного человека.

Сформировавшийся в эпоху Просвещения взгляд, согласно которому «прогресс истории» раз и навсегда положит конец прямому способу эксплуатации людей, наивен. Сторонники такого взгляда ошибочно полагают, что поскольку формальная свобода однажды была завоевана, для нас уже

¹ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – С. 124.

² Там же. – С. 122.

³ Там же. – С. 22.

невозможно попасть под власть примитивных форм эксплуатации. В современном обществе проблема соотношения формальных и реальных свобод приобретает иной контекст: характер репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции свидетельствует о том, что формальные и реальные свободы – это, отнюдь, не одно и то же. Технологии массовой манипуляции используют формальные свободы в качестве симулякра, навязывая тем самым волю их субъектов современному человеку. Однако, что же стоит выше в системе ценностей современного человека, свобода/независимость или безопасность/благополучие? Склонность к первому ряду с неминуемостью означает противодействие тому или иному явлению, ко второму – конформизм. Стремление к свободе всегда сопряжено с опасностями и может породить не меньше несчастий, чем безопасность без свободы. Компромисс между ними, поскольку он неизбежно влечет за собой определенные жертвы, также не дает гарантии счастья.

Современный человек постоянно получает потоки убеждающих сообщений, формирующих его мысли, вкус, действия. Циркулирующая в обществе информация искажена властными и коммуникативными интересами тех, кто ее транслирует, что ведет к тому, что современный человек оказывается погруженным в слухи, домыслы, догадки. Современный человек постоянно является объектом не явно выраженных, но настойчивых предписаний обновления вещей; в политической сфере современному человеку зачастую остается лишь бессознательно воспринимать имиджи, картинки, а также впитывать месседж заранее заготовленных речей. Принятие такого положения дел ведет к конформизму, а неприятие – снижает его радиус доверия различным медиумам. Такая ситуация трансформирует вектор стремления к свободе современного человека и факторов, препятствующих ее достижению. Это уже не Бастилия, ассоциировавшаяся в 1789 г. с беззаконием абсолютистских режимов, это не ужасы ГУЛАГа, это не Рейхстаг в 1945 г. как символ преступлений против Жизни. Стремление к свободе современного человека – это действия, направленные на нейтрализацию репрессивного воздействия разнообразных форм информационно-психологических потоков, транслирующих символическое насилие.

Утверждение о борьбе за свободу не означает необходимости новых кровопролитных революций и государственных переворотов: опыт XX столетия показал, что демократизация редко рождается на обломках кровопролитных восстаний, а стратегия путчизма чревата тоталитарными последствиями. К тому же, нередко случалось, что группы «профессиональных революционеров» (Х. Арендт), обладающих инициативностью, организационными талантами, сначала прислушиваются к согражданам, а затем объявляют себя их представителями, узурпируя власть трактовки свободы и справедливости.

Угрозы свободе современного человека идут от феноменов, которые практически невозможно исключить из его социального бытия. Современ-

ный человек не должен стремиться исключить из своей жизни Интернет, телевидение, прессу или рекламу на улицах мегаполисов. Такая ситуация, помимо того, что является абсурдной, привела бы к еще большей репрессивности. Современному человеку необходимо защищать себя так хорошо, чтобы институты, практики и технологии вынуждены были трансформироваться, что требует умения устранять информационно-психологическую репрессивность, ограничивающую интеллектуальные потенции реципиентов и «затуманивает» истинное содержание информации.

Значительная часть повседневной жизни (жизненного мира) современного человека, его работа, отдых, персональные контакты протекают внутри информационного пространства. Экономическая, политическая и культурная деятельность представляют собой симбиоз коммуникации онлайн и живого общения. Все это создает возможности для развития, но также делает более легким контроль над современным человеком, помещая его в информационный паноптикон.

Информационно-психологические формы репрессивности современного общества требуют от него не реактивных, но проактивных устремлений к свободе, направленных не на отвечающие, но опережающие действия. Феноменологически проактивность нечто большее, чем активность, и означает опережающую активность, устремленную вперед, при сохранении ответственности за свою собственную жизнь. Поведение проактивного человека в большей степени зависит от его решений, а не от внешних факторов. Современному человеку в процессе субъективации следует быть готовым к тому, что он постоянно выступает в качестве объекта репрессивно воздействующих технологий массовой манипуляции и уметь проактивно нейтрализовывать их репрессивное воздействие.

Конструирование и распространение информации подчинено целям рекламных компаний, экспертов по связям с общественностью, специалистов по дезинформации из министерств обороны. Слишком значительный вес в обществе имеют структуры, которые выбирают определенный способ подачи информации, искажая и приукрашивая ее. В таком виде информация склоняет людей в пользу определенной позиции, что с новых оснований ставит вопрос о человеческой свободе. Определенные группы участников политики или борющихся за материальные блага активно используют технологии массовой манипуляции во властных отношениях, придавая циркулирующей информации нужную направленность. К тому же различные специалисты по технологиям массовой манипуляции всеми силами стремятся создавать и поддерживать иллюзию свободы действия современного человека.

Когда информационные потоки принимают активное участие в генерировании власти и материальных ценностей, очень трудно таким институтам, как университеты, школы, телевидение, радио, Интернет, печать, музеи и библиотеки, а также интеллектуалам, стоящим во главе них, отказаться от своей властной составляющей, деидеологизироваться, находиться

вне поля воздействий технологий массовой манипуляции. Современные субъекты властных отношений рассматривают эти институты, финансируют их, исходя из соображений полезности в конструировании властных конфигураций, которые отвечают их специфическим интересам. Тогда как а priori предполагается, что основной принцип функционирования всех вышеперечисленных институтов заключается в беспристрастном, объективном распространении информации и знаний. Современный человек, таким образом, теряет гносеологические ориентиры для осуществления свободной деятельности, стремления к свободе. Иными словами, общество не дает ясных представлений о том, какая свобода ему необходима. Более того, общество, в лице коммерциализированных и пронизанных конъюнктурой властных отношений институтов, затрудняет саму возможность понимания свободы. Поэтому современному человеку остается надеяться на самого себя, свои навыки, интеллектуальные и волевые потенции, без которых, учитывая характер репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции, субъективация невозможна. Современный человек должен сам управлять собой, иначе будут *скрыто*, а значит и более изощренно, управлять им самим. Таким образом, если негативная «свобода от» в контексте репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции ассоциируется с институциональными аспектами и выражается в формулировке свободы как «оставленности в покое», то «свобода для» представляет собой свободу управлять собой. Стремление к свободе в этих условиях означает также стремление к истине путем интеллектуальных и творческих практик. Как замечает Н.А. Бердяев, со ссылкой на Евангелие, истинная истина освобождает человека¹.

Кто же в современном обществе стремится к свободе? Это не «сверхчеловек» Ф. Ницше и не «харизматический лидер» М. Вебера, и даже не обязательно «пассионарий» Л.Н. Гумилева. Это могут быть представители разных социальных групп, выражающих свое стремление посредством практик самосовершенствования, субъективации, развития интеллектуальных и креативных способностей при сохранении моральных принципов человеческого общежития, гармоничного сочетания частного и общественного интересов и не игнорирующие ответственность за собственные поступки. *Человек стремится к свободе не только и даже не столько в силу своего социального положения, а в силу духа, клонящего его к свободе.* К свободе может стремиться каждый вне зависимости от материальных, этнических, половых и других факторов структуризации.

В конце параграфа резюмируем выводы: угрозы свободе современного человека идут от феноменов, которые практически невозможно исключить из его социального бытия. Стремление к свободе в этих условиях не означает, что современный человек должен исключить из своей жизни

¹ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1995. – С. 326.

Интернет, телевидение, прессу или рекламу на улицах мегаполисов. Для стремления к свободе современному человеку требуется уметь нейтрализовать информационно-психологическую репрессивность, ограничивающую интеллектуальные потенции реципиентов и «затуманивающую» истинное содержание информации.

Таким образом, технологии массовой манипуляции редуцируют сложные процессы, происходящие в обществе в нечто простое, ясное, символически выраженное, но в то же время необъясненное. Трансформируя политику, превращая ее в технологически сконструированный спектакль, преобразуя экономическую сферу по законам логики потребления технологий массовой манипуляции воздействуют на систему глобальной и национальной безопасности. Однако главная угроза технологий массовой манипуляции в том, что они воздействуют на интеллектуальный потенциал современного человека, превращая его в «одномерное» существо, лишенное рефлексивного потенциала.

2.4. Технологии массовой манипуляции как фактор формирования конфессиональных и межконфессиональных конфликтов в эпоху глобализации

Как было отмечено выше, в условиях глобализации религия остается мощной силой, и характер ее воздействия на мир зависит от того, какие чувства она внушает своим адептам, на какие действия их вдохновляет.

Основные элементы религии дифференцируются, их число многократно возрастает. Это, в свою очередь, делает трудным идентификацию всего спектра властных отношений. В этих условиях одна из задач социальной теории научиться обнаруживать власть там, где она менее всего заметна¹. Учитывая неразрывную структурную связь между властью и насилием, для характеристики выше обозначенной тенденции целесообразно использовать понятия «символическая власть» и «символическое насилие». Одной из форм проявления символической власти являются технологии массовой манипуляции.

Посредством технологий массовой манипуляции в религиозную жизнь нередко проникает «ситуативное» знание, которое будучи основано на иных, нежели экспертное, основаниях, представляет собой чрезвычайно важный местный когнитивный и социальный ресурс, содержащий в себе искаженную и фальсифицированную информацию, а также стремление интегрировать топоры менталитета жителей той или иной локальности к своим латентным целям. Такой материал, напичканный идеологемами и различными манипулятивными технологиями, может иметь очень серьезные последствия для общества. К таковым последствиям могут быть отнесены межнациональная вражда, рост насилия, локальные конфликты, переходящие в полномасштабные войны.

¹ Бурдье П. О символической власти / П. Бурдье // Социология социального пространства. С. 87 – 97. – С. 88.

Как убедительно показывают исследования социальных конструктивистов, современные средства массовой информации, освещая события религиозной жизни, могут выполнять не только информационную функцию, но и конструировать «повестку дня» и общественного мнения, в том числе и путем «наклеивания ярлыка», «нагнетая ситуацию», т.е. тенденциозно оценивая ситуацию.

Сочетание несовместимого в области религиозных представлений – примета нашего времени. Средства массовой информации, играющие в современном обществе роль «четвертой власти», свободно комбинируют и тиражируют фрагменты вероучений в самых причудливых интерпретациях и сочетаниях, стирая в сознании потребителя грани между религиозными учениями, снимая с них печать тайны. Показателен в этом отношении видеоряд в сетке телевизионных программ, предлагающий зрителю аудиовизуальный микс из выступлений священнослужителей, астрологических прогнозов, поединков экстрасенсов, фильмов про колдунов и ведьм, интервью со всевозможными целителями и предсказателями и т.д. Фрагменты священных текстов расхватываются на цитаты, вырванные подчас из культурно-религиозного контекста, сакральные символы и понятия тиражируются в качестве украшений, эмблем, сленга. Примечательно проникновение сакрального индуистского понятия «аватар» в специальный жаргон пользователей интернета¹.

При этом такая дисперсная, трудно координируемая социальная группа как представители той или иной конфессии, очень сильно зависима от координированной подачи информативных ресурсов. Если этот процесс наполняется экстремистскими идеологемами с сопровождающими их призывами, появляется реальная угроза эскалации межконфессиональных конфликтов. Религиозный экстремизм в эпоху глобализации – активный участник различного рода информационных войн, предполагающих специфические формы грубого воздействия на психику людей через различные масс-медиа.

Умелые манипуляторы сегодня способны превратить столкновение преступных клик в религиозный конфликт, разжечь чувства конфессиональной ненависти. При этом апелляции зачастую идут к потаенным глубинам психики, ментальности представителей той или иной этнической группы.

Результатом конструирования технологий массовой манипуляцией могут являться любые атрибуты религиозной жизни: от повседневного религиозного культа до проповедей религиозных деятелей глобального значения. С.Г. Кара-Мурза приводит такой пример. «Как вы относитесь к домам терпимости?» – спросили папу римского, прибывшего в одну из стран. «А разве они у вас есть?» – ответил папа римский. На завтра в газетах по-

¹Религия в нашей жизни // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 789. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=8954>. Режим доступа: 11.10.2007 г. Термин «аватара» в индуизме используется для обозначения нисхождения Бога из духовного мира в более низкие сферы бытия.

явилось экстренное сообщение: «Первое, что спросил папа, ступив на нашу землю: есть ли у нас дома терпимости?»¹.

Технологии массовой манипуляции, предполагая в качестве своей задачи изменение мнений, побуждений, целей и действий объектов своего воздействия, преобразуя, тем самым, социальные институты, практики и технологии современности в заданном манипулятором/манипуляторами направлении, своей конечной целью предполагают частичное или полное осуществление контроля над объектами манипуляции, ущемляя этим права и достоинства человека и социальных групп, и генерируя тем самым репрессивность.

Если учесть экономические, политические и другие параметры, дестабилизирующие обстановку, то можно утверждать, что хотя конфессиональные факторы однозначно не определяют негативных тенденций в эпоху глобализации, однако они существенно усиливают действие политических социально-экономических факторов.

В рамках конфессиональных и межконфессиональных отношений важность данного перехода состоит в том, что общество, неспособное социально и политически меняться одновременно с происходящей информационной технологической революцией, неминуемо оказывается неспособным эффективно использовать новые технологии и превращается в отсталое в экономическом, технологическом, политическом и культурном отношениях общество.

Экстремистская деятельность по возбуждению вражды и ненависти на различной идейно-политической и психологической основах имеет высокий уровень общественной опасности. Взаимосвязь данной разновидности экстремизма и терроризма состоит в том, что возбуждение вражды и ненависти на идейно-политической и психологической основах выступает как «спусковой крючок» террористических намерений среди потенциальных или реальных сторонников террористической деятельности. Этот переход от экстремизма к терроризму чаще всего предполагает массивную обработку психики потенциальных террористов посредством технологий манипуляции.

Межконфессиональные конфликты, противоречия, кризисы в эпоху глобализации во многом являются результатом социального конструирования, технологически созданного посредством СМИ и направленного на достижение скрытых целей, прежде всего, политического и властно-управленческого значения.

Речь идет о таких процессах, как конструирование и использование религиозных стереотипов для достижения определенных целей субъектами политики (например, попытка разыграть конфессиональную карту тем, или иным политическим деятелем в рамках предвыборной кампании).

Субъектом конструирования посредством технологий массовой манипуляции различных идеологем и мифологем, оказывающих значитель-

¹ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – С. 284.

ное влияние на развитие конфессиональных и межконфессиональных отношений, выступает не только государство. Так, например, такие явления, как терроризм, экстремизм во многом имеют «негосударственную» природу и зависимы от искаженного восприятия.

Неслучайно различные фундаменталистские религиозные организации используют средства массовой коммуникации для утверждения своих взглядов. Так, например, христианские фундаменталисты в Соединенных Штатах одними из первых стали использовать телевидение как средство для распространения своих вероучений. Исламские фундаменталисты в Чечне, сражающиеся с российскими войсками, создали веб-сайты для популяризации своих идей; бойцы индийского религиозного движения Хиндугва использовали интернет и электронную почту для пропаганды чувства «индуистской идентичности»¹. Религиозные проповеди с помощью электронных средств получили особенно широкое распространение в Латинской Америке. Средства массовой информации и коммуникации выступают в условиях глобализации важнейшими факторами религиозного влияния. Это обстоятельство неизбежно будет стимулировать изобретение новых технологий массовой манипуляции и их внедрение через средства массовой информации.

Задачи информационного обеспечения конфессиональных и межконфессиональных отношений в методологическом плане решаются весьма непросто. Так, трудно получить точные данные о количестве приверженцев той или иной религии в стране, практически невозможно проследить переход адептов из одной конфессии в другую. Поэтому могут использоваться манипуляции с цифрами. Например, информация о количестве адептов той или иной религии может быть ошибочно или сознательно искажена, что провоцирует социальную напряженность. Циркулирующие информационные потоки в современном обществе дифференцированы, а распространение информации служит различным целям субъектов и агентов властных конфигураций. Массмедиа «соответствуют» ускоренной динамике других функциональных систем: экономики, науки и политики, которые постоянно ставят общество перед новыми проблемами². Массмедийные сообщения чаще всего требуют некоторой реакции со стороны политической системы³. Результатом такого манипулятивного информирования нередко являются проявления экстремизма и терроризма.

Дословно экстремизм (от лат. *extremus* — крайний) означает нахождение в наиболее удаленной точке от центра. В религии это значение подразумевает похожую удаленность от основы в вероубеждении, мыслях и поведении. С точки зрения ислама, экстремизм возможен только тогда, когда человек удаляется (отказывается) от основных принципов-источников, установленных Богом в методологии религии: Разума и Корана. Главное

¹ Гидденс Э. Социология. — С. 487.

² Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. — М.: Праксис, 2005. — С. 41.

³ Там же. — С. — С. 108.

последствие экстремизма – отсутствие баланса и безопасности в жизни отдельной личности, семьи, общества.

Наиболее радикально настроенные экстремисты часто отрицают в принципе какие-либо компромиссы, переговоры, соглашения. Росту экстремизма обычно способствуют: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, тоталитарный политический режим с подавлением властями оппозиции, преследованием инакомыслия. В таких ситуациях крайние меры могут стать для некоторых лиц и религиозных организаций единственной возможностью реально повлиять на ситуацию.

Таким образом, религиозный экстремизм – это деятельность, направленная на отказ от основных религиозных норм, их гипертрофированное понимание, сопровождающееся, как правило, применением насилия в качестве социального регулятора.

Нередко религиозный экстремизм приводит к терроризму. *Религиозный терроризм – это идеология и практика воздействия на духовную сферу общества, предполагающее насилие с целью повлиять на принятие решений субъектами религиозной жизни, а также акции устрашения.*

Буквально каждый день в современных средствах массовой информации можно встретить разоблачающую информацию, касающуюся деятельности той или иной репрессивной секты или культа. Журналисты регулярно пытаются проникнуть в различные секты, чтобы проследить за процедурами, используемыми для трансформации личности в податливое для манипуляторов тело, зомби.

Секты и культы апеллируют не только к одиноким, отверженным и неприспособленным. Они обращаются также к людям с низкой самооценкой, с чувством неполноценности или собственной ничтожности. Таким образом, все маргиналы, исключенные и ущемленные мира сего, потенциально являются уязвимыми для религиозных сект. Посредством различных технологий массовой манипуляции секты и культы предлагают видимость смысла, цели и направления жизни, которые люди не могут найти в другом месте или определить для себя самостоятельно. Религиозным манипуляторам хорошо известно, что в условиях индивидуализации общественных практик, многие испытывают потребность в общности, семье. Секты создают иллюзию такой общности. Кроме того, людям очень лестно ощущать себя «посвященными в тайну», одними из избранных, и это способствует появлению чувства превосходства, граничащего с самодовольством, а иногда даже и с опьянением.

После того как жертва оказалась в ловушке, применяется сила. Индивидуальность человека последовательно разрушается и заменяется идентификацией с группой, зависимостью от группы, посредством чего достигается единообразие. Потенциальные бунтари умирятся путем устрашения как явного, так и скрытого, – страхом физического или психологиче-

ского насилия, страхом остракизма и исключения, страхом изгнания из общества в полном соответствии с христианским понятием «отлучения».

Кроме того, у жертвы нередко программируется «механизм саморазрушения», который действует примерно так же, как механизм обычного шаманизма. Человека убеждают, к примеру, что отступничество или непослушание станут причиной своего рода проклятия или личной катастрофы, а невозможность избавиться от этого убеждения превращает его в самореализующееся пророчество. При помощи таких приемов постепенно размывается граница между гуру и фюрером, с одной стороны, и между учеником и рабом, с другой.

Последнее десятилетие угроза технологий массовой манипуляции, ранее ассоциировавшаяся только с сектами и культами, стала исходить совсем из другого источника. На пороге нового тысячелетия постепенно размывается грань между сектой или культом, с одной стороны, и религиозным фундаментализмом, с другой. И действительно, многие секты и культы на поверку оказываются проявлением религиозного фундаментализма. Любая попытка дать им другое определение ни к чему не приведет.

Первым приходит на ум исламский фундаментализм, считающийся потенциальной угрозой для либеральной западной цивилизации. Мы вспоминаем о десятках тысяч подростков, которые во время войны между Ираном и Ираком по приказу теократического режима аятоллы Хомейни безоружными шли в атаку на врага и даже на минные поля впереди регулярных войск, веря, что смерть на поле боя даст им пропуск в рай. Мы вспоминаем о террористах-самоубийцах в Ливане и Израиле, которые добровольно идут на смерть, подобно японским пилотам-камикадзе во время Второй мировой войны. А те из нас, кто следит за событиями в области культуры, знают о смертном приговоре, вынесенном Салману Рушди за книгу «Сатанинские стихи». Смертную казнь вряд ли можно назвать легитимной формой литературной критики.

Современная Индия испытывает все больше проблем с воинствующими индуистскими фундаменталистами. Возрождение переживает также иудаистский фундаментализм, наиболее драматичным проявлением которого можно считать убийство Ицхака Рабина. В Соединенных Штатах наблюдается разгул христианского фундаментализма, и перед некоторыми заявлениями и действиями его сторонников бледнеют действия фанатиков других религий. Этот фундаментализм пропитал членов самозванной «милиции» вроде тех, что взорвали торговый центр в Оклахома-сити. Он доминирует в так называемом «евангелическом праве» Республиканской партии. Он контролирует телевизионные и радиостанции, а также владеет акциями других средств массовой информации, включая ведущие газеты. Он поощряет запрет и сжигание книг — как это происходило в Германии при национал-социализме. Иногда, несмотря на свою нетерпимость, он формирует странные альянсы с экстремистскими течениями других религий. Одной из таких организаций, к примеру, является «Евреи за Иисуса». Кроме того, иудаистский фундамента-

лизм в Израиле сотрудничает с христианским фундаментализмом, мечтая восстановить Храм Соломона в Иерусалиме.

Движущие силы экстремистских религиозных течений аналогичны движущим силам сект или культов. Они основаны на той же предпосылке – разделении на избранных, которых ждет спасение, и на остальное человечество. Так, например, Дэвид Кореш и его последователи из Вако в равной степени могут быть отнесены и к секте или культу, и к иудаистско-христианскому фундаментализму. Японская организация «Аум Сенрике», ответственная за газовую атаку в токийском метро, обычно считается сектой, но по своей направленности она является апокалиптической фундаменталистской религией. В вакууме, который образовался после крушения коммунизма, Россия оказалась наводнена различными сектами и культами, самозваными спасителями и мессиями явно фундаменталистского толка.

В западных странах культы и секты в целом не приветствуются. То же самое можно сказать и о фундаментализме в некоторых регионах Соединенных Штатов. Более терпимые структуры официально признанных религий считаются вполне приемлемыми и даже достойными похвалы. Основные христианские конфессии – такие, как Англиканская или Римско-католическая церковь – превозносятся как бастионы умеренности, морали и «семейных ценностей» и представляются мерилом нравственности. Тем не менее следует помнить, что практически каждая из главных мировых религий – и особенно монотеистических – прошла и может вновь пройти через периоды экстремистской лихорадки, нетерпимости и слепого фанатизма. Не стоит также забывать, что практически каждая мировая религия начиналась как секта или культ. Для людей, живших в то время, они представлялись такой же угрозой, как для нас сегодня секты и культы.

Даже самые свободные и либеральные из официальных религий современности содержат в себе остатки их происхождения как секты или культа. Некоторые из них, до сих пор продолжают заниматься – психологическими манипуляциями с использованием таких инструментов, как грех и вина, эмоциональный шантаж, наказание и воздаяние. Конечно, Римско-католическая церковь уже не может организовывать кампании по истреблению ереси, как Крестовый поход тринадцатого века против катаров. Ее инквизиторы уже не могут вершить суд по своему разумению и не обладают властью, сравнимой с той, которая была у современных гестапо и КГБ. Однако непримиримость церкви в таких вопросах, как права женщин, развод, контроль над рождаемостью и аборты, по-прежнему способна вызвать нравственные страдания миллионов людей и стать главным камнем преткновения на конференциях ООН. В Ирландии, несмотря на стремительную секуляризацию общества, церковь по-прежнему препятствует легализации разводов, а попытки политиков оправдать сексуальное поведение священников могут привести к отставке правительства. Для протестантизма в целом охота на ведьм, устроенная Кромвелем, возможно, отошла в прошлое, подобно

узаконенному убийству «Салемских ведьм» в Массачусетсе семнадцатого века. Однако даже в 1995 году Архиепископ Кентерберийский, говоря об англиканской церкви, настаивал на том, что пары, живущие вне брака, должны нести на себе психологическое бремя «греха»¹.

Далее попытаемся классифицировать технологии массовой манипуляции, использующиеся в системе конфессиональных и межконфессиональных отношений. Набор этих технологий чрезвычайно разнообразен. Невозможно составить полный перечень таких технологий, его в принципе не может быть. Межконфессиональные отношения неизбежно политичны, а политика постоянно изменяющееся состояние человечества, в котором постоянно появляются новые практики и технологии. То, что вчера было открытием, сегодня становится традицией, а завтра превращается в устаревший и неэффективный анахронизм.

Для мобилизации больших социальных групп, например, представителей определенной конфессии, выступающих против какого-либо решения государства, используются технологии одного типа, а для установления контроля над центрами власти, статусов, ресурсов часто применяются технологии индивидуальной манипуляции.

Технологии массовой манипуляции в конфессиональных и межконфессиональных отношениях представляют собой совокупность наиболее целесообразных приемов, способов, процедур реализации функций открытого и скрытого управления конфессиональными и межнациональными отношениями, направленных на достижение желаемых, субъективных, а нередко узкокорыстных интересов. Эти технологии зачастую игнорируют существующие общественные нормы и мораль, а нередко гипертрофируют их значимость. Технологиями массовой манипуляции в конфессиональных и межконфессиональных отношениях являются как приемы достижения немедленного локального кратковременного результата (тактика), так и получение глубинного, глобального, длительного эффекта (стратегия).

Использование тех или иных технологий во многих отношениях обуславливают устойчивость системы конфессиональных и межконфессиональных отношений. Технологии массовой манипуляции коррелируют с типом общественного развития (доминированием в нем эволюционных или революционных процессов), социокультурными и ментальными особенностями общества, характером режима (демократический, авторитарный, тоталитарный и др.).

Технологии массовой манипуляции в конфессиональных и межконфессиональных отношениях – это технологии реализации власти. Борьба за власть, в том числе и духовную, ее удержание и использование порождает множественность самых изощренных технологий. Не существует аб-

¹ Бейджент М., Ли Р. Манипуляция массовым сознанием и культы / М. Бейджент, Р. Ли // Режим доступа: <http://www.kybalion.ru/germetizm/segodnya/284.html>. Режим доступа: 29.09.2012.

страктных, «пригодных» на все случаи духовной и религиозной жизни технологий массовой манипуляции. Каждая из них, с одной стороны, конкретна и уникальна, поскольку направлена на решения вполне конкретных вопросов, а, с другой стороны, она многопланова по своему содержанию и характеру, многоаспектна по условиям осуществления, составу исполнителей, видам деятельности и решаемым проблемам.

В условиях глобализации технологии массовой манипуляции встроены в самые разнообразные, в том числе и религиозные процессы, обеспечивающие духовное господство, власть над паствой. Это и неудивительно, ведь, по сути, все успешные религиозные пророки были отличными знатоками психологии людей, умели манипулировать общиной и внушать ей нужную информацию (Лао-цзы, И. Лайола, Д. Савонарола, М. Лютер, Я. Гуус, У. Цвингли, Ж. Кальвин и др.). Религиозный деятель должен уметь заставлять человека делаться чище, осознавать свои грехи, каяться в содеянном, быть счастливее, а для этого используются различные приемы манипулирования. С развитием средств массовой коммуникации эффект от данного рода действий только увеличился.

Важнейшая угроза конфессиональной безопасности, исходящая от технологий массовой манипуляции – угроза искажения, извращения основных положений религий, извращение их социальной миссии, гипертрофированное восприятие религиозных ценностей и истин. В результате в системе конфессиональных и межконфессиональных отношений появляются мнимые величины, двойные стандарты, с помощью которых субъекты массовой манипуляции направляют вектор развития конфессиональных и межконфессиональных отношений по выгодной им линии. В данном случае применим термин «симулякр», широко используемый французскими философами постмодернистской направленности, в частности, Ж. Бодрийаром. Симулякры – это результат процесса симуляции, трактуемой им как «порождение гиперреального» (или виртуального) при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности. Итак, политические технологии могут свести политическое пространство к виртуальному, изменяя реальную политику.

Можно выделить несколько критериев классификации технологий массовых манипуляции в системе конфессиональных и межконфессиональных отношений, рассмотрим некоторые из них. С точки зрения областей, в которых применяются те или иные приемы достижения целей, можно говорить о так называемых предметных технологиях (например, информационных технологиях позиционирования той или иной конфессии, переговорных приемах в межконфессиональном диалоге, технологиях конструирования определенного образа религиозного деятеля). Понятно, что такой подход к оценке специфических свойств технологий не только позволяет зафиксировать области властного взаимодействия, которые технологизированы в наибольшей или в наименьшей степени. В этом смысле

можно даже констатировать наличие таких взаимодействий, которые в принципе не могут быть подвержены какой-либо технологизации, как, например, процесс неформального согласования интересов в процессе выработки важнейших религиозных решений на государственном уровне. Этот подход помогает увидеть зоны пересечения различных технических приемов, их взаимозаменяемость при решении задач в тех или иных областях политики и государственного управления.

С названным типом технологий тесно связаны так называемые уровневые технологии, отражающие степень социальной организации религиозной сферы. К ним можно отнести: глобальные, связанные, к примеру, с решением проблем развития судеб мировых религий, континентальные, раскрывающие специфические действия субъектов религии на континентальном уровнях, а также национально-государственные, характеризующие процесс протекания религиозной жизни на уровне отдельных государств. Можно выделить также локальные технологии, формирующие специфику деятельности отношений религиозных субъектов в ограниченных точках социального пространства.

С позиций характера продолжительности использования определенных способов деятельности имеет смысл выделять также следующие технологии: стратегические, нацеленные на отдаленный результат деятельности акторов; тактические, предполагающие реализацию краткосрочных целей; спорадические, применяемые единовременно, и циклические, постоянно воспроизводящиеся в структуре деятельности субъекта.

Учитывая нацеленность технологий на расширение круга субъектов, способных применять сложившиеся алгоритмы деятельности при решении однотипных задач, можно говорить о тиражируемых, т.е. рассчитанных на повсеместное применение в аналогичных условиях, технологиях, которые, собственно, и удовлетворяют данным требованиям, а также о противоположных им – уникальных технологиях, представляющих собой перечень действий, применимых только в определенных, строго фиксированных условиях и не воспроизводимых даже в схожих условиях. Первые из указанных технологий меньше зависят от свойств реализующих их акторов и потому максимально экономят временные и материальные ресурсы при осуществлении однотипных видов деятельности. Уникальные же технологии применимы лишь для однократного обеспечения тех или иных целей, а нередко и лишь для строго очерченного круга акторов. Они, как правило, обходятся значительно дороже и практически полностью теряют свою эффективность при попытках перенесения даже в сходные обстоятельства.

В религиозной жизни в эпоху глобализации используются не только массовые, но и единичные, теневые технологии, которые, будучи с практической точки зрения важнейшими и определяющими процесс применения власти и распределения государственных ресурсов, вместе с тем отличаются очень слабым уровнем технологичности, представляя собой скорее уникаль-

ные (спонтанные, ситуационные), нежели стандартизированные и алгоритмизированные способы и приемы деятельности. Однако деструктивный эффект от их манипулятивной деятельности в эпоху глобализации значителен.

Принимая во внимание разнообразие условий деятельности, динамических изменений, свойств и способностей субъектов религиозной жизни, можно выделить жесткие и мягкие технологии. Первые свидетельствуют о заданности и одновременно неизменности основных параметров применяемых субъектами манипулятивных идеологием и мифологием. Противоположные же технологии демонстрируют способы деятельности, характеризуют способы и приемы, которые позволяют осуществлять гибкую адаптацию целей и ресурсов, имеющихся в распоряжении субъекта, к изменяющимся условиям.

С точки зрения степени и характера регламентации деятельности различают нормативные и девиантные технологии. Нормативные технологии – это способы деятельности, жестко обусловленные существующими в обществе (организации) законами, нормами, традициями или обычаями. Иными словами, это те приемы манипулирования, которые признаются основными участниками конфессиональных и межконфессиональных отношений как допустимые. К таковым, например, может быть отнесено корректное восхваление прозелитам своей религии, предполагающее некие аналогии «с другими конфессиями». Девиантные технологии противоположны им, это отклоняющиеся от такого рода требований и стандартов способы деятельности. К их числу относятся, например, целый спектр противоречащих закону или нормам религиозной морали «серых» и «черных» технологий. Как показала практика, в критических точках конфессиональных и межконфессиональных отношениях наблюдается небывалый расцвет подобного рода технологий.

Обществу и государству важно понять способы предотвращения использования таких технологий борьбы за духовную власть, выработать соответствующие законодательные, институциональные, экзистенциальные и ментальные противоядия. Однако уже сегодня становится ясно, что в современном (и не только российском) обществе с некоторыми приемами подобного рода бороться практически невозможно. Например, учитывая распространение современных средств связи, чисто технически не удастся предотвратить религиозный экстремизм в интернете и иные аналогичные приемы деятельности, в которые религиозные институты в эпоху глобализации с неизбежностью вовлечены.

Близки к рассматриваемым типам технологий также явные и теневые способы достижения целей религиозных организаций. Первый из этих типов, выраженный, к примеру, в формах диалога духовного управления с общественностью, олицетворяя публичный характер духовной власти, по сути дела играет роль своеобразной визитной карточки религии и сложившейся системы управления религиозной общиной. Однако такого рода приемы, техники управления и власти зачастую имеют сугубо демонстрационный, «выставочный» характер, ориентируются на коммуницирование

с общественным мнением и создание у него образа активной и эффективной системы управления конфессиональными отношениями. При этом практическая связь с реальным процессом выработки государственных решений у них может быть очень слабой, а то и отсутствовать вовсе.

В этой связи задача современных религиозных организаций заключается не только в отказе от использования таких технологий, но и в умении нейтрализовывать их воздействие, идущее от других акторов социального пространства. Безусловно, это положение носит характер некоего идеала, который вряд ли достижим, однако задача социогуманитарной науки в этих условиях заключается как можно в более четком обозначении этого идеала и определение путей его достижения. Снижение требований, предъявляемых к социальным системам разного порядка, с неизменностью ведет к занижению и общего, реального уровня отношений внутри этих систем.

В условиях глобализации конфессиональный фактор может и активно используется для конструирования и закрепления в ментальных структурах различных социальных групп посредством технологий массовой манипуляции различными идеологием, мифологием и стереотипов, направленных на разжигание конфессиональных противоречий.

2.5. Противодействие технологиям массовой манипуляции в контексте гармонизации конфессиональных и межконфессиональных отношений

В условиях воздействия технологий массовой манипуляции религиозные истины и ценности оказываются непрочными. Объектом ответственности является то, чему не гарантирована устойчивость при любых обстоятельствах, вот почему вследствие непрочности, шаткости баланса конфессиональных и межконфессиональных отношений самим адептам поручается забота об их гармонизации. В условиях глобализации институты, имеющие политический потенциал, никогда не откажутся от идеологической составляющей своей деятельности, а значит, будут постоянно использовать технологии массовой манипуляции. Именно поэтому основным субъектом нейтрализации угрожающих глобальной и национальной безопасности процессов массового манипулирования в религиозной сфере следует признать не какие-либо институты, а самих верующих и людей, занимающих толерантную гражданскую позицию. Таким образом, основным субъектом противодействия технологиям массовой манипуляции должны выступать люди, постоянно воспроизводящиеся в структурах повседневности толерантный, основанный на взаимном уважении традиций различных конфессий и ценностей порядок, который выступит в качестве действенного фильтра проникновения репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции.

Технологии массовой манипуляции, говоря словами Р. Барта¹, отрицают сложность человеческих поступков, даруют им эссенциальную простоту, упраздняя всякие попытки пойти дальше простой видимости: в конструируемом ими мире нет противоречий, потому что нет глубины, этот мир простирается в своей очевидности, создавая чувство блаженной ясности. Напротив, противодействие им должно способствовать тому, чтобы современный человек видел мир во всем его многообразии. Согласно Марку Аврелию, «...следует давать определение или описание каждого представляемого предмета, чтобы без покрова и в расчленении всех частей видеть самую его сущность и называть его и все то, из чего он состоит и на что разложится, соответствующими именами»².

Старайтесь «...всегда и во всем доверять своему здравому смыслу», главный совет, который дает Н. Хомски против технологий массовой манипуляции³. Однако, как было показано выше, в современной индустрии развлечений на первом плане не интеллектуальные формы самореализации человека, они слабо способствуют интенсивному развитию мыслительных процедур. Поясним свою позицию: мы не констатируем необходимости ограничения доли развлечений в жизни современного человека хотя бы потому, что это справедливо могло бы расцениваться как попытка ограничения его индивидуальной свободы. Тем не менее, связь развлечений с «притуплением» критического мышления существует.

Символическая власть, разновидностью которой являются технологии массовой манипуляции, может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей. В этой связи осознание, «вскрытие» алгоритмов функционирования тех или иных видов технологий массовой манипуляции представляет собой важнейший элемент противодействия им.

Современное общество недостаточно рефлексивно, тогда как именно оно должно породить новую рефлексию – радикальную социетальную самокритику и самоограничение, самоопределение и переопределение общества⁴. Поэтому современному человеку необходимо стать размышляющим участником духовной жизни, уметь понимать и уважать своеобразие и неповторимость не только своей религии, но и конфессий других, начать учитывать последствия внедрения новых технологий в его жизнь, исследовать тот эффект, который оказывает технология на социальное пространство и время, и то, какие ценности добавляет она к человеческому опыту. Однако регулярно проводить такую аналитическую работу в условиях

¹ Барт Р. Мифология. / Р. Барт. – М.: Академический Проект, 2008. – С.306.

² Марк Аврелий Антонин. Размышления / Марк Аврелий Антонин. – Л.: «Наука» 1985. – II. 2.

³ Хомски Н. Классовая война: Интервью с Дэвидом Баграмяном / Н. Хомски. – М.: Праксис, 2003. – С. 148.

⁴ Бек У. Общество риска. – С. 42-43.

напряженных будней для многих проблематично, поэтому интеллектуалы должны подать соответствующий пример для других.

Когда современный человек читает, обсуждает, полемизирует и обменивается мнениями с другими людьми, людьми из разных эпох (например, посредством текстов), он уточняет, делает рельефнее собственную позицию, а нередко меняет ее. Человек тем самым создает самого себя, привлекает других к переживанию своего положения и того опыта, который обволакивает наш образ мысли и действий, формирует нашу ментальность и в то же время оставляет возможность выйти из него преобразованным.

Конкретные действия по нейтрализации репрессивного воздействия этих технологий предполагают учет определенных факторов:

1. Адекватное, очищенное от ценностного и эмоционального отношения представление о характере самого репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции. Насильственные и запретительные меры в отношении технологий массовой манипуляции выявляют свою апористичность. Практически невозможно исключить использование в масс-медиа информации, оказывающей деструктивное воздействие на религиозность людей. К тому же, чем больше запретов, тем более изоощренными становятся сами технологии, которые проявляют, таким образом, свою гибкость. Запретительные меры косвенно стимулируют развитие технологий массовой манипуляции, поэтому необходимым становится поиск других алгоритмов противодействия им.

2. Технологии массовой манипуляции прочно вплетены в структурообразующие институты и практики современного общества, в том числе и религиозные, и их невозможно уничтожить в одночасье революционным или насильственным способом. Вплетенность технологий массовой манипуляции в социальные институты и магистральные практики общества заставляет признать важнейшим элементом противодействия психолого-информационную защиту, повышая тем самым значимость психологических и информационно-аналитических структур современности.

3. Далеко не все участники религиозной жизни осознают и даже ощущают на себе репрессивное воздействие технологий массовой манипуляции, что делает саму нейтрализацию проблематичной, так как ее наличие предполагает осознание объектом репрессивного воздействия основных алгоритмов этого процесса и разработку методов противодействия.

4. Ни одна социальная группа в современном обществе не заинтересована в *полном* устранении технологий массовой манипуляции. Проблема нейтрализации – это вопрос свободного выбора отдельно взятого человека, его развития, самосовершенствования, субъективации и стремления к свободе. Представляется, что все конфессии не должны использовать массовую манипуляцию, однако уповать на это не приходится.

5. Массовая манипуляция основывается на не использующих физическое насилие технологиях. Деструктивность манипуляции весьма отно-

сительна, поскольку собственно разрушения здесь нет¹, однако есть репрессивность. Технологии массовой манипуляции представляют собой вид символической власти, репрессивно воздействующей на психику человека.

6. Для нейтрализации технологий массовой манипуляции подходят те же технические средства, что и для генерирования этими технологиями репрессивности (Интернет, телевидение, радио и другие СМК). Технологии массовой манипуляции в современном обществе принимают активное участие в борьбе за производство и навязывание легитимного видения социальных процессов. Утверждая данность через высказывание и образы, оказывая тем самым информационно-психическое воздействие на современного человека, технологии массовой манипуляции побуждают видеть и верить, воздействуя и конструируя систему ценностных ориентаций и сам мир. Технологии массовой манипуляции представляют собой форму символической власти, репрессивное воздействие которой генерирует символическое насилие. Технологии массовой манипуляции являются такой легальной и легитимированной формой власти, которая встраивается в общую структуру властных отношений современности, действуя незаметно.

7. Поскольку возможности информационно-психологической защиты современного человека от репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции ограничены, его степень ответственности перед ними также должна быть пересмотрена. Концепция человека как «неделимого атома», сложившаяся в эпоху модерн (индивидуальный субъект эпохи модерн), в контексте технологий массовой манипуляции продемонстрировала ошибочность и анахроничность, поэтому должна быть откорректирована.

8. Высокий уровень скрытности манипулятора, отсутствие непосредственной коммуницируемости с объектом манипуляции делает проблематичным эффективную нейтрализацию репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции, осуществляя которую следует не только выработать способы противодействия для конкретных технологий, но и тратить энергию на диагностику и идентификацию манипулятора и особенностей его воздействия. Так, например, нередко «разоблачающие» заявления о политических обманах, экономических махинациях или частных скандалах религиозных деятелей в современном обществе сами являются продуктами, сконструированными технологиями массовой манипуляции.

9. В отличие от противодействия таким угрозам всеобщей безопасности современного общества, как терроризм, распространение эпидемий и пандемий, сопровождающихся устойчивым пониманием в обществе необходимости противодействия им, нейтрализация воздействия технологий массовой манипуляции во многом остается неопределенной.

10. Возможности противодействия репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции в значительной степени зависят от интел-

¹ Доценко Е.Л. Психология манипуляции. – С. 175.

лекта, креативности, воображения и внимательности современного человека, а также его морально-нравственной позиции, предполагающей умение вести диалог и брать ответственность за свои действия. В ближайшем будущем социальная дифференциация общества будет в большей степени зависеть от восприятия информации человеком: общество будет делиться на тех, кто предпочитает получать уже готовые образцы и определения мира, не будучи способными критически воспринимать получаемую информацию, и тех, кто способен отбирать, «фильтровать» получаемые данные.

11. Важнейшее значение для нейтрализации воздействия технологий массовой манипуляции представляет самоконтроль. Совладать с собой в контексте защиты от манипуляции означает не позволить манипулятору достичь своих целей в части, которая приходится на психологические механизмы адресата воздействия¹.

12. Для успешной нейтрализации воздействия технологий массовой манипуляции ему необходим досуг, свободное время, которые предполагают дистанция по отношению к материальной необходимости и повседневной спешке, которую далеко не каждый может себе позволить. Всем субъектам конфессиональных и межконфессиональных отношений следует учитывать эти принципы нейтрализации репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции.

Мирное сосуществование религий – это фактор гармонизации и межнациональных отношений, как в масштабах мира в целом, отдельного государства и региона. Развитие межрелигиозного диалога является важным императивом дискурсивного управления глобальными процессами. Если универсализация глобального социокультурного пространства происходит на секулярной основе, не подавляющей, а предоставляющей национальным религиям голос, такая глобализация не вызывает религиозного сопротивления².

Диалектичность проблемы, с одной стороны заключается в том, что для привлечения новых адептов субъекты религиозной деятельности должны противопоставлять себя адептам других религий, дабы продемонстрировать лучшее положение своей религии, однако, с другой стороны, религия, которая противопоставляет одних людей другим, не имеет будущего.

Представим основные принципы гармонизации конфессиональных и межконфессиональных отношений:

Рефлексивность. Системообразующим элементом современности является рефлексивность. Реальность такова, что человеку постоянно следует размышлять о контекстах своего экзистенциального бытия. Сталкиваясь с массовым манипулированием в религиозной жизни, современному человеку следует размышлять, ради чего происходит трансляция той, или

¹ Доценко Е.Л. Психология манипуляции. – С. 278.

² Орлов М.О. Место и роль религии в глобальных процессах современности. – С. 94.

иной информации; какую открытую и скрытую цель она преследуют; как между собой соотносятся скрытая и открытая цель посланий; какие силы заинтересованы в такой подаче информации; какие последствия может иметь утверждение в общественном мнении навязываемой точки зрения. Эта аналитическая работа требует времени и сил, которыми в условиях постоянной занятости современный человек, зачастую, не располагает.

Возможность выражения религиозных истин в рамках постсекулярного мышления. Ю. Хабермас исходит из того, что в жизни религиозных сообществ, если только они избегают догматизма и принуждения, может сохраниться нетронутым нечто такое, что утрачено в других областях и что нельзя восстановить с помощью одного только профессионального знания экспертов. Речь идет о дифференцированных возможностях выражения и способности чувствовать жизненные заблуждения, общественные болезни, неудачу индивидуальных проектов жизни и деформированность искаженных жизненных условий.

Мировоззренческая нейтральность государственной власти, гарантирующей равные этические свободы каждому гражданину, несовместима с политическим распространением секуляристского мировоззрения на всех людей. Нерелигиозные граждане, поскольку они выступают в роли граждан государства, не должны принципиально отказывать религиозному видению мира в потенциале истинности и не должны отнимать у верующих сограждан право вносить с помощью религиозных понятий свой вклад в общественную дискуссию¹.

Толерантность. Толерантность – это готовность принять «других» такими, какие они есть и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия. Необходимым условием закрепления нормативности толерантного взаимодействия является его осознание как ценности, как целесообразного индивидуально и социально значимого долженствования, определяемого потребностями общественного развития².

Распространение идей конфессиональной и национальной толерантности, уважительного отношения к людям иной культуры, организация постоянного межвероисповедного диалога могут способствовать межэтнической интеграции, усилению чувства общности у всего человечества.

Готовность вести диалог. Готовность вести диалог между различными государствами и конфессиями в целях всеобщей безопасности предполагает плюрализм ценностей духовной жизни, признание равнозначности религиозных предпочтений адептов различных религий, а также атеистов. Такой

¹ Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – С. 41, 66-67.

² Герман В.А. Формирование толерантного сознания как средство профилактики экстремизма / В.А. Герман // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2007. – № 8. – С. 43-48. – С. 44.

диалог принципиально не приемлет манипулирование мнениями, цифрами, показателями. Сам принцип соперничества между религиями по разным показателям – потенциальная угроза межконфессиональных конфликтов. Основная цель такого диалога оптимизация структуры общих интересов.

Поиск общих интересов различных религий. У религиозных общностей имеется немало совпадающих интересов как на межгосударственном, так и на планетарном уровне, многие ценности у традиционных религий являются общими, мировая общественность и международные организации показывают свою заинтересованность в межрелигиозном диалоге и предпринимают немалые усилия для организации такого диалога¹. Основные субъекты такого диалога – государства, конфессии, политические партии, общественные организации различного уровня. Такой диалог мог бы основываться на механизмах ООН. Исторический опыт показывает весьма низкую эффективность религиозных контактов в ситуациях преодоления политических кризисов. Не существенные, с точки зрения атеиста, противоречия являются непреодолимыми с точки зрения религиозных деятелей².

Принцип ответственности и самоконтроль. Принцип ответственности предполагает осознание долгосрочных последствий от тех или иных действий субъектов конфессиональных и межконфессиональных отношений. Этот принцип предполагает ответственность за сказанное, и только сопряжение подобных актов участников коммуникации создает такое общество, в котором возможно ответственное мышление. Каждому участнику конфессиональных и межконфессиональных отношений необходимо представлять самые страшные и долговременные последствия того или иного манипулятивного шага в сфере религии. Таким образом, посредством субъективации воображаемого в соответствии с определенными нормативными принципами образуется новый вид этики, основанный на систематическом пессимизме (т.н. «принцип неуверенности»)³.

Тем самым, формируется умение «владеть самим собой», которое выступает важным моментом формирования субъекта социального действия. Не только сам человек может имманентно к нему стремиться, но и в социальных нормах и требованиях также заключено: «контролируй свои поступки», «возьми себя в руки», «попытайся пересилить себя», «воздерживайся от не благих намерений» и т.д. Все это пропагандировали и стоики.

Этика ненасилия. Никакие призывы к насилию по отношению к той или иной конфессии не являются средством гармонизации конфессиональных и межконфессиональных отношений. Таким средством может выступить только этика ненасилия, отказ от террористической деятельности. Ярким

¹ Орлов М.О. Место и роль религии в глобальных процессах современности. – С. 94.

² См. подробнее: Артюшкин В.Ф. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике России / В.Ф. Артюшкин // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2011. – Т. 253. – № 2. – С. 5 – 17.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. – С. 233.

примером в этом плане могут служить идеи таких выдающихся общественных лидеров наполненного насилием XX столетия, как М. Ганди, М.Л. Кинг, использовавших этику ненасилия для достижения формальных свобод.

Культура межкультурного общения зависит от общей культуры людей, умения поставить общечеловеческие ценности выше узконациональных. Таким образом, важную роль в процессе межкультурного взаимодействия играет совокупность всех свойств культуры и других ключевых параметров развития социальности. Необходимо понимать, что такие явления, как коррупция, правовой нигилизм имеют побочные культурные эффекты и не способствуют формированию толерантного мышления. Напротив, эти антимодернистские практики возвращают общество в феодальное прошлое.

Необходимо понимать, что принципы мирного сосуществования религий, толерантности, диалога культур формировались в драматических, порой кровавых коллизиях. Это подлинные достижения процесса цивилизации, которые нужно культивировать, всячески способствовать их развитию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, *технологии массовой манипуляции – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности посредством формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих репрессивное воздействие на объект.*

Сущность технологий массовой манипуляции заключается в том, что они выступают важным элементом воли к власти и стремления к наживе, препятствуя свободному развитию современного человека. Процесс манипулирования сопровождается ущемлением человеческого достоинства: к людям, психикой которых манипулируют, относятся не как к цели, а как к средству, не как к субъектам, а как к объектам. Технологии массовой манипуляции знаменуют переход от прямого, практически неприкрытого отношения к человеку как вещи в тоталитарных обществах, к скрытому, завуалированному, упакованному в симулякры «прав человека» в современном мире.

Если основные проявления репрессивности архаического и традиционного общества (угрозы насилия со стороны других социальных групп, голода, незащитность перед природными катаклизмами др.) вызывали отчетливо выраженные формы страха, то технологии массовой манипуляции не вызывают такой реакции по отношению к себе, но направляют страхи на другие объекты, активно формируя фобии современного человека (угроза терроризма, пандемий и эпидемий, боязнь быть немодным и т.д.).

Технологии массовой манипуляции редуцируют сложные процессы, происходящие в обществе в нечто простое, ясное, символически выраженное, но в то же время необъясненное. У современного человека, подверженного такого рода воздействию, создается иллюзия всезнания, глубокого понимания широкого спектра социальных процессов (политических, экономических, культурных).

Современный человек мнит себя знатоком политики, так как образ одного кандидата импонирует ему гораздо более другого; он разбирается в экономике, ведь во время телевизионной релаксации он периодически «натыкается» на прогностические заявления экспертов об экономическом подъеме/спаде; ему не составляет труда понять, стоит ли идти в кинотеатр на очередную новинку, рейтинги и суммарные подсчеты кассовых сборов подскажут верное решение. Современный человек полностью осведомлен о том, как следует заботиться о собственном здоровье, зная благодаря телевизионной рекламе, какой зубной пастой, шампунем и косметикой пользоваться. Безусловно, не все из бурлящих, технологически сконструированных манипулятивных потоков достигают своих целей, не всем кандидатам, экспертам и рейтингам доверяет современный человек, но объективация, конструирование представлений, мирозерцания человека происходит именно так.

Репрессивность технологий массовой манипуляции заключается еще и в том, что их воздействие не всеми воспринимается в качестве такового, многие склонны не замечать этот феномен. Важнейший источник репрессивности этих технологий в множественности, в том, что лишь небольшое

число участников социального процесса считает необходимым сопротивляться их воздействию. Воздействие технологий массовой манипуляции может быть направлено на все социальное: от представлений одного человека до имиджа государства. Все это приводит к выводу о том, что технологии массовой манипуляции представляют собой важнейший инструмент современного социального контроля.

Технологии массовой манипуляции есть следствие эскалации конкуренции, интенсификации различных практик в современном обществе. Условия современности подготовили именно ненасильственные, высокотехнологичные, информационно-психологические, эффективные и в то же время репрессивные угрозы глобальной и национальной безопасности.

Существующие в обществе принципы постулируют современному человеку рассматривать себя в качестве автономного субъекта, и в то же время каждый участвует в манипулятивных отношениях с другими людьми. Значение технологий массовой манипуляции в том, что они выступают маркирующим элементом, высвечивающим разрыв между существующими, заранее принимаемыми в качестве верных нормами и их реальной ролью в социальном процессе. Аргюется, что современный человек автономен в социальном бытии и самостоятельно принимает решения, однако существующие социальные практики и институты демонстрируют, что это далеко не всегда соответствует действительности.

Воздействие технологий массовой манипуляции на современного человека актуализирует с позиций информационно-психологической репрессивности проблему кризиса индивидуальной субъектности, что означает осознание положения современного человека в мире как переломного, которое не может быть осмыслено в категориях экономической, политической или культурной составляющей социального процесса, но требует обращения к экзистенциальным характеристикам его бытия.

Поскольку технологии массовой манипуляцией – это феномен информационно-психологический, зачастую невозможно оценить ущерб от его репрессивного воздействия. Если, например, число жертв Холокоста или сталинских репрессий поддается подсчетам (хотя сами подсчеты нередко являются объектом политических и иного рода манипуляций), то применительно к технологиям массовой манипуляции дело обстоит иначе.

Насильственные и запретительные меры в отношении технологий массовой манипуляции выявляют свою апористичность. Чем больше запретов, тем более изощренными становятся сами технологии, которые таким образом проявляют свою гибкость. Запретительные меры косвенно стимулируют развитие технологий массовой манипуляции, поэтому необходимым становится поиск других алгоритмов противодействия им.

Технологии массовой манипуляции прочно вплетены в структурообразующие институты и практики современного общества и их невозможно в одночасье отменить революционным или насильственным способом.

Необходимо четко представлять пределы сопротивления репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции. Как показывает

опыт мировой истории, излишняя апологетика сопротивления, поднятие ее до уровня самодостаточной сущности может генерировать новые, более мощные проявления репрессивности. Непосредственно феномен резистентности в современном обществе может использоваться как симулякр, направленный на создание новых рынков потребления, интегрирующих и нейтрализующих резистентный потенциал.

Вплетенность технологий массовой манипуляции в важнейшие социальные институты и магистральные практики общества важнейшим элементом современности заставляет признать психолого-информационную защиту, повышая тем самым значимость психологических и информационно-аналитических структур в современном обществе

Технологии массовой манипуляции не только подавляют, сдерживают и ограничивают развитие современного человека, но также поощряют, побуждают, стимулируют, заставляет его индивидуализироваться и действовать. Репрессивный характер воздействия технологий массовой манипуляции представляет собой разновидность объективации современного человека.

Возможности сопротивления репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции в значительной степени зависят от интеллекта, воображения и внимательности современного человека. В ближайшем будущем социальная дифференциация общества будет в большей степени зависеть от восприятия информации человеком: общество будет делиться на тех, кто предпочитает получать уже готовые образцы и определения мира, не будучи способными критически воспринимать получаемую информацию, и тех, кто способен отбирать, «фильтровать» получаемую информацию.

Сопротивление репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции не есть важнейшая цель современного человека, но необходимое условие его духовного развития в XXI в. Поскольку информация и знание являются стратегическими ресурсами современного общества, нанаучные исследования современного человека могут рассматриваться как одно из действенных средств противодействия репрессивному воздействию общества, выражающихся, главным образом, в технологиях массовой манипуляции.

Информационно-психологическая репрессивность современного общества, представленная прежде всего технологиями массовой манипуляции, подвергает сомнению не только стремление к свободе человека, но и наличие формальных свобод.

Современный человек постоянно получает потоки убеждающих сообщений, формирующих его мысли, вкус, действия. Информация, циркулирующая в обществе, искажена властными и коммуникативными интересами тех, кто ее транслирует, что ведет к тому, что современный человек оказывается погруженным в слухи, домыслы, догадки. Современный человек – объект не явно выраженных, но настойчивых предписаний обновления вещей; в политической сфере *на долю современного человека зачастую остается лишь бессознательно воспринимать имиджи, картинки, а также впитывать месседж заранее заготовленных речей.* Принятие такого положения дел ведет к конформизму, а неприятие – снижает радиус доверия современного

человека различным медиумам. Вектор стремления к свободе современного человека уже не направлен на Бастилию, ассоциирующуюся в 1789 г. с беззаконием абсолютистских режимов, это не ужасы ГУЛАГа, это не Рейхстаг в 1945 г. как символ преступлений против Жизни. Стремление к свободе современного человека – это действия, направленные на нейтрализацию репрессивного воздействия разнообразных форм информационно-психологических потоков, транслирующих символическое насилие.

История цивилизации свидетельствует о том, что существование угроз свободе активизировало стремление человека к ее достижению. Реакция лежит в основе таких исторических форм стремления к свободе, как борьба с иноземными захватчиками, несправедливым повышением бремени налогообложения, притеснения на религиозной почве и др. Реалии современного общества с ее информационностью, означающей, что от информационных потоков зависит не только производство, но и генерация власти и, что не менее важно, репрессивности, делают такое понимание свободы анахроничным. Термин «информационность» в контексте социального бытия современного человека подчеркивает, что его свобода в большей степени зависима от реакций на информационные потоки, которые он постоянно получает в своем социальном бытии. Между тем рост информационных потоков не привел к соответствующему росту знаний, и это важнейший фактор, свидетельствующий о том, что стремление к свободе в системе ценностей современного человека не находит значительного отражения.

Угрозы свободе современного человека идут от социальных феноменов, которые практически невозможно исключить из его социального бытия. Современный человек не должен стремиться исключить из своей жизни Интернет, телевидение, прессу или рекламу на улицах мегаполисов. Такая ситуация, помимо своей абсурдности, привела бы к еще большей репрессивности. Современному человеку необходимо защищать себя так хорошо, чтобы институты вынуждены были реформироваться, что требует умения устранять информационно-психологическую репрессивность, ограничивающую интеллектуальные потенции реципиентов и «затуманивающую» истинное содержание информации.

Значительная часть повседневной жизни современного человека, его работа, отдых, персональные контакты протекают внутри информационного пространства. Экономическая, политическая и культурная деятельность представляют собой симбиоз коммуникации онлайн и живого общения. Все это создает возможности для развития, но также делает более легким контроль над современным человеком, помещая его в информационный паноптикон. Информационно-психологические формы репрессивности современного общества требуют от него не реактивных, но проактивных устремлений к свободе, направленных не на отвечающие, но опережающие действия. Конструирование и распространение информации подчинено целям рекламных компаний, экспертов по связям с общественностью, специалистов по дезинформации из министерств обороны. Слишком значительный вес в обществе имеют структуры, выбирающие определенный способ подачи информации,

искажая и приукрашивая ее. В таком виде информация склоняет людей в пользу определенной позиции, что с новых оснований ставит вопрос о человеческой свободе. Определенные группы участников политики или борющихся за материальные блага активно используют технологии массовой манипуляции во властных отношениях, придавая циркулирующей информации нужную направленность. В дополнение различные специалисты по технологиям массовой манипуляции всеми силами стремятся создавать и поддерживать иллюзию, что все действия современного человека свободные.

В условиях, когда информационные потоки принимают активное участие в генерировании власти и материальных ценностей, таким институтам, как университеты, телевидение, радио, Интернет, печать, музеи и библиотеки, а также интеллектуалам, стоящим во главе них, очень трудно отказаться от своей властной составляющей, деидеологизироваться, находиться вне поля воздействий технологий массовой манипуляции. Современные субъекты властных отношений рассматривают эти институты, финансируют их, исходя из соображений полезности в конструировании властных конфигураций, которые отвечают их специфическим интересам. Тогда как а priori предполагается, что основной принцип функционирования всех вышеперечисленных институтов заключается в беспристрастном, объективном распространении информации и знаний. Современный человек, таким образом, теряет гносеологические ориентиры для осуществления свободной деятельности, стремления к свободе. Общество не дает ясных представлений о том, какая свобода ему необходима.

В лице коммерциализированных и пронизанных конъюнктурой властных отношений институтов затруднена сама возможность понимания свободы. Поэтому современному человеку остается надеяться на самого себя, свои навыки, интеллектуальные и волевые потенции, без которых, учитывая характер репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции, субъективация невозможна.

Современный человек должен сам управлять собой, иначе будут *скрыто*, а значит и более изощренно, управлять им самим. К свободе может стремиться каждый вне зависимости от социальных, национальных, половых и других факторов структуризации. Человек стремится к свободе не только и даже не столько в силу своего социального положения, а в силу духа, клонящего его к свободе. Успешное противодействие репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции требует не сиюминутных нормативно-правовых или институциональных актов, но длительных экзистенциальных усилий, направленных на совершенствование современного человека.

Технологии массовой манипуляции ставят современного человека перед ужасающей, если додумать ее до конца, экзистенциальной ситуацией: не только социальная реальность, общественные ценности, но и сам современный человек, его мысли, убеждения и предпочтения во многом представляют собой результат конструирования этих технологий. Современный человек в ходе своей социальной жизни «привыкает» к различным

проявлениям технологий массовой манипуляции и склонен все меньше и меньше замечать их воздействие.

В процессе исследования было выявлено, что технологии массовой манипуляции в условиях глобализации представляют собой значительный фактор, влияющий на все социальное пространство, в том числе и на конфессиональные и межконфессиональные отношения. Поэтому различные технологии массовой манипуляции явно и потенциально представляют собой угрозу глобальной и национальной безопасности.

Конфессиональные и межконфессиональные конфликты, противоречия, кризисы в условиях глобализации во многом являются результатом социального конструирования, технологически созданного и направленного на достижение скрытых целей. Используя конструирование, умолчание (в том числе и последствий изменений, вызванных каким-либо событием, фактом, процессом), искажение, селекция, передергивание, переворачивание) технологии массовой манипуляции в значительной степени искажают социальную коммуникацию. Поэтому важнейшая угроза конфессиональной и межконфессиональной безопасности, исходящая от технологий массовой манипуляции – это искажения, извращения основных положений религий, извращение их социальной миссии, гипертрофированное восприятие религиозных ценностей и истин.

Технологии массовой манипуляции активно обыгрывают те или иные религиозные стереотипы и предубеждения. Происходят целые кампании по «сатанизации» в средствах массовой информации образа той или иной религии. Технологии массовой манипуляции активно используются различными религиозными сектами.

В эпоху глобализации конфессиональные и межконфессиональные отношения могут быть гармонизированы только при условии нейтрализации их репрессивного воздействия. Для этого необходима разработка алгоритмов противодействия им, предполагающая фундаментальные и прикладные научные исследования.

К сожалению, развитие научных исследований в этом плане отстает от практики. В отечественной социогуманитарной науке еще только начинается изучение технологий массовой манипуляции, исследователи пытаются понять сущность, значение, классифицировать их основные проявления. Однако существующая реальность требует более глубоких и разносторонних, в том числе и эмпирических исследований, предполагающих, что технологии массовой манипуляции – не нечто новое и диковинное, а константа общественного развития в эпоху глобализации. Стремительность распространения массовой манипуляции в эпоху глобализации, их постоянная изменчивость, появление новых, более изощренных технологий может привести к значительным и глубоким конфессиональным и межконфессиональным конфликтам. Поэтому умение нейтрализовывать их репрессивное воздействие в духовной жизни является насущной задачей не только верующих людей, но и всего глобализирующегося общества.

ГЛОССАРИЙ

1. **Акторы** – участники тех или иных социальных отношений.
2. **Глобальная безопасность** – состояние защищенности важнейших интересов всего мира.
3. **Государственно-конфессиональные отношения** – отношения государства в лице основных субъектов власти, управления и конфессий, представленных различными духовными учреждениями, общественно-религиозными организациями. Государственно-конфессиональные отношения существуют главным образом в политико-управленческой, образовательной, а также идеологической сферах общественной жизни.
4. **Конфессиональные и межконфессиональные отношения** – это особый вид культовой и внекультовой коммуникации в духовной сфере, выстраивающийся вокруг таких параметров социальной жизни, как вера в сверхъестественное, сакральное, культ, религиозные организации, государство, политика.
5. **Конфессиональная и межконфессиональная безопасность** представляет собой состояние защищенности духовных интересов общества, государства и личности, предполагающая способность основных субъектов социального действия сохранять и развивать традиции религиозности, не причиняя ущерба представителям других конфессий.
6. **Национальная безопасность** – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их деятельности от внутренних и внешних угроз и опасностей.
7. **Религия** – это специфическая форма освоения мира посредством веры в сверхъестественное, Абсолют, которая включает в себя общие воззрения на мир, способы его постижения, моральные нормы поведения, обряды, культовые действия в рамках организационного объединения верующих.
8. **Религиозность** – это социально–психологическое свойство человека, субъективное отражение, степень принятия элементов религии, проявляющиеся в сознании и поведении личности.
9. **Религиозный терроризм** – это идеология и практика воздействия на духовную сферу общества, предполагающее насилие с целью повлиять на принятие решений субъектами религиозной жизни, а также акции устрашения.
10. **Религиозный экстремизм** – это деятельность, направленная на отказ от основных религиозных норм, их гипертрофированное понимание, сопровождающееся как правило применением насилия как социального регулятора.
11. **Технологии массовой манипуляции** – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности посредством формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих репрессивное воздействие на объект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеева И.А.* Религия и традиционные ценности в эпоху глобализации / И.А. Авдеева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 11. – С. 230-234.
2. *Айсмонтас Б.Б.* Общая психология: Схемы / Б.Б. Айсмонтас. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. – 288 с.
3. *Аронсон Э., Пратканис Э.* Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Пратканис. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.
4. *Артюшкин В.Ф.* Религиозный фактор во внутренней и внешней политике России / В.Ф. Артюшкин // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2011. – Т. 253. – № 2. – С. 5 – 17.
5. *Баберо Ж.* Французское понятие светскости *laicite* в контексте глобализации / Ж. Баберо // Религия и светское государство. – С 36–48.
6. *Бабюк М.И.* Социальная манипуляция: философский анализ / М.И. Бабюк // дисс. канд. филос. наук. М. 2004. – 125 с.
7. *Барт Р.* Мифология. / Р. Барт. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
8. *Барышников Д.Н.* Конфликты и мировая политика. / Д.Н. Барышников. – М.: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. – 384 с.
9. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
10. *Бауман З.* Текучая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
11. *Бейджент М., Ли Р.* Манипуляция массовым сознанием и культы / М. Бейджент, Р. Ли // Режим доступа: <http://www.kybalion.ru/germetizm/segodnya/284.html>. Режим доступа: 29.09.2012.
12. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
13. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение / У. Бек // М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
14. *Бек У., Лай К.* Вторая модерность как предмет изучения: теоретические и эмпирические исследования «мета-изменения» современного общества / У. Бек, К. Лай // Россия и современный мир. – 2006. – № 3. – С. 235-239.
15. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. CLXX, 788 с.
16. *Бердяев Н.А.* Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1995. – 528 с.
17. *Беспаленко П.Н.* Конфессиональный фактор духовной безопасности в политике современной России / П.Н. Беспаленко // Научные ведомо-

сти Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2008. –Т. 10. – № 8. – С. 141-149.

18. *Бодрийар Ж.* Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийар. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.

19. *Бодрийар Ж.* Соблазн / Ж. Бодрийар. – М.: Издательство Ad Marginem, 2000. – 318 с.

20. *Бойков В.Э.* Государство и гражданское общество в тисках взаимного отчуждения / В.Э. Бойков // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 90-103.

21. *Бурдье П.* О символической власти / П. Бурдье // Социология социального пространства. С. 87 – 97.

22. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 576 с.

23. *Буркин А.И., Возжеников А.В.* Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / А.И. Буркин, А.В. Возжеников. - М. РАГС, 2008. -480 с.

24. *Бурьянов С.А.* Свобода совести как глобальная ценность, на пути к политическому единству и решению глобальных проблем / С.А. Бурьянов // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 136-151.

25. *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды / Л. Войтасик. — М. Прогресс. 1981. — 278 с.

26. *Варрон Марк Теренций.* О сельском хозяйстве / Марк Теренций Варрон. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

27. *Волков Е.Н.* Консультирование жертв интенсивного манипулирования психикой: основные принципы, особенности практики / Е.Н. Волков // Журнал практического психолога. – 1997. – № 1. – С. 102-109.

28. *Герман В.А.* Формирование толерантного сознания как средство профилактики экстремизма / В.А. Герман // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2007. – № 8. – С. 43-48.

29. *Гидденс Э.* Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. –704 с.

30. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.

31. *Горбачев А.А.* Манипулирование политическим сознанием электората / А.А. Горбачев // Социология власти. – 2008. - № 3. - С.146-153.

32. *Горяинова О.В.* Школа гипноза для начинающих: установление контакта: Подстройка: Раппорт; Наведение транса на собеседника; Манипуляция сознанием собеседника; Самогипноз / О.В. Горяинова. – М.: Ростов н.Д. Феникс, 2008. – 288 с.

33. Государственно-церковные отношения в России: (Опыт прошлого и современное состояние). М.: Изд-во РАГС, 1996.

34. *Грачев Г.В., Мельник И.К.* Манипулирование личностью / Грачев Г.В., Мельник И.К. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 384 с.
35. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 4. – 452 с.
36. *Гутнер Г.* Секулярность, постсекулярность и универсализм / Г. Гутнер // Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – С. 7-24.
37. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М.: «ЧеРо» совместно с издательством «Юрайт», 2000. – 344 с.
38. Духовная безопасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности). - Москва. 2005. - 109 с.
39. Духовная безопасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности). - Москва. 2005.
40. *Жирар Р.* Насилие и религия: причина или следствие? / Р. Жирар // Логос. – 2008. – № 4. – С. 129 – 140.
41. *Зелинский С.А.* Манипуляция массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик / С.А. Зелинский. – СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ»-2008.-248 с.
42. *Иванов Д.* Общество как виртуальная реальность // Информационное общество / Д. Иванов. – М.: АСТ, 2004. –С. 355-428.
43. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 227 с.
44. *Иноземцев В.Л.* Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах / В.Л. Иноземцев // Социологические исследования. – 2000. – № 8. - С. 18-27.
45. *Исайчева И.А.* Бей первым. Противостояние манипуляциям / И.А. Исайчева. – М.: Гелиос, 2008. – 256 с.
46. *Ишмаев А.Р.* Энергетическая безопасность в системе национальной безопасности России в XXI в.: политологический анализ / А.Р. Ишмаев // Дисс. канд. полит. н. – Уфа, 2011. – 161 с.
47. *Каллиникос, А.* Антикапиталистический манифест / А. Каллиникос // М.: Праксис, 2005. – 192 с.
48. *Кара-Мурза С.Г.* Власть манипуляции / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Академический Проект, 2007. – 384 с.
49. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 864 с.

50. *Кара-Мурза С.Г., Смирнов С.* Манипуляция сознанием-2 / С.Г. Кара-Мурза, С. Смирнов. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. – 528 с.
51. *Карпухин Ю.Г.* Армия, правоохранительные органы и религиозная безопасность / Ю.Г. Карпухин // Вестник российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 5. – С. 121-130.
52. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М.: Издательство «Гнозис», издательство «Логос», 2003. – 480 с.
53. *Кляйн Н.* Заборы и окна: Хроника антиглобализационного движения / Н. Клейн. – М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2005. – 304 с.
54. *Козырев Ф.Н.* Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе / Ф.Н. Козырев – СПб., 2005.
55. *Кондрашин И.И.* Светскость как альтернатива теизму и атеизму / И.И. Кондрашин // Вестник РФО. 2007. № 3. – С. 32 – 44.
56. *Коткин С.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте / С. Коткин // Мишель Фуко и Россия: сборник статей. М. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. – С. 239-316.
57. *Курлов А.Б., Петров В.К.* Основы информационной политики / А.Б. Курлов, В.К. Петров-М.: Юрист, 2009.-350 с.
58. *Липман У.* Публичная философия / У. Липман. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 160 с.
59. *Луков В.В.* Интернет как инструмент политических технологий в США / В.В. Луков // США-Канада: экономика-политика-культура. 2005. - № 5. - С. 91-108. С. 91; *Шупер В.А.* Россия в глобализованном мире: альтернативы развития / В.А. Шупер // Вопросы философии 2008 № 12. С. 3-22.
60. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Н. Луман. – М.: Праксис, 2005. – 240 с.
61. *МакЛюэн М.* Средство есть само содержание / М. МакЛюэн// Информационное общество. СПб.: - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 341-349.
62. *Марк Аврелий Антонин.* Размышления / Марк Аврелий Антонин. – Л.: «Наука» 1985. – 246 с
63. *Метелев С.Е.* Национальная безопасность и приоритеты развития России: социально-экономические и правовые аспекты./ С.Е. Метелев // М.: Юнити, 2006. – 223 с.
64. *Михайличенко Д.Г.* Противостоять и самостоять: индивидуальность современного человека в контексте репрессивности общества неомодерн / Д.Г. Михайличенко. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 308 с.
65. *Московичи С.* Машина, творящая богов / С. Московичи. – М.: Центра психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.

66. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения / А.П. Назаретян. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 112 с.
67. Оврах Н.К., Оврах Г.П. Религиозный фактор политических конфликтов в АТР / Н.К. Оврах, Г.П. Оврах // Россия и АТР. – 2009. – № 3. – С. 80-88.
68. О'Коннор Д., Сеймор Д. Введение в нейролингвистическое программирование / Д. О'Коннор, Д. Сеймор. – Челябинск: «Версия», 1997. – 288 с.
69. Орлов М.О. Место и роль религии в глобальных процессах современности / М.О. Орлов // Власть. – 2008. – № 4. – С.91-94.
70. Патрушев Н.П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России / Н.П. Патрушев // Журнал Российского права. – 2007. – № 7. – С. 3-12.
71. Патрушев Н.П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России / Н.П. Патрушев // Право и политика. – 2003. – № 11. – С. 82-88.
72. Пелипенко В. Национальная безопасность Российской Федерации/ История. Концепция. Документы./ В. Пелипенко // М.: Айрис, 2005. – 112 с.
73. Петров М.А. О соотношении понятий «знание» и «информация» / М.А. Петров // Дисс. канд. филос. н. Красноярск. 2005.-146 с.
74. Пигров К.С. Социальная философия / К.С. Пигров. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 296 с.
75. Понкин И.В. Светскость государств / И.В. Понкин. – М., 2004.
76. Постатеистическая эра // Коммерсантъ. 2006. № 176 (№ 3507) от 21.09.2006.
77. Психика // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. Энциклопедия. 1970. С. 43-46.
78. Пугачев В.П. Управление свободой / В.П. Пугачев. – М.: Ком-Книга, 2005. – 272 с.
79. Пугачев В.П. Экологическое манипулирование в управлении государством / В.П. Пугачев // Вестник московского университета. – 2005. – № 1. – С. 89 – 111.
80. Рагимова А. Религиозный фактор в межэтнических конфликтах / А. Рагимова // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2010. – № 4. С. 91-97.
81. Религия в нашей жизни // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 789. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=8954>. Режим доступа: 11.10.2007 г.
82. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. – М.: Наука, 2007. – 640 с.

83. Семенов В.В. Этноконфессиональная специфика проявления национального и религиозного в политике / В. Семенов // Этнос и конфессии. – 2010. – № 2. – С. 110-113.

84. Сеннет Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет. – М.: «Логос», 2002. – 424 с.

85. Сучкова О.В. Ценности социально-безопасного поведения религиозной молодежи / О.В. Сучкова // Известия Российского государственного педагогического университета А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 480-484.

86. Тагиров Э.Р. / «Война карикатур» или «война цивилизаций»? (конфликтологический подход к проблеме) // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2006. - № 1. – С.124-127.

87. Таранов П.С. Приемы влияния на людей / П.С. Таранов. - М.: Агентство «ФАИР», 1997. – 608 с.

88. Тигин С.Г. Политический риск в обеспечении национальной безопасности / С.Г. Тигин // Дисс. канд. полит. наук – М. 2006. – 162 с.

89. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М.: Прогресс. 1992. – 560 с.

90. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 781 с.

91. Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века / М. Уолцер. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 360 с.

92. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер.- М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

93. Фельдман А. Религиозные конфликты не могут быть локальными / А. Фельдман // <http://podrobnosti.ua/opinion/2012/04/25/833619.html>. Режим доступа: 14.09.2012 г.

94. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл // М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

95. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 314 с.

96. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.

97. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.

98. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2006. – 452 с.

99. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. Издательство АСТ, 2003. – 603 с.

100. Хардт М., Негри А.. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.

101. *Хассен С.* Освобождение от психологического насилия: деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи / С. Хассен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 400 с.
102. *Хассен С.* Секреты манипуляции сознанием / С. Хассен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 390 с.
103. *Хелд Д.* Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд и др. – М.: Праксис, 2004.-XXiV, 576 с.
104. *Хомски Н.* Государства-изгои. Право сильного в мировой политике / Н. Хомски. – М.: Логос, 2003. – 320 с
105. *Шевцов В.М.* Диалог мировых религий как важнейшее условие обеспечения национальной безопасности / В.М. Шевцов // Пространство и время. – 2012. – № 1. – С. 82-86.
106. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М.: Мысль, 1980. – С. 19 – 203.
107. *Щербатых Ю.В.* Психология выборов. Манипуляция массовым сознанием / Ю.В. Щербатых. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 400 с.
108. *Шупер В.А.* Россия в глобализованном мире: альтернативы развития / В.А. Шупер // Вопросы философии. – 2008. – № 12. – С. 3-22.
109. *Элиаде М.* Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / М.: Ладомир. 1999. – 488 с.
110. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Н. Элиас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.
111. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт // Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Э. Юнгер. – СПб «Наука», 2002. – С. 5-441.
112. *Яблоков И.Н.* Религиоведение: учебное пособие и словарь-минимум по религиоведению. – М.: Гардарики, 1998. – 536 с.
113. *Ясперс К.* Современная техника // Новая технократическая волна на Западе / К. Ясперс. – М.: «Прогресс», 1986. С. 119-147.
114. *Яхьев М.Я., Камышова Е.Г.* Светское и религиозное в современном обществе / М.Я. Яхьев, Е.Г. Камышова // Исламоведение. – 2001. – № 3. – С. 39 – 45.

Научное издание

Михайличенко Дмитрий Георгиевич
Михайличенко Алла Ирековна

**Влияние технологий массовой манипуляции
на религиозную жизнь эпохи глобализации**

Верстка *К.Б. Владимиров*

Подписано в печать 31.10.2012. Формат 60X84/16.
Компьютерный набор. Гарнитура Times.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 9,0. Уч.-изд. л. – 8,75.
Тираж 500 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а